

ЛУИ НИЛЬСОН

Ингредиенты Счастья

Температура карамели

Луи Нильсон

Ингредиенты счастья: Температура карамели

<https://litres.ru/74041736>

SelfPub; 2026

Аннотация

Таисия — кондитер-перфекционист, для которой жизнь — это точный расчет, идеальная геометрия и контроль. Она вложила душу в пекарню в старинном здании, не подозревая, что фундамент её благополучия сложен из лжи.

Владелец здания Глеб скрывает правду о документах, способных разрушить их общее дело в один миг. Когда семейные тайны прошлого всплывают наружу, а право на владение оказывается иллюзией, Таисии приходится признать: не всё в мире подчиняется рецепту.

Это история о поиске опоры, когда почва уходит из-под ног, и о том, что настоящие чувства не имеют срока годности.

Смогут ли они спасти свой дом, когда время горит, словно пережженная карамель?

Содержание

ГЛАВА 1: ИНГРЕДИЕНТЫ СЧАСТЬЯ	4
ГЛАВА 2: ЗАПАХ ПЫЛИ	20
ГЛАВА 3: ЮРИДИЧЕСКИЙ ТУПИК	39
ГЛАВА 4: ПЕРВАЯ АТАКА	57
ГЛАВА 6: ТЕНЬ ОТЦА	87
ГЛАВА 7: СЕНСОРНАЯ ВОЙНА	102
ГЛАВА 8: ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ	120
ГЛАВА 9: ПЕРВЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ	137
ГЛАВА 10: АРХИВНЫЙ ПОИСК	152
ГЛАВА 11: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА	167
ГЛАВА 12: СУШКА ЧУВСТВ	183
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Ингредиенты счастья: Температура карамели

ГЛАВА 1: ИНГРЕДИЕНТЫ СЧАСТЬЯ

Семён Борисович пахнет как старая библиотека, в которой кто-то тайком съел чебурек. Этот запах - смесь столетней пыли, типографской краски и дешёвого жира - впитывается в мои поры, пока я сижу на жёстком стуле. Стул скрипит при каждом микродвижении. Я чувствую это скрип копчиком, он отдаёт в позвоночник, заставляя меня держать спину ещё прямее. Моя осанка - это мой каркас, единственное, что не даёт мне рассыпаться на мелкие фракции, когда уровень неопределённости в воздухе превышает допустимую норму. Я сижу на самом краю, стопы плотно прижаты к полу, параллельно друг другу. Баскетбольная привычка: всегда быть готовой к рывку, к тому, что мяч - или жизнь - отскочит в непредсказуемую сторону.

Перед Семёном Борисовичем лежит папка. В ней сорок пять квадратных метров моей личной свободы. Или моей личной тюрьмы, тут всё зависит от того, как взбить белки. Если перевзбить - получится сухая подошва, если недожать -

всё осядет бесформенной лужей. Я смотрю на верхний лист договора. Плотность бумаги примерно сто двадцать граммов на метр, не меньше. Солидно. Нотариус барабанит пальцами по столу. У него короткие, пухлые пальцы с обкусанными заусенцами. Человек, который не может контролировать даже собственную кутикулу, ставит печати на документах, определяющих судьбы. Иронично.

- Таисия Игоревна, вы читаете этот пункт уже в четвёртый раз, - его голос дребезжит, как плохо закреплённая полка в холодильнике. - Там стандартные условия. Форс-мажор, стихийные бедствия, восстание мертвецов. Подписывайте, у меня в коридоре очередь из желающих заверить доверенность на кота.

Я не поднимаю глаз. Мой взгляд впился в пункт 4.2.1. Арендатор обязуется не производить шумных работ в часы отдыха. Что такое шум для кондитера? Гул профессионального миксера - это шум или производственная необходимость? А звук, с которым противень ударяется о направляющие в печи? Для меня это музыка. Для кого-то - повод вызвать полицию.

- Семён Борисович, время - это температура карамели, - говорю я, не меняя интонации. - Секунда раньше - прозрачный сироп. Секунда позже - горькая гарь. Я не тороплюсь, потому что не хочу, чтобы моя жизнь горчила.

Я достаю из сумки свой пенал. Это не просто пенал, это мой набор инструментов. Три ручки разной толщины, раз-

ложенные по ранжиру. Я кладу их на стол параллельно краю папки. Прямой угол. Девяносто градусов. Идеальная геометрия успокаивает. Мой внутренний тренер одобряюще кивает. Хорошая база, Тая. Главное - не заступать за линию.

Я вспоминаю, как в десять лет мы переезжали в четвёртый раз за год. Отец тогда сказал, что это приключение. Но приключения не пахнут сырыми картонными коробками и мамиными слезами, которые она пыталась спрятать в ванной, где не было двери, только занавеска с дельфинами. Тогда я поняла: если у тебя нет бумаги, на которой синим по белому написано, что это место твоё, тебя могут выставить на мороз в любой момент. С тех пор я не верю словам. Я верю только юридическим конструкциям и качественным ингредиентам.

- Вот здесь, - я указываю ручкой на абзац о субаренде. - Тут написано, что я не имею права. Но если мне понадобится поставить там точку по продаже кофе стороннего оператора?

- Таисия, милая, - нотариус вздыхает так тяжело, будто я прошу его лично испечь мне торт. - Вы снимаете помещение в здании, которое признано памятником чего-то там. Там каждый гвоздь на учёте. Какая субаренда? Подписывайте, пока собственник не передумал. Он человек настроения. Сегодня он сдаёт вам бывшую кладовую, а завтра решит открыть там музей истории пыли.

Собственник. Я его видела один раз. Мужчина с лицом человека, который съел лимон и пытается сделать вид, что это изысканный десерт. Его плечи были напряжены так, буд-

то он постоянно ждёт удара под дых. Я тогда подумала: у него забиты трапециевидные мышцы, ему бы массаж и пару недель без телефона. Но вместо этого он сдаёт мне помещение в старом центре, где стены толщиной в локоть, а окна выходят во двор, который выглядит так, будто там снимали кино про дореволюционную интеллигенцию.

Я беру первую ручку. Гелевая, чёрная, пишет мягко. Мои пальцы сжимают её уверенно. Мышечная память: так я держу кондитерский мешок, когда вывожу тонкие линии айсингом на свадебном торте. Рука не должна дрожать. Один лишний миллиметр - и вся композиция летит в мусорное ведро.

Я ставлю подпись. Быстро, размашисто. Хвостик буквы Я уходит вниз, как финальный аккорд. Готово.

- Первый пошёл, - бормочу я себе под нос.

- Что, простите? - Семён Борисович уже тянется за вторым экземпляром.

- Ничего. Оцениваю плотность теста.

Я подписываю остальные страницы. Параграф за параграфом. Я чувствую, как напряжение в моих плечах начинает отпускать, но не полностью. Полное расслабление - это ошибка. В спорте это называется потеря концентрации. Как только ты решишь, что победа в кармане, противник сделает трехочковый из раздевалки.

Мой бизнес-план просчитан до копейки. Я знаю, сколько граммов муки уходит на один круассан и сколько секунд нужно держать печь открытой, чтобы температура не упа-

ла ниже критической отметки. Я - это мои цифры. Если я перестану считать, я исчезну. Я стану той маленькой девочкой, которая сидит на чемодане в коридоре чужой квартиры и ждёт, когда папа найдёт ключи от следующего временного пристанища.

Нотариус забирает бумаги, хлопает по ним тяжёлой печатью. Звук сухой, окончательный. Так захлопывается дверь сейфа.

- Поздравляю, Таисия Игоревна. Теперь вы - гордый арендатор сорока пяти метров исторической недвижимости. Ключи у администратора на первом этаже.

Он начинает собирать свои вещи, явно намекая, что аудиенция закончена. Но потом замирает, его глаза за толстыми линзами очков внезапно становятся хитрыми.

- Только вот что я вам скажу, - он понижает голос до заговорщицкого шепота. - Удачи вам с соседом. Он у нас... особенный.

- В каком смысле? - я замираю, уже убирая ручки в пенал.
- У меня по договору отдельный вход.

- Вход-то отдельный, а вот стена общая. И вентиляция, кажется, тоже. Там за стеной книжная лавка. Глеб её держит. Сложный человек. На дух не переносит современную суету. А ваши пирожные... это ведь суета, верно?

- Мои пирожные - это технологический процесс, доведённый до совершенства, - отрезаю я. - А не суета.

Я встаю. Мои колени не хрустят, спасибо регулярным тре-

нировкам. Я чувствую себя как сжатая пружина, которую наконец-то отпустили. Я выхожу из кабинета, не оглядываясь. В коридоре действительно очередь. Люди с серыми лицами, сжимающие в руках папки. Они смотрят на меня с завистью, потому что у меня в руках ключи от моей собственной реальности.

На первом этаже я забираю связку. Три ключа на тяжёлом кольце. Они холодные, пахнут металлом и старым маслом. Я сжимаю их в кулаке так сильно, что грани врезаются в ладонь. Физическая боль - хороший заземлитель. Она напоминает, что всё это происходит на самом деле.

Я выхожу на улицу. Город обрушивается на меня шумом машин и запахом плавящегося асфальта. Июль в этом году выдался агрессивным. Воздух густой, его можно резать ножом, как неудавшийся бисквит. Я иду к своему новому дому. Дому для моих печей, моих миксеров и моих амбиций.

Здание на Соляном переулке выглядит величественно и немного облупленно. Как аристократ, который разорился, но всё ещё чистит ботинки до блеска. Моя дверь - сбоку, под кованым козырьком. Рядом - большая витрина, забитая книгами. "Лавка древностей". Название написано вычурным шрифтом, который сложно прочитать с первого раза. Книжки в витрине лежат в художественном беспорядке, покрытые слоем пыли, который кажется здесь частью интерьера.

Я подхожу к своей двери. Ключ входит в замок с трудом, приходится приложить усилие, навалиться плечом. Дверь

поддаётся с протяжным стоном. Внутри темно и пахнет пустотой. Знаете, как пахнет пустота? Известкой, закрытым пространством и чьими-то несбывшимися надеждами. Предыдущий арендатор пытался открыть здесь магазин эзотерических товаров. Судя по запаху благовоний, который всё ещё цепляется за углы, дела у него шли так себе. Вселенная не помогла оплатить счета.

Я включаю свет. Одинокая лампочка под потолком мигает и выдаёт тусклый, желтушный свет. Пространство кажется меньше, чем в плане. Или это я слишком большая для него? Я начинаю мерить комнату шагами. Длина шага - восемьдесят сантиметров. Раз, два, три... Я выстраиваю в голове траектории. Вот здесь встанет пекарский шкаф. Здесь - мраморная столешница для работы с шоколадом. Шоколад не терпит тепла рук, ему нужна прохлада камня. А вот здесь - зона выдачи.

Я закрываю глаза и представляю запах. Не этот затхлый дух старой магии, а аромат свежего сливочного масла, ванили сорта Бурбон и чуть поджаренного фундука. Мощный запах, который будет просачиваться сквозь щели, захватывать тротуар и заманивать прохожих.

Вдруг за стеной раздаётся звук. Стук. Глухой, ритмичный. Будто кто-то забивает гвозди в вечность. Или просто переставляет тяжелые коробки. Стена вибрирует. Я прикладываю ладонь к старым обоям, которые шелушатся, как кожа после загара. Вибрация передаётся в кончики пальцев. Сосед.

Глеб. Тот самый любитель тишины.

Я решаю, что вежливость - это лучший способ обозначить границы. Или, как говорил мой тренер, перед матчем нужно пожать руку противнику, чтобы потом с чистой совестью его разгромить.

Я выхожу на улицу и делаю три шага вправо. Дверь книжной лавки открыта. Внутри царит полумрак и прохлада, которую могут обеспечить только очень толстые стены и полное отсутствие солнечного света. За прилавком, который больше похож на баррикаду из старых фолиантов, сидит человек.

Он не поднимает головы, когда я вхожу. Он читает. Серьёзно? Люди всё ещё делают это в разгар рабочего дня? Он перелистывает страницу так медленно, будто каждое слово весит по килограмму. На нём старый серый джемпер, несмотря на жару. Плечи опущены, но в этой позе нет расслабленности. Это статика сжатой пружины, только другой модели, чем у меня. Его тишина - это не отсутствие звука, это активное сопротивление окружающему миру.

- Здравствуйте, - говорю я. Мой голос в этом склепе звучит слишком громко, слишком энергично. Будто я принесла портативную колонку на кладбище.

Он медленно, очень медленно поднимает глаза. Взгляд тяжёлый, как застывшая глазурь. Цвет глаз неопределённый, как пыль на тех самых книгах в витрине.

- Здравствуйте, - отвечает он. Голос низкий, с расстанов-

кой. Он произносит слова так, будто они - редкие монеты, которые ему жалко тратить. - Вы, должно быть, Таисия. Нотариус предупреждал, что сегодня день великих потрясений.

- Потрясений? Я просто арендовала соседнее помещение. Мы теперь коллеги по... локации.

- Коллеги, - он едва заметно усмехается. Улыбка не затрагивает глаз. - Боюсь, наши сферы деятельности находятся на разных полюсах эволюции. Я храню мысли, застывшие на бумаге. Вы собираетесь производить скоропортящиеся калории.

- Я собираюсь производить искусство, которое можно съесть, - я чувствую, как в области солнечного сплетения начинает закипать раздражение. Это физическое ощущение, похожее на то, как закипает молоко в сотейнике - нужно вовремя убавить огонь, иначе всё зальёт плиту. - И я надеюсь, что наши... полюса не будут сталкиваться слишком часто.

Глеб закрывает книгу. Медленно закладывает страницу кожаной закладкой. Его движения выверенные, лишённые лишней суеты. Он оценивает меня. Я чувствую это кожей. Он смотрит на мои кроссовки, на мои коротко подстриженные ногти - никакой лак не выдержит постоянного контакта с тестом и жаром, - на мою прямую спину. Для него я - шум. Я вижу это в том, как он едва заметно морщится.

- Помещение за вашей стеной, Таисия, обладает удивительной акустикой, - говорит он, вставая. Он выше, чем я думала. Худой, но не костлявый. Тот тип телосложения, кото-

рый в баскетболе называют жилистым. - Здесь слышно даже, как падает пылинка. Я надеюсь, ваши миксеры умеют шептать.

- Они умеют работать, - я делаю шаг вперёд, вторгаясь в его личное пространство. Воздух между нами становится плотным. - А я умею соблюдать условия договора. Пункт 4.2.1. Шум только в рабочее время.

- Рабочее время для каждого своё, - он выходит из-за прилавка. Двигается он плавно, как кот, который точно знает, где стоят все вазы в доме. - Для меня работа начинается тогда, когда город замолкает. В тишине лучше слышны голоса мёртвых авторов.

- Ну, мои мёртвые авторы - это французские кондитеры восемнадцатого века. И они говорят, что без хорошего замеса не будет круассана.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти. Мне не нравится этот человек. Он пахнет снобизмом и старой бумагой. Он напоминает мне отца в его худшие периоды - когда тот садился в кресло, смотрел в одну точку и говорил, что мир слишком груб для его тонкой натуры. А в это время в дверь стучали кредиторы.

- Таисия, - его голос догоняет меня у самого выхода. - Оставьте свой номер телефона. На случай, если ваши... ароматы станут слишком агрессивными.

Я оборачиваюсь. Он стоит, прислонившись к полке с книгами, скрестив руки на груди. Его поза - это глухая оборона.

Он защищает свой пыльный мир от моего запаха ванили.

- Запишите, - я диктую цифры быстро, как автоматную очередь. - И не переживайте, Глеб. У меня отличная вытяжка. Вы даже не заметите, что я существую.

- О, я сомневаюсь, - бросает он мне в спину. - Вы из тех людей, которых невозможно не заметить. Вы слишком... вибрируете.

Я выхожу на улицу и с силой вдыхаю горячий воздух. Моё тело в тонусе, мышцы ног напряжены. Вибрирую? Это называется энергия, парень. То, чего тебе явно не хватает в твоём книжном морге.

Я возвращаюсь в своё помещение. Теперь оно кажется мне полем боя. Я провожу рукой по стене, отделяющей меня от Глеба. Шероховатая поверхность. Я представляю, как по ту сторону он сидит в своём джемпере и ждёт, когда я совершу ошибку. Когда я уроню поднос или когда мой миксер взревет слишком громко.

Контроль. Это главное слово. Я должна контролировать всё: температуру, влажность, шум и собственные чувства. Особенно чувства. Они - самый нестабильный ингредиент. Ошибёшься с пропорцией - и всё пойдёт прахом.

Я сажусь на пол, прямо на грязный линолеум. Мне плевать на джинсы. Я достаю блокнот и начинаю рисовать схему коммуникаций. Вода, электричество, канализация. Мои пальцы уверенно чертят линии. Это мой мир. Здесь я бог и главный технолог.

Я вспоминаю слова нотариуса про соседа. "Сложный человек". В моём лексиконе нет слова "сложный", есть слово "неисправный" или "некачественный". Глеб кажется мне человеком с истёкшим сроком годности. Он застрял в прошлом, в своих книгах и тишине. А я - это будущее. Я - это хруст свежей корочки и блеск зеркальной глазури.

Через час я понимаю, что проголодалась. Мой желудок подаёт сигнал - резкое сжатие, знакомое по долгим тренировкам, когда ты забываешь поесть, увлекшись процессом. Я выхожу на улицу. Магазин за углом предлагает стандартный набор: кефир, батон, сыр. Я выбираю продукты автоматически, оценивая их как топливо, а не как еду. Жиры, белки, углеводы.

Возвращаясь, я снова прохожу мимо витрины Глеба. Он всё так же сидит там. Лампа над его головой создаёт нимб, который кажется мне издевательством. Он поднимает глаза и видит мой пакет с продуктами. Его бровь едва заметно взлетает вверх. Оценивает? Осуждает? Мне всё равно.

Я захожу к себе, закрываю дверь на все замки. Металл щелкает трижды. Это мой ритм. Моя безопасность.

Я съедаю бутерброд, глядя в окно. Стемнело. Город сменил гнев на милость, жара спала, оставив после себя липкое тепло. Я чувствую, как усталость начинает заливать мышцы, как густой сироп. Мой внутренний критик шепчет: "Ты сделала это, Тая. У тебя есть место. Теперь ты должна доказать, что имеешь на него право".

Я ложусь на пол, подложив под голову сумку. За стеной тишина. Такая глубокая, что я слышу собственное дыхание. Интересно, он всё ещё там? Сидит среди своих книг, как паук в паутине?

Я закрываю глаза. Мне снится мука. Она падает с неба белым, мягким снегом, покрывая город, заглушая все звуки. Я иду по этому мучному снегу, и мои шаги не оставляют следов. Я лёгкая, я невесомая, у меня нет долгов, нет прошлого, нет необходимости постоянно быть начеку.

Просыпаюсь я от резкого звука. Стук. Опять этот стук за стеной. Я смотрю на часы - три часа ночи. Какого черта?

Я встаю, мои мышцы затекли, спина недовольно ноет. Я подхожу к стене и стучу в ответ. Кулаком по обоям.

- Эй! Сосед! Имейте совесть!

За стеной затихает. На секунду мне кажется, что я победила. Но потом раздаётся голос. Он звучит так чисто, будто Глеб стоит прямо за моей спиной.

- Пункт 4.2.1, Таисия. Часы отдыха. Но для кого-то отдых - это чтение вслух. Вы слышите меня?

- Я слышу, что вы мешаете мне спать! - я прижимаюсь лбом к стене. Штукатурка холодная.

- Я читаю Сенеку. "О скоротечности жизни". Вам полезно будет послушать. Вы так торопитесь всё успеть, что забываете просто быть.

- Я буду "просто быть", когда выплачу кредит за оборудование! Заткнитесь, Глеб!

Тишина возвращается. Но теперь она другая. Она заряжена электричеством. Я стою у стены, чувствуя, как моё сердце бьётся в ритме, который мне не нравится. Слишком быстро. Слишком неритмично.

Я возвращаюсь на свой импровизированный ночлег, но сон не идёт. Я думаю о том, что этот человек - мой личный форс-мажор. Не стихийное бедствие, не восстание мертвецов, а нечто более опасное. Он - тишина, которая пытается поглотить мой шум.

Но он не знает, с кем связался. Я кондитер. Я умею работать с самыми капризными материалами. Я умиряю дрожжевое тесто, я заставляю карамель застывать в нужной форме. Я найду способ справиться и с Глебом.

Я лежу в темноте, глядя в потолок, где пляшут тени от редких машин. Мой первый день в новом качестве подходит к концу. Ингредиенты собраны. Договор подписан. Сосед обнаружен.

Завтра начнётся настоящая работа. Завтра я привезу печи. Завтра я начну превращать эту пыльную кладовую в империю. И никакие мёртвые авторы не смогут мне помешать.

Я чувствую, как мышечная память возвращает мне уверенность. Мои руки помнят вес мешков с мукой, мои ноги помнят часы, проведённые у плиты. Я готова.

Где-то далеко воеет сирена. В коридоре капает кран - медленно, методично. Кап. Кап. Кап. Как таймер, который отсчитывает время до начала главного матча моей жизни.

Я закрываю глаза и на этот раз засыпаю по-настоящему. Без снов. Просто проваливаюсь в темноту, зная, что завтра в восемь ноль-ноль я сделаю первый шаг к своему идеальному круассану. И пусть весь мир, включая подозрительно спокойного соседа, подождёт.

Потому что в моей кухне правила устанавливаю я. И ни один грамм лишнего шума или чужого мнения не испортит мой рецепт. Контроль - это всё, что у меня есть. И я не собираюсь его терять.

Стена между нами кажется тонкой, как папиросная бумага. Я чувствую, что Глеб там, по ту сторону, тоже не спит. Мы как два ингредиента в одной миске, которые пока не знают, станут они нежным кремом или свернувшейся массой, которую придётся выбросить.

Время покажет. А пока - тишина. Напряжённая, как струна, готовая лопнуть в любую секунду. И я держу эту струну в руках, не давая ей сорваться. Я - Таисия, и я знаю цену каждого движения.

Первая глава моей новой жизни написана. И в ней нет места для слабости. Только расчёт, только ритм, только действие.

Я засыпаю с улыбкой, которую никто не видит. Ключи в кармане моей сумки греют мне бок. Это мой трофей. Моя легитимация. Моё право на этот воздух, этот шум и этот запах.

Пусть сосед читает своего Сенеку. У меня есть дела по-

важнее. Мне нужно испечь этот мир и съесть его на завтрак.
Без остатка. Без жалости. С идеальной золотистой корочкой.

Я в фокусе. Я в игре. И я не проигрываю. Никогда.

ГЛАВА 2: ЗАПАХ ПЫЛИ

Пять тридцать утра - это время, когда мир еще не успел набрать обороты, и в воздухе разлита та особенная разреженность, которую я чувствую кожей. Мои мышцы помнят этот ритм: подъем, короткая растяжка, чтобы разогнать лимфу, ледяная вода в лицо. Тело должно быть как идеально отлаженный механизм, как тестомес, который работает без лишнего шума. Если я дам слабину в мелочах, вся структура дня поплывет. Каждое утро - это закладка фундамента. Если весы врут на один грамм, через десять партий ты получишь катастрофу. Я не позволяю себе врать даже в секундах.

Я втиснулась в узкие джинсы, натянула черный худи и затянула волосы в тугий узел. Никаких лишних деталей. В моем деле лишние детали - это мусор, который мешает обзору. В сумке лежала лазерная рулетка, блокнот с техническими спецификациями и термос с двойным эспрессо. Без сахара. Сахар в моей жизни существует только как химический элемент для карамелизации, а не как способ подсластить реальность.

Улица встретила меня серым маревом и запахом озона. Город еще не проснулся, но я уже слышала его пульс. Мой объект - так я называла помещение - ждал меня. Это не просто аренда, это мой плацдарм. Когда я вчера получила ключи, я почувствовала этот вес в кармане как победу на чем-

пионате. Теперь нужно было закрепить успех.

Я подошла к тяжелой дубовой двери. Она выглядела так, будто ее не открывали со времен распада империи, но замок поддался на удивление легко. Внутреннее пространство встретило меня запахом, который я ненавижу больше всего на свете - запахом застоя и пыли. Пыль - это враг. Это признак отсутствия движения, это статика, которая убивает любой бизнес. В кондитерской пыль недопустима, она как инфекция. Я сделала шаг внутрь, и подошвы моих кроссовок глухо отозвались на паркете.

Помещение было огромным, с высокими потолками и лепниной, которая кусками осыпалась на пол. Но я видела не руины. Я видела траектории. Здесь встанет холодильная витрина, здесь - прилавок из темного дерева, а вон там, в углу, где падает мягкий свет из окна, я поставлю два небольших столика. Моя мышечная память уже рисовала маршруты: три шага от кофемашины к выдаче, разворот на сорок пять градусов к витрине. Эффективность - это когда ты не тратишь ни одного лишнего движения.

Я достала лазерную рулетку. Красная точка скользнула по облезлой стене. Сорок пять сантиметров влево, три метра в высоту. Я начала замеры, фиксируя данные в блокноте. Мой мозг работал как калькулятор. Так, здесь нужна усиленная проводка под печи. Электросети в таких старых зданиях обычно напоминают трухлявые нитки, которые рвутся от любого напряжения. Мне нужно было понять, сколько кило-

ватт я смогу выжать из этой развалины.

Я двигалась вглубь зала, пока не уперлась в нечто, что не вписывалось в мой план. Посреди пространства, прямо там, где по моей задумке должен был быть проход в цех, возвышался монструозный стеллаж. Он был забит книгами так плотно, что казался монолитной стеной. Старые переплеты, корешки с золотым тиснением, запах старой бумаги, который смешивался с пылью, создавая удушливую атмосферу библиотеки, где время замерло и начало разлагаться.

Я направила лазер на стеллаж. Красная точка заплясала по корешкам.

- Двести двадцать сантиметров ширины. Это нужно убрать в первую очередь, - произнесла я вслух. Мой голос прозвучал слишком резко в этой тишине.

- Я бы не советовал этого делать, - раздался голос из-за стены книг.

Я вздрогнула. Не от испуга - я вообще редко пугаюсь, это нерациональная трата энергии - а от неожиданности. В моем плане не было других людей в шесть утра.

Из-за стеллажа медленно, как в замедленной съемке, вышел Глеб. Он выглядел так, будто провел здесь всю ночь, или вообще никогда не выходил на свет. Тот же старый джемпер, те же растрепанные волосы и взгляд человека, который видит тебя насквозь и заранее разочарован увиденным. Он шурился от тусклого света, который пробивался сквозь немытые окна.

- Убери эту игрушку от моего лица, - сказал он, указывая на рулетку. - Она раздражает сетчатку.

Я не опустила руку сразу. Я оценила его как ингредиент, который случайно попал в чашу миксера. Просроченный, тягучий, бесполезный. Он не вписывался в эргономику пространства. Он был как забитая мышца, которая мешает растяжке.

- Вы что, здесь живете? - спросила я, наконец выключая лазер. - Я думала, мы договорились о границах вчера.

Глеб подошел ближе. Он двигался медленно, с той раздражающей грацией, которая бывает у людей, абсолютно уверенных в своей правоте. Он остановился в паре метров от меня, и я почувствовала исходящий от него холод. Не физический холод, а какую-то внутреннюю заморозку.

- Границы - вещь субъективная, Таисия, - произнес он, выговаривая мое имя так, будто это был какой-то сложный латинский термин. - Особенно когда речь идет о пространстве, которое веками принадлежало тишине. А вы ворвались сюда со своим световым шоу и намерением превратить это место в шумный базар.

- Это не базар, это бизнес, - отрезала я. - И по договору аренды, который я подписала вчера, эта зона принадлежит мне. Стеллаж стоит на моей территории. Он перекрывает доступ к коммуникациям. Его нужно разобрать и вывезти до конца недели.

Я сделала шаг вперед, вторгаясь в его личное простран-

ство. Я хотела почувствовать его реакцию. В спорте это называется проверкой дистанции. Глеб не отступил. Он даже не моргнул. Его плечи под джемпером были напряжены, он стоял как скала, о которую разбиваются волны.

- Посмотрите под ноги, - тихо сказал он.

Я опустила взгляд. На полу, прямо между нами, была проведена едва заметная линия мелом. Она была неровной, но четкой.

- Это что, психологический барьер? - я усмехнулась. - Мы в детском саду?

- Это демаркационная линия, - Глеб поднял палец, словно читал лекцию. - Все, что за ней, - это книжный фонд. И он не подлежит перемещению. Ваша лазерная указка может мерить что угодно, но реальность такова, что эти книги останутся здесь. Они - фундамент этого здания. В буквальном смысле. Если вы уберете этот стеллаж, нарушится развесовка перекрытий. Вы же не хотите, чтобы ваша будущая пекарня провалилась в подвал вместе с вашими круассанами?

Он лгал. Я видела это по тому, как он чуть заметно сжал челюсти. Это была тактика обороны. Он защищал свой пыльный мирок, потому что боялся любого изменения. Он напоминал мне моего отца в те моменты, когда тот пытался объяснить очередное банкротство высшими силами или кознями конкурентов. Тот же тон, та же убежденность в собственной исключительности при полном отсутствии реальных действий.

- Я приглашу инженера, - сказала я, убирая рулетку в сумку. - И если он скажет, что стеллаж можно двигать, я его передвину. С вами или без вас. У меня график, Глеб. У меня поставка оборудования через десять дней. Печи не будут ждать, пока вы перечитаете все свои пыльные фолианты.

Глеб криво усмехнулся. Эта ухмылка была как трещина на старом фарфоре - тонкая и неисправимая.

- График. Ритм. Поставки. Вы живете в мире глаголов, Таисия. Но иногда существительные имеют больше веса. Например, такое существительное, как право собственности. Или юридический прецедент.

Он полез в карман брюк и достал сложенный вчетверо лист бумаги. Он разворачивал его медленно, смакуя каждый шорох бумаги. Я чувствовала, как во мне нарастает раздражение. Это было похоже на то, когда ты ждешь, пока закипит вода, а конфорка работает вполсилы. Хочется ударить по ней, чтобы ускорить процесс.

- Что это? - я выхватила лист у него из рук.

- Мое приложение к договору, - спокойно ответил он. - Дополнительное соглашение, подписанное владельцем здания за час до вашего визита в агентство. Видите ли, владелец - мой старый знакомый. И он ценит преемственность поколений больше, чем быстрые деньги от продажи кофе.

Я впиалась глазами в текст. Юридический язык всегда казался мне сухим и безжизненным, но сейчас эти буквы жгли мне пальцы. Там, черным по белому, было написано, что

за книжной лавкой сохраняется право на использование пяти дополнительных метров площади для хранения архивных фондов. И эти пять метров - ровно те, на которых я планировала поставить свою основную печь.

Это был удар под дых. Я почувствовала, как мышцы пресса непроизвольно сократились. Физическая реакция на стресс. В голове мгновенно начался пересчет. Если я теряю эти пять метров, мне придется переносить цех. Если я переносу цех, мне нужно заново проектировать вытяжку. А вытяжка в этом здании - это отдельный круг ада. Это задержка минимум на месяц. Потеря выручки, штрафы по контрактам на оборудование. Моя золотистая корочка успеха начала подгорать на глазах.

- Это подделка, - я подняла глаза на Глеба. - В моем договоре этого нет.

- В вашем договоре есть пункт о преимущественном праве соседа на обременение площади в случае производственной необходимости, - Глеб сделал шаг к стеллажу и нежно провел рукой по корешкам книг. - Моя производственная необходимость - это сохранение наследия. Эти книги - не просто бумага. Это память. А ваш шум... он временный.

- Вы называете мой бизнес шумом? - я почувствовала, как к лицу приливает кровь. Это был не жар смущения, это был жар ярости. - Этот шум - это налоги, это рабочие места, это жизнь, в конце концов! А вы... вы просто сидите здесь и гниете вместе с этими книгами. Вы боитесь, что запах свежего

хлеба выветрит вашу депрессию?

Глеб посмотрел на меня с каким-то странным сочувствием, которое разозлило меня еще больше.

- Свежий хлеб - это прекрасно, Таисия. Но он исчезает через день. А книги остаются. Вы пытаетесь купить себе безопасность, захватывая территорию, но вы не понимаете, что безопасность не в стенах. Она в том, что вы оставите после себя, когда печи остынут.

- Хватит этой дешевой философии, - я швырнула ему лист бумаги. - Я оспорю это соглашение. У меня лучшие юристы.

- Сомневаюсь, что они лучше моих воспоминаний, - тихо ответил он. - И лучше факта, что это здание принадлежит человеку, который ненавидит запах ванили.

Я стояла посреди этого огромного, пыльного зала, и мне казалось, что стены начинают сжиматься. Мой идеальный план, мой ритм, моя легитимация - все это дало трещину. Я чувствовала фальшь в его голосе, но я также чувствовала его силу. Это была сила статики. Сила человека, которому некуда спешить, потому что он уже решил, что проиграл, и теперь просто наслаждается процессом разрушения.

Я посмотрела на его плечи. Они были опущены, но в этой позе была какая-то странная устойчивость. Он был как старый дуб, который уже засох, но его корни все еще держат землю. А я была молодым побегом, который пытался пробиться сквозь бетон.

- Почему вы так со мной боретесь? - спросила я, стараясь,

чтобы голос не дрожал. - Я ведь не враг вам. Я просто хочу работать.

Глеб повернулся ко мне. В полумраке его глаза казались темными провалами.

- Вы напоминаете мне человека, который когда-то тоже очень хотел работать, - сказал он, и его голос впервые потерял свою монотонность. В нем прорезалось что-то острое, как осколок стекла. - Она тоже верила в прогресс, в графики и в то, что мир можно перестроить под свои нужды. Она перестроила его так, что от моей семьи ничего не осталось. Вы - носитель хаоса, Таисия. Вы думаете, что создаете уют, но на самом деле вы разрушаете тишину, которая является единственным лекарством.

Я замолчала. Это было не техническое замечание, это была личная травма, выплеснутая на меня под видом юридического спора. Я знала этот запах - запах старого горя, которое не выветривается годами. Мой отец пах так же, когда сидел на кухне после очередной потери квартиры, глядя в одну точку.

Но я - не мой отец. И я не та женщина из его прошлого.

- Мне жаль, что вас кто-то обидел, - сказала я, и в моем голосе не было сочувствия, только сухой расчет. - Но я не собираюсь платить за чужие ошибки. Эти пять метров будут моими. Не потому, что я хочу разрушить вашу тишину, а потому, что мне нужно место для печи. И я найду способ ее туда поставить.

Я развернулась и пошла к выходу. Мои шаги звучали как выстрелы. Я чувствовала его взгляд на своей спине - тяжелый, как мешок с мукой.

Выйдя на улицу, я жадно глотнула холодный воздух. Пыль осталась там, за дверью, но она словно осела у меня на легких. Мне нужно было двигаться. Быстро. Динамично.

Я достала телефон и набрала номер своего прораба.

- Михалыч? Слушай задачу. Нам нужно пересмотреть план электрики. Да, снова. И найди мне лучшего юриста по коммерческой недвижимости. Нет, еще лучше. Найди мне того, кто умеет находить скелеты в шкафах у владельцев старых зданий. У нас война за пять метров.

Я шла по тротуару, и мое тело постепенно приходило в норму. Напряжение в мышцах трансформировалось в энергию действия. Глеб думал, что он меня остановил. Он думал, что его бумажка - это стена. Но он не знал, что я умею работать с любым материалом. Если тесто не поднимается, ты меняешь дрожжи или температуру. Ты не сидишь и не плачешь над миской.

Я зашла в ближайшее кафе - сетевое, безликое, пахнущее жженым зерном и дешевым сиропом. Села за столик у окна и открыла блокнот.

Так, ингредиенты ситуации.

Первый: Глеб. Нестабильный элемент с высокой степенью окисления. Опасен своей пассивной агрессией.

Второй: Владелец здания. Скрытая переменная. Нужно

найти рычаги влияния.

Третий: Пять метров площади. Критический ресурс.

Я начала рисовать новую схему. Мои мысли прерывались воспоминаниями о том, как Глеб смотрел на книги. В этом было что-то болезненное, почти физиологическое. Он не просто хранил их, он за ними прятался. Его цинизм был как глазурь на испорченном торте - попытка скрыть, что внутри все давно превратилось в сухую крошку.

Мой внутренний тренер шептал: Не отвлекайся на его эмоции. Тебе нужен результат. Тайминг горит.

Но в глубине души я понимала, что эта битва не будет решаться только в судах. Это был конфликт температур. Его холод против моего жара. Его пыль против моей муки.

Я допила остывший кофе. Вкус был отвратительным - как у переваренной карамели. Я поморщилась. Вот что бывает, когда люди не любят то, что они делают. Я не позволю своей кофейне стать такой. Она будет идеальной. Каждая деталь, каждый сантиметр. Даже если мне придется вручную перетаскать каждый этот чертов стеллаж на помойку истории.

Я снова вспомнила его фразу: Вы - носитель хаоса.

Интересно. Он видит хаос там, где я вижу структуру. Для него порядок - это отсутствие движения. Для меня порядок - это идеально выстроенный поток. Мы говорим на разных языках, и переводчика не будет.

Я вышла из кафе и направилась к своей машине. Мне нужно было заехать на склад, проверить партию плитки. Работа

- это лучшее лекарство от неопределенности. Когда ты чувствуешь вес плитки в руках, когда ты проверяешь ее прочность, мир снова становится понятным и осязаемым.

Всю дорогу я думала о той меловой линии на полу. Она была такой жалкой и в то же время такой непреодолимой. Глеб нарисовал ее, чтобы обозначить свое право на существование. Он боится, что если я переступлю эту черту, его мир рассыплется.

А может, он уже рассыпался, и он просто пытается склеить осколки своим упрямством?

Я припарковалась у склада. Резкий запах цемента и свежего дерева придал мне сил. Здесь не было места для архаизмов и сложных синтаксических конструкций. Здесь были объемы, веса и сроки.

- Таисия Игоревна, плитку привезли, но там оттенок гуляет, - встретил меня кладовщик.

Я подошла к поддону, вскрыла упаковку. Достала один квадрат. Светло-серый, с легкими прожилками. То, что нужно. Но в следующей коробке цвет был на полтона темнее.

- Брак, - коротко бросила я. - Возвращай всю партию.

- Но это задержит работы на три дня! - всплеснул руками кладовщик.

- Мне не нужно как-нибудь, - я посмотрела на него так, что он сразу замолчал. - Мне нужно идеально. Если мы сейчас положим этот разнотон, я буду видеть его каждый раз, когда буду заходить в зал. И это будет напоминать мне о том, что

я согласилась на компромисс. А я на компромиссы не иду.

Это было правдой. Моя жизнь состояла из отказов от среднего качества. В детстве, когда мы в очередной раз грузили вещи в старый фургон, отец говорил: Ничего, Тася, на новом месте будет лучше, там стены покрепче. Но стены всегда оказывались такими же дырявыми, а обещания - пустыми. Тогда я решила, что сама буду строить свои стены. И они будут из лучшего материала.

Я вернулась в машину и поехала обратно к объекту. Мне нужно было еще раз посмотреть на те пять метров. Теперь, когда первый шок прошел, мой мозг начал искать обходные пути. Если я не могу убрать стеллаж юридически, я могу изменить его функционал. Или...

Я остановилась у здания. Дверь Глеба была приоткрыта. Я вошла тихо, стараясь не шуметь.

В зале было тихо. Глеб сидел на стремянке у того самого стеллажа. В руках у него была книга, но он ее не читал. Он смотрел в окно, на то, как солнечный свет, наконец пробившийся сквозь облака, подсвечивает мириады пылинок, танцующих в воздухе. В этом свете он выглядел не как враг, а как часть этого увядающего интерьера. Статичный, печальный, лишний.

Моя мышечная память сработала быстрее, чем мысль. Я заметила, как дрожит его рука, удерживающая тяжелый том. Он был истощен. Не физически, а как-то... системно. Как аккумулятор, который перестал держать заряд.

Я подошла ближе. Он не обернулся, хотя точно слышал мои шаги.

- Знаете, Глеб, - сказала я, останавливаясь у меловой линии. - Пыль - это ведь просто чешуйки кожи, частицы ткани и остатки прошлого. Если ее не вытирать, она становится броней. Но под ней ничего нет. Только пустота.

Он медленно повернул голову. На его лице не было иронии. Только усталость, такая глубокая, что мне на мгновение стало трудно дышать.

- Пустота - это тоже форма существования, Таисия. Она не требует энергии. Она просто есть.

- Но вы же человек, а не вакуум, - я сделала шаг и переступила линию мела. - Ваша броня треснула в тот момент, когда вы показали мне этот договор. Вы защищаетесь не от меня. Вы защищаетесь от того, что я заставлю вас снова что-то чувствовать. Хотя бы раздражение.

Глеб спустился со стремянки. Теперь он стоял совсем близко. Я чувствовала запах его одежды - старая бумага, холодный чай и что-то горькое, как полынь.

- Вы слишком много на себя берете, - его голос был тихим, но в нем снова появилось то самое напряжение. - Вы думаете, что ваш кофе и ваши булки могут оживить это место? Это место мертво. Оно умерло задолго до вашего рождения. Я здесь просто смотритель кладбища.

- Тогда почему вы так держитесь за эти пять метров? - я указала на стеллаж. - Кладбищу не нужны дополнительные

площади. Оно и так бесконечно.

Он промолчал. Его взгляд упал на мои руки. Я все еще сжимала блокнот так сильно, что костяшки пальцев побелели.

- У вас на руках мука, - вдруг сказал он.

Я посмотрела на свои ладони. Действительно, белая пыль от упаковки плитки на складе.

- Это не мука, это строительная пыль, - поправила я.

- Для меня это одно и то же, - он отвернулся. - И то, и другое - признак суеты. Уходите, Таисия. Юристы разберутся. А пока... не переступайте линию. Это вредно для вашей системы координат.

Я вышла на улицу, чувствуя, как внутри меня что-то вибрирует. Это не был гнев. Это было предвкушение. Конфликт перешел в фазу затяжной осады, а в осадах я всегда выигрываю. Потому что у меня есть запасы энергии, а у него - только старые книги.

Я села в машину и ударила по рулю ладонью. Мука - или пыль - взметнулась в воздух маленьким облачком.

Завтра я приду сюда с бригадой. Мы начнем демонтаж в моей зоне. Мы будем шуметь, мы будем разрушать эту тишину, которую он так бережет. Я не буду ждать решения юристов. Я начну действовать на своей территории, расширяя ее с каждым днем.

Мой план не изменился. Он просто стал сложнее. А сложные задачи я люблю больше всего. Это как готовить много-

слоенный торт: нужно следить за каждым слоем, чтобы они не перемешались и не рухнули под собственным весом.

Глеб - это слой горького шоколада. Он нужен для баланса, но его не должно быть слишком много.

Я завела мотор. Ритм двигателя успокоил меня. Я - Таисия, и я знаю, что делать. Пять метров - это всего лишь расстояние. А расстояние преодолевается движением.

Вечером я долго стояла под душем, смывая с себя этот день. Вода била по плечам, снимая мышечный зажим. Я закрыла глаза и увидела ту меловую линию. Она казалась мне теперь не границей, а стартовой полосой.

Я вытерлась жестким полотенцем, чувствуя, как кожа горит. Достала ноутбук и начала искать информацию о владельце здания. Если Глеб думает, что преемственность поколений - это его щит, то он плохо знает современных арендодателей. У каждого щита есть цена.

Я найду эту цену.

Перед сном я выпила стакан воды с лимоном. Кислота очистила рецепторы. Завтра будет новый день, новый замер и новая попытка взломать эту статичную реальность.

Я засыпала с мыслью о том, как пахнет свежая выпечка в помещении, где десятилетиями пахло только тленом. Этот контраст был моим главным ингредиентом. И я заставлю Глеба его попробовать. Даже если ему придется подавиться своей гордостью.

В моем мире нет места для тех, кто перестал бороться.

Есть только те, кто идет вперед, и те, кто остается под ногами. Глеб выбрал второй вариант, но он еще не понял, что я не привыкла смотреть вниз.

Я сплю глубоко и без снов. Мое тело восстанавливается. Завтра мне понадобится каждая капля моей выносливости. Пять метров. Пять метров до моей цели. И я их пройду. По миллиметру, по секунде, по кирпичу.

Я в фокусе. Я в игре. И пыль - это всего лишь повод для уборки.

Утро началось без будильника. Организм сам включился в пять утра, как по расписанию. Я чувствовала себя как натянутая тетива. Никакой усталости, только чистая, концентрированная воля.

Сегодня я надену другие кроссовки. Те, в которых я бегала марафоны. У них лучше сцепление с поверхностью. А поверхность сегодня будет скользкой.

Я сделала глоток воды и посмотрела в зеркало. В моих глазах была та самая сухость, которую Глеб принял за цинизм. Но это была не пустота. Это была решимость.

Пора возвращаться в тот пыльный склеп и начинать революцию. С запахом кофе, шумом перфораторов и абсолютной уверенностью в своей правоте.

Глава 2 закончена, но моя война только начинается. И я знаю, кто в ней победит. Потому что у меня есть будущее, а у него - только вчерашний день, запертый в переплетах мертвых книг.

Я выхожу из дома. Город молчит, но я уже слышу, как рушатся стены. Мои стены. Мой мир. Мои пять метров.

Запах пыли больше не пугает меня. Он просто указывает на то, где нужно навести порядок. И я его наведу. С идеальной точностью, с хирургической жесткостью и с той иронией, которую заслуживает этот старый, усталый мир.

Я нажимаю на газ. Машина срывается с места. Ритм задан. Время пошло. Кофе будет сварен, а книги... книги подождут. Им все равно некуда спешить.

В моем зеркале заднего вида отражается пустая улица. Я не смотрю назад. Только вперед. Там, где свет, тепло и запах жженого сахара, который я превращу в золото.

Я готова. Глеб, надеюсь, вы тоже. Потому что тишина закончилась. Теперь здесь буду я. И это - единственная реальность, которая имеет значение.

Каждый мой шаг к двери здания - это удар метронома. Раз, два, три. Я вставляю ключ. Сопротивление замка кажется мне почти родным. Мы с ним договоримся. Мы со всем договоримся.

Потому что я не просто пеку хлеб. Я создаю пространство, в котором невозможно не дышать. И если для этого нужно снести пару стеллажей - что ж, так тому и быть. История любит победителей, а не хранителей пыли.

Я вхожу внутрь. Глеб уже там. Он сидит на той же стремянке. Он ждал меня. Я вижу это по тому, как он выпрямился при звуке открываемой двери.

- Доброе утро, Глеб, - говорю я, и мой голос звучит как сталь. - Сегодня мы будем двигать границы. Приготовьтесь. Будет громко.

Он ничего не отвечает. Он только крепче сжимает свою книгу. Но я вижу, как дрогнула тень от его ресниц. Он боится. И этот страх - мой первый союзник.

Я достаю рулетку. Красная точка ложится точно на меловую линию.

- Начнем замеры по-взрослому, - произношу я.

И в этот момент я понимаю: эти пять метров станут самыми важными в моей жизни. Не из-за площади. Из-за того, что на них встретились два мира, которые не могут сосуществовать. Один из них должен исчезнуть.

И это буду не я.

ГЛАВА 3: ЮРИДИЧЕСКИЙ ТУПИК

Мобильный в моей руке вибрирует так, будто пытается вырваться и убежать. Я жму на вызов в десятый раз. Степаныч, наш общий арендодатель, человек-невидимка и обладатель самого равнодушного голоса в этом полушарии, упорно игнорирует реальность. А реальность такова: в центре моего будущего кафе сидит человек-памятник и читает что-то невыносимо старое.

- Степаныч, возьми трубку, - шепчу я, вбивая пятку в стык паркетных досок.

Гудки тянутся, как пережженная карамель. Горько, липко и бесполезно. Я чувствую, как в икрах нарастает привычное напряжение - это мой внутренний тренер требует либо бежать марафон, либо ударить в грушу. Но груши нет, есть только Глеб. Он сидит на стремянке, и его плечи под серым джемпером кажутся неподвижными скалами. Если бы я была тестом, я бы уже перебродила от одного его вида.

Я отключаю телефон и швыряю его в карман фартука. Фартук - моя броня. Плотный хлопок, завязки на поясице затянуты так, что дышать можно только верхней частью легких. Это держит в тонузе. Это напоминает: ты в деле, Таисия, ты на работе.

- Ваш арендодатель, кажется, отбыл в иные миры, - Глеб не поднимает глаз от страницы. Его голос - это низкочастотный шум, который обычно издает старый холодильник. Раздражает, но со временем привыкаешь настолько, что тишина кажется подозрительной. - Или просто осознал масштаб катастрофы, которую вы здесь затеяли.

Я делаю глубокий вдох. Мои легкие расширяются, упираясь в ребра.

- Масштаб катастрофы, Глеб, это когда у тебя в муке завелся долгоносик. А здесь - реновация. Попробуйте выучить это слово. Оно короче, чем те, что вы находите в своих пыльных фолиантах.

Я подхожу к стеллажу. Это массивный монстр из темного дуба, который стоит ровно посередине зоны, где я планировала поставить витрину с макаронс. Стеллаж забит книгами с облезлыми корешками. Для Глеба это сокровища, для меня - логистический кошмар и пылесборник. Я упираюсь ладонями в боковую панель. Дерево холодное и шершавое. Я чувствую, как под кожей перекачиваются мышцы предплечий. Я тренируюсь пять раз в неделю не для того, чтобы пазовать перед мебелью.

- Что вы делаете? - Глеб наконец закрывает книгу. Палец остается между страниц в качестве закладки. Его пальцы длинные, узловатые, с аккуратно подстриженными ногтями. Руки человека, который никогда не обжигался об противень.

- Двигаю границы, - бросаю я через плечо. - Как и обеща-

ла.

Я фиксирую стопы. Расстояние между ногами - ширина плеч. Центр тяжести вниз. Я толкаю. Стеллаж даже не вздрагивает. Он словно врос в этот пол за последние пятьдесят лет. Глеб плавно спускается со стремянки и, к моему полному изумлению, не отходит в сторону. Он подходит к стеллажу с другой стороны и просто... садится на нижнюю полку. Прямо на стопку каких-то альманахов.

- Теперь он весит на восемьдесят килограммов больше, Таисия, - сообщает он, глядя на меня сверху вниз. - Ваши фитнес-достижения здесь бессильны. Физика - дама суровая.

- Вы ведете себя как пятилетний, - я выпрямляюсь, чувствуя, как в лицо приливает кровь. Это не жар смущения, это чистый адреналин. В кондитерском цехе такой прилив означает, что ты опаздываешь с выемкой бисквита. Секунда - и будет уголь. - Встаньте со стеллажа.

- Это мой стеллаж. Мои книги. Моя половина пространства.

- Половина? - я горько усмехаюсь. - Вчера вы говорили, что всё пространство ваше. Прогресс налицо.

Я достаю из кармана мелок. Обычный белый мелок, которым я обычно пишу меню на грифельной доске. Сегодня у него другая задача. Я опускаюсь на корточки. Мои колени хрустят в тишине пустого зала - звук, который всегда напоминает мне о том, что тело не вечно, в отличие от амбиций.

- Что это? - Глеб наклоняется, его лицо теперь ближе, чем мне бы хотелось. Я чувствую запах старой бумаги и чего-то цитрусового, возможно, он пьет чай с бергамотом, чтобы поддерживать свой образ английского лорда в изгнании.

- Это демаркационная линия, - отвечаю я, проводя жирную белую черту по паркету.

Мел крошится, оставляя пыль на моих пальцах. Я веду линию от входной двери, через весь зал, прямо к его ногам. Линия получается неидеально ровной, мешает фактура дерева, но смысл понятен.

- Справа от этой линии - зона кофе, запаха свежей выпечки и людей, которые живут в двадцать первом веке, - я поднимаюсь, отряхивая руки о фартук. - Слева - ваше кладбище макулатуры. Постарайтесь не пересекать границу без визы.

Глеб смотрит на линию так, будто я нарисовала пентаграмму для вызова демонов. Он медленно выставляет ногу вперед. Его ботинок - добротный, коричневый, изрядно поношенный - висит над белым следом.

- Вы серьезно думаете, что кусок кальция на полу решит наш спор? - он мягко опускает подошву прямо на черту и начинает медленно, с наслаждением втирать мел в дерево. Белый след расплывается, превращаясь в грязное пятно. - У стен есть память, Таисия. А у договоров - юридическая сила. Ваши художества не входят в перечень правовых актов.

- Мои художества - это единственный способ не сойти с ума от вашей медлительности, - я подхожу ближе. Между на-

ми меньше полуметра. В спорте это называется дистанцией для клинча. Я вижу каждую морщинку в уголках его глаз. Он выглядит старше своих лет не из-за возраста, а из-за этой своей законсервированности. Он как старое вино, которое перестояло и начало превращаться в уксус. - Ваша пассивность работает как песок в подшипнике моей жизни. Вы не просто стоите на месте, Глеб. Вы заставляете всех вокруг тормозить.

- Скорость - это иллюзия контроля, - парирует он. - Вы бежите, чтобы не замечать пустоты. Вы печете свои булки, потому что если вы остановитесь, вам придется спросить себя: а зачем всё это?

Это удар ниже пояса. Точный, техничный, как будто он изучал мою анатомию страха. Я чувствую, как сжимается диафрагма. Он не знает о моих родителях, о бесконечных переездах, о том, как я в десять лет собирала свои вещи в коробки из-под обуви за пятнадцать минут, потому что отец снова кому-то задолжал. Он не знает, что для меня "стоять на месте" означает "погибнуть".

- Я пеку, потому что это созидание, - мой голос звучит ровно, хотя внутри всё вибрирует. - А вы храните чужие мысли, потому что своих у вас, видимо, не осталось. Вы - смотритель музея, Глеб. А я - жизнь.

Я разворачиваюсь и иду к своему столу, где свалены папки с документами. Нам нужен Степаныч, но если он не берет трубку, я сама выгрызу правду из этой бумаги. Я хватаю до-

говор аренды. Он толстый, скрепленный ржавой скрепкой. Я листаю страницы, вчитываясь в мелкий шрифт. Юридический язык для меня - как рецепт на китайском, но я научилась его понимать. Жизнь заставила.

Глеб остается у стеллажа. Он не уходит, не продолжает стирать линию. Он просто стоит и смотрит в окно. Солнечный луч падает на его плечо, подсвечивая пылинки, танцующие в воздухе. В этом зале слишком много пыли. Это физически мешает мне дышать.

- Пункт 4.2, - произношу я, ведя пальцем по строчкам. - Слушайте внимательно, хранитель древностей.

Глеб медленно поворачивает голову.

- В случае совместного использования нежилого помещения арендаторы обязуются... - я запинаюсь. Словосочетание кажется мне абсурдным. - ...обязуются осуществлять совместное управление входной зоной и транзитными путями.

Я поднимаю глаза. Глеб делает шаг ко мне. Его лицо теперь не ироничное. Оно... озадаченное.

- Совместное управление? - переспрашивает он. - Дайте сюда.

Он забирает у меня лист. Наши пальцы соприкасаются на долю секунды. Его кожа сухая и теплая, как бумага, пролежавшая на солнце. Я отдергиваю руку, словно обожглась о край формы для выпечки.

- Пункт 4.2, - повторяет он шепотом. - Ниже. Читайте примечание.

Я наклоняюсь над его плечом. Мышцы моей шеи напряжены, я готова к рывку, к защите, к чему угодно.

- Любые изменения в планировке, расстановке торгового оборудования и оформлении входной группы, - читает Глеб медленно, словно пробуя каждое слово на вкус, - производятся исключительно при наличии письменного согласия обоих соарендаторов.

Тишина, которая воцаряется в зале, становится осязаемой. Она плотная, как мусс, который забыли взбить. Я смотрю на белую черту на полу, которую он почти стер. Я смотрю на его стеллаж. На свою рулетку, брошенную на подоконнике.

- Это значит... - я начинаю, но голос срывается. Я прощаю горло. - Это значит, что я не могу передвинуть этот шкаф без вашей подписи?

- И это значит, - Глеб выпрямляется, и на его губах появляется слабая, почти незаметная торжествующая полуулыбка, - что вы не можете поставить здесь свою кофемашину, пока я не решу, что её шум не мешает моим читателям.

- Вы издеваетесь, - я чувствую, как гнев поднимается от самых пяток. Это не просто препятствие. Это юридический капкан. - Это транзитная зона! Клиенты должны заходить и видеть витрину, а не вашу кислую мину за горой старых газет.

- Моя мина, как вы выразились, является частью интерьера этого здания гораздо дольше, чем ваши бизнес-планы, -

Глеб возвращает мне договор. - Степаныч, при всей его кажущейся отрешенности, весьма коварен. Он застраховал себя от конфликтов, переложив ответственность на нас.

Я бросаю договор на стол. Бумаги разлетаются веером. Моя мышечная память подсказывает мне: когда тесто не поднимается, нужно проверить дрожжи. В данном случае дрожжи - это наш договор, и они безнадежно испорчены.

- Я этого так не оставлю, - я начинаю мерить зал шагами. Мои кроссовки глухо стучат по паркету. Пять шагов до окна, разворот, пять шагов до стеллажа. - Есть понятие целевого использования. У меня - общепит. У вас - торговля. Мы не можем "совместно управлять" входной зоной, потому что у нас разные гигиенические требования. Вы понимаете? Санпин! Ваши книги - это рассадник пыли. Я не могу подавать круассаны в библиотеке.

- А я не могу продавать первые издания классиков в столовой, - Глеб складывает руки на груди. - Запах ванили и жареного масла убивает аромат старой кожи. Это кошунство.

Я останавливаюсь прямо перед ним. Мое тело в тонусе, я чувствую каждый позвонок. Я готова бороться за каждый сантиметр этого пола.

- Слушайте, Глеб. Давайте без метафор про кошунство. У меня кредит. У меня оборудование, которое приедет через три дня. У меня повара, которым нужно платить зарплату. Ваше "не хочу" стоит мне несколько тысяч рублей в час. Вы понимаете, что такое время? Это не то, что застыло в ваших

книгах. Это то, что утекает из моего кармана прямо сейчас.

- Время - это единственное, что имеет ценность, Таисия. И именно поэтому его не стоит тратить на суету, - он говорит это так спокойно, что мне хочется его встряхнуть. - Вы пытаетесь построить замок на песке. Это здание дышит историей. Оно не хочет ваших хромированных поверхностей и яркого света.

- Оно хочет выжить! - почти кричу я. - Оно развалится без ремонта! Посмотрите на потолок, там лепнина держится на честном слове. Если я не сделаю здесь ремонт, через год вы будете продавать свои книги под дождем, потому что крыша рухнет.

Глеб поднимает глаза к потолку. Там действительно идет тонкая трещина, похожая на русло пересохшей реки. На мгновение мне кажется, что я пробила его оборону. В его взгляде мелькает что-то похожее на горечь. Он знает, что я права. Здание ветшает. Его бизнес - если это можно назвать бизнесом - едва теплится.

- Согласие, - повторяет он слово из договора. - Письменное согласие.

- Именно. И я получу его. Чего бы мне это ни стоило.

- И что же вы предложите? - он делает шаг назад, снова забираясь на свою стремянку, как на трон. - Взятку в виде бесплатных эклеров? Или попытаетесь взять измором?

Я смотрю на него снизу вверх. Мой мозг уже работает в режиме калькулятора. Если я не могу передвинуть стеллаж

силой, я должна изменить саму структуру взаимодействия. Совместное управление? Хорошо. Я покажу ему, что такое эффективный менеджмент.

- Я предложу вам сделку, от которой вы не сможете отказаться, потому что альтернативой будет судебный иск, который затянется на годы, и в течение которых помещение будет опечатано. Ни книг, ни кофе. Только пыль и судебные приставы. Вам это нравится?

Глеб молчит. Он берет свою книгу, но не открывает её. Его плечи чуть опустились. Он оценивает риски. Циник внутри него борется с идеалистом.

- Я слушаю, - наконец произносит он.

- Завтра утром здесь будет клининговая служба. За мой счет. Мы вычистим всё: от пола до этих ваших верхних полок. Мы уберем пыль, которая скопилась здесь со времен постройки здания. Это не изменение планировки, это гигиена. Вы не можете быть против чистоты.

- И? - он прищуривается.

- И пока они будут работать, мы сядем и составим график использования входной зоны. Я не трогаю ваши стеллажи, пока... - я делаю паузу, подбирая ингредиенты для этого компромисса, - пока вы не освободите проход к моей стойке. Мы развернем их. Не уберем, а развернем под углом сорок пять градусов. Это создаст коридор. Физика, Глеб. Векторы движения.

- Под углом сорок пять градусов? - он задумчиво прово-

дит рукой по подбородку. - Это нарушит хронологический порядок расстановки. У меня там девятнадцатый век переходит в двадцатый.

- Девятнадцатый век переживет небольшую перестановку, поверьте. Он и не такое видел. Зато ваши покупатели перестанут спотыкаться о ящики.

Я вижу, как он колеблется. Это момент, когда сахар в сиропе начинает кристаллизоваться - нужно либо добавить кислоты, либо продолжать греть.

- И еще, - добавляю я, понижая тон. - Я помогу вам оцифровать каталог. Я видела ваши тетрадки. Это же каменный век. Вы тратите по десять минут, чтобы найти нужную книгу. С базой данных вы сможете...

- Я не хочу базу данных, - отрезает он. - Я знаю, где лежит каждая книга. Я чувствую их.

- Вы чувствуете их вес, а не их ценность, - я снова сокращаю дистанцию. - Совместное управление, Глеб. Это значит, что мы теперь в одной лодке. И если вы будете грести в одну сторону, а я в другую, мы просто будем кружиться на месте, пока не пойдем ко дну.

Он долго смотрит на меня. В его глазах нет страха, о котором я думала раньше. Там что-то другое. Усталость? Или, может быть, любопытство, как у биолога, встретившего новый вид агрессивной бактерии.

- Хорошо, Таисия. Клининг. Но я буду присутствовать. Лично. Каждая книга, которая будет сдвинута, должна вер-

нуться на место.

- Договорились, - я протягиваю руку.

Это жест из мира бизнеса, сухой и формальный. Глеб смотрит на мою ладонь так, будто я предлагаю ему заключить контракт с дьяволом. На моих пальцах все еще видны следы мела. Он медленно протягивает свою руку. Его хватка неожиданно крепкая. Не вялая, как я ожидала, а сухая и жесткая. Мышечная память фиксирует: у этого человека есть стержень, который не так-то просто переломить. Он не просто сидит на стремянке, он держит оборону.

- Но черту вы сотрете сами, - говорит он, отпуская мою руку. - Полностью.

Я киваю.

- Сотру. Завтра здесь будет идеально чисто.

Я выхожу из помещения, чувствуя, как дрожат колени. Это не от усталости. Это от напряжения боя. Я иду по тротуару, и ритм моих шагов совпадает с пульсом. Раз-два, раз-два. Я победила в этом раунде, но война только начинается.

Завтра будет клининг. Завтра будет пыль столбом. И завтра мне придется провести с этим человеком весь день в замкнутом пространстве.

Я достаю телефон и набираю номер своей помощницы.

- Катя, привет. Отменяй заказ на широкую витрину. Берем ту, что поуже, вертикальную. Да, ту самую, дорогую. У нас изменились "векторы движения". И найди мне лучшую бригаду по уборке. Таковую, чтобы могли вылизать склеп и не

чихнуть.

Я отключаюсь и смотрю на свои руки. Белый мел забился в поры кожи, подчеркивая линии судьбы, в которые я никогда не верила. Я верю в тайминг, температуру и правильные пропорции. Но сейчас я чувствую, что в мой идеально выверенный рецепт жизни кто-то подмешал ингредиент, который невозможно измерить граммами.

Глеб. Его тишина. Его странная верность этим пыльным полкам.

Я иду к своей машине, припаркованной за углом. Мой старенький, но бодрый хэтчбек - это еще одна деталь моего мира, где всё должно работать как часы. Я сажусь за руль, бросаю фартук на соседнее сиденье. В салоне пахнет корицей и кожей. Мой запах.

Я смотрю в зеркало заднего вида. Мои глаза блестят. Это азарт. Тот самый азарт, который заставляет меня вставать в четыре утра, чтобы замесить тесто. Я не просто открою здесь кафе. Я заставлю это здание дышать моим ритмом. И если Глебу придется для этого научиться пользоваться компьютером и пить приличный эспрессо вместо своего бергамотового сена - что ж, это будет его личным вкладом в эволюцию.

Я завожу мотор. Машина отзывается ровным урчанием. Юридический тупик? Нет, Степаныч. Это не тупик. Это лабиринт. А я всегда была хороша в прохождении полосы препятствий.

Перед тем как тронуться, я еще раз смотрю на витрину

книжного. Глеб всё еще сидит на стремянке. Он выглядит как персонаж с картины, которую забыли отреставрировать. Темный силуэт на фоне золотистого света заходящего солнца.

- Приготовься, Глеб, - шепчу я, включая первую передачу.
- Завтра будет очень громко.

Я выезжаю на дорогу, вливаясь в поток машин. Город движется, шумит, живет. И я - часть этого движения. Я не позволю никому, даже человеку с самыми красивыми и грустными глазами на свете, превратить мою жизнь в пыльную полку.

Мои мышцы постепенно расслабляются, но ум продолжает работать. Нужно пересчитать бюджет. Новая витрина дороже. Клининг - это незапланированные расходы. Мне нужно увеличить выручку в первый месяц на пятнадцать процентов, чтобы покрыть эти дыры. Значит, нужно больше рекламы. Нужно зацепить тех, кто ходит к Глебу. Если они вообще существуют, эти мифические любители девятнадцатого века.

Я паркуюсь у своего дома - типовой многоэтажки, где всё функционально и безлико. Это мое временное убежище. Мой настоящий дом будет там, в том старом здании, когда я выжгу из него запах тления и заменю его запахом жизни.

Поднимаясь в лифте, я замечаю, что всё еще сжимаю в кулаке обломок мелка. Он раскрошился, превратившись в мелкую пыль. Я разжимаю ладонь и дую на неё. Белое облачко растворяется в воздухе.

Границы стерты. Но только для того, чтобы я могла начертить новые. И в этот раз они будут из стали и стекла, а не из мела.

Я захожу в квартиру, не зажигая света. Мне нужна тишина, чтобы подготовиться к завтрашнему хаосу. Я ложусь на коврик для йоги прямо в прихожей и начинаю растяжку. Мышцы протестуют, но я заставляю их подчиниться. Тянусь к носкам, чувствуя, как растягивается позвоночник.

В моей голове всплывает пункт 4.2. Совместное управление. Это звучит как приговор. Или как вызов. В кондитерском деле есть такое понятие - эмульсия. Это когда ты соединишь две несмешиваемые жидкости, например, воду и масло. Чтобы они стали единым целым, нужен эмульгатор и очень высокая скорость взбивания.

Я - эмульгатор. Глеб - масло. Нам предстоит стать чем-то общим, иначе мы оба испортим продукт.

Я закрываю глаза и вижу перед собой его ботинок, стирающий мою линию. Это было физическое оскорбление. Он не просто стер мел, он попытался стереть мое право на это пространство. Но он не учел одного: я не просто рисую линии. Я их строю.

Завтра, когда приедет клининг, я принесу с собой не только тряпки и моющие средства. Я принесу свой порядок. И Глеб, со всей его иронией и архаизмами, окажется внутри этого порядка раньше, чем успеет дочитать главу своего альманаха.

Я переворачиваюсь на спину и смотрю в потолок. Здесь он ровный, белый, без трещин. Скучный. Там, в магазине, потолок обещает обрушиться. Там опасно. Там живет человек, который меня ненавидит.

И именно поэтому мне хочется вернуться туда как можно скорее.

Я засыпаю с мыслью о том, как пахнет свежий мел на старом дереве. И о том, что "совместное управление" может означать гораздо больше, чем просто дележку входной двери. Это может означать начало чего-то, что не прописано ни в одном договоре аренды.

Но об этом я подумаю после того, как передвину этот чертов стеллаж. На сорок пять градусов. Ни больше, ни меньше. Точность - вежливость кондитеров. И мой главный инструмент в этой войне.

Я просыпаюсь за час до будильника. Тело само переходит в режим готовности. Никакой вялости, никакой рефлексии. Только план. Чай без сахара, быстрый душ, волосы в тугий пучок. Зеркало отражает женщину, которая готова к штурму.

Я выхожу из дома, когда город еще только начинает зевать. Воздух свежий, резкий. Я чувствую себя как перед важным стартом на соревнованиях. Легкий мандраж в пальцах, полная ясность в голове.

Когда я подъезжаю к магазину, бригада клининга уже ждет у входа. Пятеро крепких ребят в синей униформе, с

огромными пылесосами и ящиками химии. Они выглядят как десант, готовый к высадке на враждебную территорию.

- Готовы? - спрашиваю я бригадира.

- Всегда готовы, Таисия Игоревна. Где фронт работ?

Я открываю замок. Дверь поддается с трудом, словно само здание сопротивляется вторжению. Внутри темно и тихо. Запах пыли стал еще гуще за ночь.

Я включаю свет. Глеба нет. Его стремянка стоит в центре зала, как покинутый наблюдательный пост.

- Начинаем с верхов, - командую я. - Сначала пыль, потом окна, потом пол. И осторожнее с книгами. Если хоть одна страница порвется, хозяин нас здесь живьем замурует.

Ребята принимаются за дело. Шум пылесосов мгновенно заполняет пространство, вытесняя тишину и покой. Это звук перемен. И мне он нравится.

Я встаю у окна, скрестив руки на груди. Я жду. Я знаю, что он придет. Он не сможет оставить свои сокровища на растерзание людям в синей униформе.

И он приходит. Через сорок минут, когда зал уже затянут облаком поднятой пыли, дверь распахивается. Глеб застывает на пороге. На нем тот же джемпер, но сегодня он выглядит еще более помятым. В руках у него бумажный стаканчик с кофе - видимо, из ближайшего сетевого автомата.

- Варвары, - произносит он, и хотя из-за шума пылесосов я его почти не слышу, я читаю это по губам.

Я иду к нему через зал, лавируя между шлангами и вед-

рами.

- Доброе утро, Глеб. Кофе из автомата? Фу, какая гадость.

Подождите пару недель, я угощу вас настоящим.

Он игнорирует мою шпильку. Его взгляд прикован к одному из клинеров, который бесцеремонно снимает стопку книг с верхней полки.

- Осторожнее! - кричит Глеб, бросаясь вперед. - Этому изданию больше лет, чем всей вашей

ГЛАВА 4: ПЕРВАЯ АТАКА

Все дело в распределении веса. Когда ты несешь поднос с сорока эклерами, ты не думаешь о креме или глазури, ты думаешь о центре тяжести и о том, как твои лопатки сводятся к позвоночнику, создавая жесткий каркас. Сейчас моим каркасом была воля. Утро началось в пять с запаха дрожжей и холодного металла. В восемь ноль-ноль у входа в бывшую букинистическую лавку, а ныне мое поле боя, припарковался пятитонник. Из кабины вылезли двое - один широкий и бесформенный, как мешок с мукой низшего сорта, второй жилистый, с лицом человека, который привык нарушать технику безопасности. Моя прелесть была внутри фургона. Профессиональная печь Упох, шесть уровней, инъекционное увлажнение, нержавеющая сталь, которая блестела так ярко, что резала глаза. Мой алтарь. Мой билет в один конец из съемных углов в собственную империю.

- Мальчики, работаем чисто, - сказала я, потирая затекшую шею. - Углы не бить, полки не цеплять. Если поцарапаете стекло, я вычту это из вашей кармы и гонорара.

Широкий грузчик, которого звали, кажется, Палыч, только хмыкнул. Они начали выгружать станину. Грохот гидравлического борта разрезал тишину переулка как нож разрезает недопеченный бисквит - липко и с неприятным звуком. Я стояла на тротуаре, чувствуя, как внутри все вибрирует от

предвкушения. Это был звук перемен. И мне он чертовски нравился. Я вошла внутрь, мгновенно оценив фронт работ. Пыль, поднятая вчерашним клинингом, еще не улеглась, она висела в лучах утреннего солнца, как взвесь сахарной пудры в непроветриваемом цехе.

Я встала у окна, скрестив руки на груди. Я жду. Я знаю, что он придет. Он не сможет оставить свои сокровища на растерзание людям в синей униформе. Мои икры были напряжены, я перекатывалась с пяток на носки, проверяя готовность мышц к прыжку. Это была статика перед рывком.

И он пришел. Через сорок минут, когда зал уже затянут облаком поднятой пыли, дверь распахивается. Глеб застывает на пороге. На нем тот же джемпер, но сегодня он выглядит еще более помятым, словно он спал прямо в нем, обложившись томами забытых классиков. В руках у него бумажный стаканчик с кофе - видимо, из ближайшего сетевого автомата. Запах этого дешевого пережженного робусты долетел до меня даже через запах пыли.

- Варвары, - произносит он, и хотя из-за шума пылесосов и лязга железа я его почти не слышу, я читаю это по его губам. Его губы узкие, вечно поджатые, как будто он пробует на вкус что-то кислое.

Я иду к нему через зал, лавируя между шлангами и ведрами. Мои кроссовки бесшумно пружинят по старому паркету.

- Доброе утро, Глеб. Кофе из автомата? Фу, какая гадость. Подождите пару недель, я угощу вас настоящим. Эспрессо с

правильной плотностью крема, а не этой пыльной пеной.

Он игнорирует мою шпильку. Его взгляд прикован к одному из клинеров, который бесцеремонно снимает стопку книг с верхней полки, чтобы протереть стену. Парень в комбине-зоне держит фолианты так, будто это кирпичи.

- Осторожнее! - кричит Глеб, бросаясь вперед. Его движения угловатые, нервные. Он не умеет двигаться экономно. - Этому изданию больше лет, чем всей вашей компании вместе взятой! Положите. Немедленно положите на место.

- Глеб, успокойтесь, - я перехватываю его за локоть. Его рука под старой шерстью сухая и горячая, мышцы зажаты. Типичный гипертонус на фоне стресса. - Люди работают. Вы сами согласились на аренду. Книги нужно привести в порядок, они пахнут тленом и сыростью. Это не гигиенично для общепита.

- Не гигиенично? - он оборачивается ко мне, и я вижу, как в его глазах вспыхивает холодная ярость. - Это история. А то, что вы сюда прете - это металлолом.

В этот момент Палыч и его напарник заносят в дверной проем основной блок печи. Она огромная. Она занимает все пространство коридора. Грузчики тяжело дышат, их лица покраснели, на лбу Палыча вздулась вена. Они пятятся назад, пытаясь развернуться в узком проходе между стеллажами.

- Левее бери, - сипит напарник. - Куда ты прешь, там полка!

- Сама ты полка, - огрызается Палыч. - Проходим, проходим...

Раздается противный скрежет. Угол стального корпуса печи встречается с краем дубового стеллажа. Дерево стонет. Я слышу этот звук всем телом, словно это по моей коже провели наждаком. Одна из полок, не выдержав вибрации, проседает, и десяток книг с глухим стуком падают на пол. Пыль взрывается грибом.

Глеб издает звук, похожий на приглушенный стон раненого зверя. Он вырывает руку из моего захвата и бросается к упавшим книгам. Он падает на колени, буквально накрывая их собой.

- Вы с ума сошли? - кричит он грузчикам. - Вон! Пошли вон отсюда все!

- Слышь, командир, - Палыч останавливается, печь опасно кренится в его руках. - Мы технику заносим. Места мало, сам видишь. Давай, не мешай рабочему процессу.

- Я сейчас полицию вызову, - Глеб уже тянется к карману брюк, его пальцы дрожат. - Это частная собственность. Вы портите имущество. Вы нарушаете... всё вы нарушаете!

Я чувствую, как ситуация начинает подгорать, как забытая в духовке карамель. Секунда - и пойдет черный дым.

- Глеб, не делайте глупостей. Мы все уладим. Палыч, поставьте печь. Просто поставьте ее на пол прямо здесь.

- Нельзя здесь, - хрипит Палыч. - У нас по накладной установка в кухонной зоне. Тащить ее потом на пупке?

- Ставь, я сказала! - мой голос звучит как щелчок хлыста. Тренерский голос. Тот самый, от которого у девчонок в спортзале подтягивались животы.

Они опускают печь. Грохот такой, что, кажется, люстра в центре зала качнулась. Глеб уже прижимает телефон к уху. Его лицо бледное, почти прозрачное, только на щеках горят нездоровые пятна. Он говорит в трубку быстро, глотая окончания слов, путаясь в синтаксисе. Он вызывает наряд. Нарушение общественного порядка, незаконное проникновение, порча ценностей.

- Глеб, вы ведете себя как ребенок, которому не дали дочитать сказку, - я подхожу к нему, стараясь дышать ровно. Мое сердце бьется в ритме четкого технического процесса - сто двадцать ударов в минуту, идеальный темп для замешивания плотного теста. - У нас есть договор. У меня есть право на установку оборудования.

- У вас есть право на аренду, а не на уничтожение этого места, - он встает с колен, прижимая к груди две книги в потрепанных переплетах. - Вы притащили сюда этот заводской шум. Вы пахнете не ванилью, Таисия. Вы пахнете агрессией и дешевым успехом.

- Дешевым? - я усмехаюсь, чувствуя, как внутри закипает холодная спортивная злость. - Эта печь стоит как ваш годовой оборот, если бы вы хоть что-то продавали, кроме пыли. Я строю бизнес. Я создаю рабочие места. А вы цепляетесь за прошлое, которое уже давно сгнило.

Мы стоим друг напротив друга в окружении груд книг, строительного мусора и нержавеющей стали. Между нами - кухонная зона, которая должна стать сердцем моей пекарни, а для него она - оскверненный храм. Его плечи под джемпером напряжены так, будто он ждет удара. Я оцениваю его стойку. Слишком много веса на пятках. Один толчок - и он упадет. Но я не толкаю. Я жду.

Полиция приезжает через пятнадцать минут. Двое. Один молодой, с глазами, в которых читается бесконечная усталость от утренних вызовов, второй постарше, с животом, который явно привык к ненормированному питанию. Они заходят в зал, морщась от пыли.

- Что тут у вас? - старший осматривает помещение. - Кто вызывал?

- Я вызывал, - Глеб делает шаг вперед, он снова надел свою маску циника, но голос все еще немного вибрирует. - Глеб Озерский, владелец помещения. Здесь происходит незаконный захват пространства и порча имущества. Прошу зафиксировать повреждения стеллажей и выставить этих людей.

Полицейский переводит взгляд на меня. Я стою у своей печи, положив руку на холодный металл. На мне белый фартук поверх черного худи, волосы собраны в тугий узел. Я выгляжу как человек, который точно знает, что он делает.

- Добрый день, офицер, - я улыбаюсь своей самой профессиональной улыбкой. - Таисия Волкова, арендатор. Вот договор, вот спецификация на установку оборудования. Мы про-

сто заносим печь. К сожалению, здание старое, проходы узкие, произошла небольшая накладка. Мы все компенсируем.

- Она ломает мебель! - вставляет Глеб.

- Мы ее реставрируем, - поправляю я. - В рамках договора аренды пункт 4.2 предусматривает модернизацию пространства под нужды производства.

Младший полицейский подходит к печи, трогает пальцем полированную поверхность.

- Ого, мощная штука. Пищцу печь будете?

- Круассаны, - говорю я, и в этот момент я вспоминаю про свой секретный ингредиент. - Кстати о круассанах. Я сегодня утром делала пробную партию дома. Рецепт требует калибровки, но вкус уже идеальный. Пятьдесят два слоя масла, ребята. Это почти искусство.

Я иду к столу, где стоит моя большая термосумка. Я достаю оттуда коробку. Когда я открываю крышку, запах сливочного масла, тепла и легкой нотки корицы мгновенно вытесняет запах книжной пыли. Это физическая атака. Я вижу, как у старшего полицейского дергается ноздря. Его тело подается вперед непроизвольно, это чистая физиология.

- Попробуйте, - я протягиваю коробку. - Еще теплые. В этом районе нормальной выпечки не найти, одни химические пончики в супермаркетах. А тут - натуральный фермерский продукт.

Они переглядываются. Глеб смотрит на эту сцену с таким выражением лица, будто я при них совершаю ритуаль-

ное убийство.

- Это подкуп должностных лиц при исполнении, - цедит он.

- Это дегустация, Глеб, - не оборачиваясь, бросаю я. - Не путайте юридические термины с гостеприимством.

Старший полицейский берет круассан. Он откусывает, и я слышу этот божественный хруст. Звук правильно приготовленного слоеного теста - это как хруст первого снега под ногами, только вкуснее. Его лицо разглаживается. Он жует медленно, закрыв глаза. Младший не выдерживает и тоже тянется к коробке.

- Да... - выдыхает старший, вытирая крошки с губ. - Это вам не пончики. Слушайте, гражданин Озерский. Тут у вас гражданско-правовые отношения. Договор есть? Есть. Печь - это оборудование. Ну, поцарапали полку, так это бывает при переезде. Вы уж как-нибудь сами договоритесь, а? Мы тут криминала не видим.

- Но они же... - Глеб задыхается от возмущения. - Они же разрушают атмосферу!

- Атмосферу в протокол не занесешь, - философски замечает младший полицейский, жадно доедая свой круассан. - Спасибо, девушка. Очень вкусно. Удачного открытия.

Они уходят, оставляя после себя шлейф запаха казенной формы и моего масла. Грузчики, воодушевленные моей победой, начинают споро двигать печь дальше вглубь помещения. Палыч подмигивает мне, вытирая пот со лба.

Я поворачиваюсь к Глебу. Он стоит у окна, его фигура кажется маленькой на фоне огромных стеллажей. Он не ест мои круассаны. Он даже не смотрит в сторону коробки. Его неподвижность пугает меня больше, чем его крики. Он как застывшая карамель, которая перестояла на огне - еще секунда, и она станет горькой и хрупкой, непригодной ни для чего.

- Мужчины в форме едят из моих рук, Глеб, - говорю я тихо, подходя ближе. - А вы даже не моргнули. Вы что, действительно сделаны из старой бумаги?

Он медленно поворачивает голову. В его глазах нет поражения. В них что-то другое. Спокойствие человека, который знает секретный ход в лабиринте.

- Вы думаете, что победили, потому что накормили двух голодных мужиков тестом с жиром? - его голос звучит пугающе ровно. - Вы очень примитивно оцениваете сопротивление среды, Таисия. Вы видите только физические препятствия. Но стены этого дома имеют память.

- Стены имеют кирпичи и раствор, - отрезаю я. - И я собираюсь в этих стенах установить вытяжку. Палыч, где перфоратор? Нужно наметить отверстие в стене под вентиляцию.

Глеб вдруг усмехается. Это была не добрая усмешка. Так улыбается хирург, который знает, что пациент забыл сказать о своей аллергии на наркоз. Он лезет во внутренний карман джемпера и достает оттуда сложенный вчетверо лист бумаги. Он не протягивает его мне, а кладет на край стола, аккуратно

разглаживая ладонью.

- Прочтите, - говорит он. - Я подготовился к вашему визиту. Я знал, что вы придете с тяжелой артиллерией.

Я беру лист. Бумага плотная, официальная. Сверху герб города и заголовок: Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. Мои глаза бегают по строчкам, и я чувствую, как мои мышцы, до этого бывшие в идеальном тонусе, начинают медленно превращаться в вату.

Объект культурного наследия регионального значения... Доходный дом постройки 1890 года... Охраняемые элементы: фасад, кирпичная кладка, оконные проемы, внутренняя планировка... Любые изменения конструктивных элементов, включая штробление стен и установку внешних блоков систем кондиционирования и вентиляции, категорически запрещены без согласования с КГИОП.

- Что это? - я смотрю на него, чувствуя, как в горле пересыхает.

- Это ваша капитуляция, - Глеб берет свой стаканчик с отвратительным кофе и делает глоток, словно это изысканное вино. - Это здание - памятник архитектуры. Вы не имеете права дырявить стены. Вы не имеете права выводить вытяжку на фасад или во двор. А без вытяжки ваша печь - это просто большой и очень дорогой шкаф из нержавеющей стали.

Я перевожу взгляд на печь. Она стоит посреди зала, монументальная и бесполезная. Мой алтарь превратился в над-

гробный памятник моим планам. Без промышленной вытяжки я не получу разрешение от санстанции. Без разрешения я не смогу печь. Без выпечки я не смогу платить аренду. Весь мой бизнес-план, выверенный до грамма и секунды, только что рассыпался, как песочное печенье, которое передержали в холоде.

- Вы знали, - я делаю шаг к нему. Мои пальцы сжимают этот проклятый лист так сильно, что костяшки белеют. - Вы знали об этом, когда подписывали договор аренды. Почему вы не сказали?

- Вы не спрашивали, - он пожимает плечами. Его движения теперь полны ленивой грации победителя. - Вы были слишком заняты обмером пространства и обсуждением цвета стен. Вы ворвались сюда, считая, что мир прогнется под вашим напором. Но этот мир стоит здесь сто тридцать лет. Он не прогибается.

- Это подло, Глеб. Это просто грязно. Вы взяли мои деньги за первый месяц и залог.

- Деньги пойдут на реставрацию книг, которые ваши варвары сегодня уронили, - он спокойно забирает лист из моих рук. - Я предупреждал вас, Таисия. Это место не для шума. Это место для тишины.

Я чувствую, как в груди начинает давить. Это не страх, нет. Это физическое сопротивление среды, о котором он говорил. Я привыкла бороться с тестом, с температурой, с усталостью. Но как бороться с бумагой, которой больше ста лет?

Мой мозг начинает лихорадочно работать, перебирая варианты. Внутренний кондитер требует тайминга. Если я сейчас не найду решение, карамель сторит.

- Есть системы фильтрации без вывода на фасад, - говорю я, скорее самой себе, чем ему. - Рециркуляционные вытяжки высокой мощности. Угольные фильтры, плазменная очистка...

- Которые стоят как еще три такие печи и требуют ежемесячного обслуживания, превышающего вашу прибыль, - Глеб ставит пустой стаканчик на полку, прямо рядом с прижизненным изданием какого-то поэта. - Вы разоритесь через три месяца, Таисия. Зачем вам это? Уходите сейчас. Я верну вам половину залога, если вы заберете этот гроб сегодня же.

Он называет мою печь гробом. Я смотрю на него и вижу не человека, а завал на трассе. Препятствие, которое нужно либо разобрать, либо перепрыгнуть. Моя мышечная память подсказывает мне: если штанга слишком тяжелая, не пытайтесь поднять ее спиной, используйте инерцию ног.

- Нет, - я выпрямляюсь. Моя осанка снова становится жесткой. - Я не уйду. Я найду способ. Есть технологические решения, о которых ваши книги не знают. И я установлю эту печь. И она будет работать. И запах моих круассанов пропитает каждую страницу ваших пыльных фолиантов так, что их наконец-то захочется купить.

Глеб вздыхает. В его глазах мелькает что-то похожее на жалость, и это бесит меня больше всего.

- Вы упрямы. Это хорошее качество для спортсменки, но плохое для стратега. Вы сражаетесь с историей, а она всегда побеждает.

- Посмотрим, - я поворачиваюсь к грузчикам. - Ребята, за-носим остальное. Ставьте всё в кухонную зону. Подключать пока не будем, просто расставляем по схеме.

Палыч и напарник, которые все это время стояли в сторонке, переминаясь с ноги на ногу, начинают двигаться. Глеб больше не кричит. Он просто стоит и смотрит, как в его мир заходит индустриальный хаос. Он выглядит как человек, который наблюдает за приливом - он знает, что вода поднимется, но он не собирается убежать. Он собирается утонуть вместе со своими сокровищами.

Я ухожу в дальний угол помещения, где планировалась мойка. Там стена холодная, кирпич старый, неровный. Я прижимаюсь к нему лбом, чувствуя его шероховатость. Мне нужно время. Мне нужно пересчитать ингредиенты. Мой рецепт испорчен, но в кондитерском деле иногда из испорченного крема получается лучший в мире ганаш, если вовремя добавить правильный стабилизатор.

Моим стабилизатором сейчас была злость. Плотная, концентрированная, без лишнего сахара.

Я слышу, как Глеб начинает собирать упавшие книги. Он делает это с такой нежностью, с какой я никогда не трогала даже самое нежное суфле. Он гладит переплеты, сдувает пыль, что-то шепчет. Это ненормально. Это какая-то девиа-

ция. Он живет в кладбище мыслей, а я хочу построить здесь фабрику жизни.

- Вы их любите больше, чем людей, - громко говорю я, не оборачиваясь.

- Люди разочаровывают, - доносится его приглушенный голос. - Книги - никогда. Они всегда говорят одно и то же, сколько бы раз вы к ним ни возвращались. В них есть предсказуемость, которой лишена реальность. И вы, Таисия, - чистый хаос. Вы - это шум, который мешает мне слышать смысл.

Я поворачиваюсь. Он сидит на полу среди книг, и в этом свете, пробивающемся сквозь мутные окна, он выглядит как персонаж одного из своих романов. Одинокий, непонятый, застрявший в безвременье. На мгновение мне хочется подойти и предложить ему еще один круассан. Просто чтобы увидеть, как он ест что-то настоящее, что-то, что существует здесь и сейчас.

Но я подавляю этот импульс. В бизнесе, как и в спорте, сочувствие к сопернику - это первый шаг к поражению.

- Хаос - это тоже порядок, Глеб. Просто на более высокой скорости, которую ваш мозг не успевает обработать. Я не шум. Я - ритм. И вам придется под него подстроиться, потому что музыка уже началась.

Я выхожу на середину зала. Печь стоит на месте. Холодильные столы занесены. Стеллажи для противней выстроены в ряд. Моя кухня обретает контуры. Это еще не победа,

но это уже плацдарм.

- Завтра придет инженер по вентиляции, - говорю я грузчикам, расплачиваясь с ними. - Будьте готовы.

- Таисия, - Глеб встает, отряхивая колени. - Вы совершаете ошибку. Дорогостоящую ошибку.

- Ошибки - это часть рецепта, - я подмигиваю ему, хотя внутри у меня все натянуто, как струна. - Без них не бывает авторского почерка. Увидимся завтра, Глеб. И, кстати, выкиньте этот кофе. От него желтеют зубы и портится характер.

Я выхожу на улицу, чувствуя, как прохладный воздух врывается в легкие. Мои ноги слегка подкашиваются от пережитого напряжения, но я заставляю себя идти твердо. Я уже достаю телефон, листая контакты. Мне нужен лучший специалист по фильтрации в этом городе. Мне нужен юридический консультант по памятникам архитектуры. Мне нужно чудо.

Я иду к своей машине, и мне кажется, что я чувствую на своей спине взгляд Глеба. Он смотрит из окна своей крепости, уверенный в своей правоте. Он думает, что бумажка из КГИОП - это стена. Он не понимает, что для меня любая стена - это просто повод потренировать прыжки в высоту.

Мое тело помнит: когда ты бежишь марафон, самый тяжелый километр - тридцатый. Когда кажется, что легкие горят, а сердце сейчас выскочит через горло. Но если ты его пройдешь, откроется второе дыхание.

Я сажусь за руль, бросаю пустую коробку из-под круасанов на соседнее сиденье. В салоне еще пахнет маслом.

Это запах моей будущей победы. И я клянусь себе, что этот книжный червь еще будет просить добавки. Потому что в конце концов, даже самые великие мысли пасуют перед простым человеческим голодом.

Я завожу мотор. Вибрация машины передается в руки. Я в игре. Первая атака отбита, но война только начинается. И я точно знаю, что мои ингредиенты качественнее, чем его. У него только старая бумага и горечь. У меня - огонь, сталь и сахар.

Я трогаюсь с места, глядя в зеркало заднего вида на вывеску Букинист. Она висит криво. Я обязательно ее поправлю. Когда придет время. А сейчас - время действовать. Температура карамели достигла критической отметки, и я не дам ей сторесть. Только не сегодня.

ГЛАВА 5

Глава 5. Температура кипения

Утро пахнет пылью и старым деревом, которое годами впитывало в себя чужие сюжеты. Я стою в центре зала, и мои кроссовки оставляют четкие следы на слое серого налета, покрывающего пол. В руках у меня тяжелый кейс со строительным феном - мой главный аргумент в сегодняшнем споре с реальностью. Мои дельтовидные мышцы еще помнят вчерашнюю тренировку, они слегка поднывают, напоминая о том, что любое движение имеет цену. В кондитерском деле это называется усадка. В жизни - расплата за амбиции.

Я осматриваю фронт работ. Стены этого склепа, который

Глеб гордо именуется книжным магазином, выкрашены в тошнотворный цвет пережаренной яичницы. Краска слоится, местами отходит чешуей, обнажая предыдущие слои - грязно-зеленый, серый, какой-то неопределенно-бурый. Это как плохой многослойный торт, где кондитер пытался скрыть промахи с бисквитом с помощью дешевого маргаринового крема. Моя задача на сегодня - добраться до основы. До кости.

Глеб появляется из глубины своих стеллажей ровно в девять ноль пять. Его пунктуальность раздражает меня так же сильно, как его манера носить старые джемперы с таким видом, будто это королевская мантия. Он не идет, он перемещается в пространстве, почти не отрывая подошв от пола. Его походка - это походка человека, который привык экономить энергию, потому что не видит смысла в ее трате. В его теле нет тонуса, нет той пружины, которая заставляет меня вскакивать в пять утра и бежать свои десять километров. Он - забитая мышца, которую нужно долго и больно раскатывать валиком, чтобы она снова начала работать.

- Доброе утро, Таисия, - произносит он, и его голос в этой пустой коробке помещения звучит как запись на старой пластинке. - Я вижу, вы принесли орудия пыток. Надеюсь, вы осознаете, что это здание является объектом, требующим деликатного обращения, а не разделочным цехом.

Я не оборачиваюсь. Я проверяю насадку на фене. Мои пальцы работают быстро, автоматически. Это мышечная па-

мать. Когда ты за день украшаешь двести капкейков, твои руки становятся точнее любого лазера.

- Это строительный инструмент, Глеб. Он снимает краску, а не кожу. Хотя, судя по вашему виду, вы бы и это сочли святотатством. У нас есть график. В графике сегодня - очистка стен. Температура кипения старой краски ниже, чем температура вашего терпения, так что советую отойти.

Он замирает в двух метрах от меня. Я чувствую его присутствие кожей спины. Это странное ощущение - как будто кто-то нарушил траекторию твоего движения, создав зону турбулентности. Он не отвечает сразу. Он берет паузу, как делает всегда, чтобы заставить меня нервничать. Но я не из тех, кто заполняет тишину бессмысленной болтовней. В моей семье тишина всегда была предвестником того, что отец снова проиграл деньги и нам пора собирать чемоданы. Я научилась упаковывать свою жизнь в коробки за сорок минут. Тишина меня не пугает, она меня мобилизует.

- Вы так стремитесь все обнажить, - наконец говорит он, и в его голосе слышится та самая сухая ирония, которая действует на меня как песок в подшипнике. - Это современная мания - содрать все до бетона, выставить напоказ технические узлы, превратить уютное убежище в стерильный операционный стол. Вы и десерты свои готовите так же? С хирургической точностью и полным отсутствием души?

Я поворачиваюсь к нему. Он стоит, скрестив руки на груди. Его плечи напряжены, правое чуть выше левого - клас-

сический признак хронического стресса и привычки защищаться. Он похож на плохо консервированный продукт. Вроде срок годности еще не вышел, но банка уже вздулась. Внутри него кипят процессы, о которых он боится даже подумать, предпочитая прятаться за цитатами и пыльными фолиантами.

- Мои десерты, Глеб, это химия и математика. Если у тебя в тесте нарушен баланс белков и жиров, никакая душа не заставит его подняться. Вы живете в мире метафор, а я живу в мире температурных режимов. Ваша проблема в том, что вы боитесь обжечься. А я привыкла работать у печи.

Я включаю фен. Гул низкого регистра мгновенно заполняет зал, отражаясь от высоких потолков. Это звук прогресса. Это звук того, как старое уступает место новому. Я направляю струю раскаленного воздуха на стену. Краска начинает пузыриться. Она вздувается, как волдыри на коже, меняет цвет с желтого на коричневый, издает резкий, едкий запах химии и времени. Я беру шпатель и с легким хрустом снимаю первый пласт.

Глеб не уходит. Он делает шаг назад, морщится от шума, но остается на месте. Я вижу в отражении витрины, как он подходит к своему старому проигрывателю, который стоит на конторке. Его движения медленны, почти ритуальны. Он достает пластинку, осторожно опускает иглу.

Через секунду сквозь гул фена прорывается Вагнер. Мощные, тяжелые аккорды, которые пытаются раздавить мой

технический шум своей пафосной значимостью. Это война. Он решил устроить здесь битву титанов. Строительный фен против немецкого романтизма. Я прибавляю мощность. Моя рука чувствует вибрацию инструмента, она передается в предплечье, в плечо, заставляя мышцы работать в режиме статического удержания. Это отличная тренировка. Если долго держать фен под одним углом, можно прочувствовать каждую фасцию в своем теле.

Мы стоим в этом хаосе звуков. Пыль поднимается в воздух, танцуя в лучах утреннего солнца, которые пробиваются сквозь невымытые окна. Глеб смотрит на меня сквозь это облако, и в его глазах я вижу не просто раздражение, а какой-то глубинный, почти экзистенциальный страх. Он боится, что я разрушу его кокон. Он боится, что под слоем этой краски окажется что-то, с чем он не сможет справиться.

Его ирония - это просто плохая консервация старой боли. Я видела такое сотни раз. Мой отец тоже шутил, когда судебные приставы описывали мебель. Он цитировал классиков, когда мы переезжали в очередную съемную однушку на окраине. Глеб - это улучшенная версия моего отца, упакованная в интеллигентную обертку и пахнущая старой бумагой вместо дешевого коньяка. Но суть та же - бегство от реальности в мир, где все уже предрешено автором.

Я продолжаю работать. Слой за слоем. Стена поддается неохотно. Она сопротивляется, как и ее владелец. Я чувствую, как капля пота скатывается по позвоночнику. Мое те-

ло разогревается. Это правильное состояние. В спорте это называется рабочим режимом, когда ты перестаешь чувствовать усталость и становишься частью процесса. Я и есть этот фен, я и есть этот шпатель.

- Вы же понимаете, что шум не делает вашу позицию более убедительной! - выкрикивает Глеб, пытаясь перекрыть Вагнера и мой инструмент. - Вы просто создаете энтропию!

Я выключаю фен. Тишина падает на нас так внезапно, что закладывает уши. Музыка Глеба тоже обрывается - видимо, он сам не выдержал этого акустического насилия. Мы стоим друг против друга, разделенные пылью и невидимой линией фронта.

- Энтропия, Глеб, это то, что происходит с вашим магазином прямо сейчас, - говорю я, переводя дыхание. Мой голос звучит хрипло. - Он разваливается. Книги гниют, полки проседают. Вы называете это сохранением традиций, а я называю это некрозом тканей. Если не отсечь мертвое, живое не вырастет. Вы так боитесь перемен, потому что думаете, что они сотрут вашу память. Но ваша память и так стирается, превращаясь в труху под этими слоями краски.

Он делает шаг вперед. Теперь я вижу сетку мелких морщин у его глаз. Он не так стар, как хочет казаться. Ему около тридцати пяти, может, чуть больше, но он искусственно состарил себя, как антикварную мебель, которую покрывают кракелюрным лаком.

- Моя память, Таисия, это единственное, что имеет значе-

ние, - его голос становится тихим, вибрирующим. - Вы приходите сюда со своими бизнес-планами и ароматизаторами, вы хотите превратить это место в очередной глянцевоый проект для инстаграма. Вы не видите здесь ничего, кроме квадратных метров и проходимости. Но в этих стенах есть ритм, который вы не способны услышать из-за своего постоянного бега. Вы бежите, чтобы не чувствовать пустоты внутри. Вы заполняете ее сахаром и калориями, но это не насыщает.

- О, перешли на психоанализ? - я усмехаюсь, чувствуя, как внутри закипает привычное раздражение. - Это входит в стоимость аренды? Моя пустота, как вы выразились, отлично структурирована. В ней есть четкий график поставок, система налогообложения и идеальный рецепт слоеного теста. А что в вашей? Старые обиды на отца? Верность призракам? Вы похожи на человека, который заперся в склепе и удивляется, почему здесь мало кислорода.

Я снова включаю фен, не давая ему ответить. Мне не нужны его откровения. Они нарушают мой тайминг. Я должна закончить эту стену до обеда. Я направляю струю воздуха на участок у самого окна, где краска кажется особенно толстой. Она поддается тяжело, чернеет, исходит дымом. Я налегаю на шпатель всем весом, чувствуя, как напрягаются мышцы бедер и пресса. Это физическое сопротивление среды, которое нужно преодолеть за счет выносливости.

Вдруг шпатель проваливается во что-то мягкое. Я отдергиваю руку. Вместе с куском штукатурки и слоями многолет-

ней краски отваливается огромный пласт. Я замираю. Под серой массой обнажается фрагмент цвета. Охра, глубокий синий, терракота.

- Стойте! - Глеб оказывается рядом раньше, чем я успеваю сообразить, что произошло. Его рука ложится на мое предплечье. Его пальцы холодные и сухие, но хватка неожиданно крепкая. - Перестаньте. Посмотрите.

Я выключаю фен. Сердце колотится в ритме сто сорок ударов в минуту. Не от испуга, а от внезапного сбоя в алгоритме. Я смотрю на стену. Там, под слоями советского ремонта и постсоветского упадка, открывается изображение.

Я начинаю осторожно, почти не дыша, снимать соседние участки шпателем, уже без фена. Краска здесь отходит легче, словно сама хочет показать то, что скрывала десятилетиями. Глеб стоит рядом, его дыхание стало прерывистым. Его плечо касается моего, и я не отодвигаюсь. Сейчас мы оба - просто наблюдатели.

Через десять минут на нас смотрит фреска. Она старая, местами поврежденная трещинами, но цвета удивительно живые. Это изображение двух фигур. Слева - пекарь в длинном фартуке, вынимающий из печи огромный каравай. Его руки прорисованы с невероятной точностью - напряженные вены, мозолистые ладони, сила в каждом пальце. А справа, за деревянным столом, сидит человек с книгой. Он склонился над страницами, и свет от печи падает на его лицо, создавая теплую, почти сакральную ауру. Они не смотрят друг на

друга, но они связаны этим светом, этим пространством. Это не просто картинка. Это манифест.

- Это... это невозможно, - шепчет Глеб. Его маска циника треснула, обнажая растерянность ребенка. - Я знал, что здесь раньше была кондитерская, до революции. Но мой дед говорил, что во время ремонта в тридцатых все уничтожили. Он думал, что стены просто заштукатурили.

Я провожу пальцами по изображению пекаря. Шершавая поверхность, холодный камень. Моя мышечная память откликается на позу нарисованного человека. Я знаю, как он чувствует этот каравай. Я знаю, как у него болит поясница к концу смены. Это физиологическое узнавание.

- Они не уничтожили, - говорю я, и мой голос звучит непривычно мягко. - Они просто законсервировали. Как вы консервируете свою жизнь, Глеб. Под слоем этой уродливой краски сохранилось то, что имело смысл.

Я смотрю на читателя. Он выглядит так же, как Глеб, когда тот думает, что я его не вижу. Та же отрешенность, то же погружение в другой мир. Но здесь, на фреске, он не кажется мертвым. Он кажется частью общего процесса. Пекарь дает ему энергию, а он... что он дает пекарю? Смысл? Оправдание этого тяжелого, потного труда у печи?

Глеб медленно поднимает руку и касается изображения книги. Его пальцы дрожат. В этот момент он кажется мне до боли уязвимым. Его ирония, его сложные слова - это все была лишь эта самая краска, которую я так яростно сдира-

ла. Под ней оказался человек, который так же, как и я, ищет точку опоры.

- Пекарь и читатель, - тихо произносит он. - Тот, кто кормит тело, и тот, кто кормит ум. Они были здесь всегда, Таисия. До нас. И, возможно, останутся после. А мы с вами... мы просто временные жильцы, которые устроили драку на пепелище.

Я чувствую, как напряжение в моих мышцах начинает спадать. Это не значит, что я сдалась. Это значит, что правила игры изменились. Температура карамели достигла критической отметки, но вместо того, чтобы сгореть, она превратилась в нечто иное. В основу для чего-то более сложного.

- Я не буду закрашивать это, Глеб, - говорю я, глядя прямо на него. - И я не буду закрывать это стеллажами. Это будет центром зала. Мои витрины будут с одной стороны, ваши книги - с другой. А эта фреска будет напоминать нам обоим, что мы не такие уж и разные, как нам хочется думать.

Он смотрит на меня долго, изучающе. В его взгляде больше нет того высокомерия, которое так меня бесило. Есть признание. Тяжелое, вынужденное, но честное.

- Вы очень решительная женщина, Таисия. Мой дед бы вас испугался. А отец... отец бы вас возненавидел. Потому что вы делаете то, что они не решились сделать - вы вскрываете нарывы.

- Я просто не люблю просроченные продукты, - я пожимаю плечами, возвращаясь к своему обычному тону. - И я

не люблю терять время. Нам нужно вызвать реставратора. И, Глеб... выключите Вагнера. Он не сочетается с этой охрой. Поставьте что-нибудь более... живое.

Он слегка улыбается. Это первая настоящая улыбка, которую я вижу на его лице. Она несимметричная, немного кривая, но она меняет все выражение его лица, делая его человечным.

- У меня есть джаз сороковых. Подойдет?

- Подойдет. Если в нем есть ритм.

Я снова беру фен, но теперь я работаю иначе. Осторожнее. Я обхожу фреску, очищая пространство вокруг нее. Мое тело работает четко, слаженно. Я чувствую каждый сустав, каждую связку. Это как финишная прямая марафона - когда ты уже знаешь, что добежишь, и начинаешь получать удовольствие от самой механики движения.

Глеб возвращается к своей конторке. Он не спорит, не иронизирует. Он просто меняет пластинку. И когда первые звуки трубы врываются в пыльный воздух магазина, я понимаю, что эта битва закончена. Мы оба вышли из своих ролей. Я больше не захватчик, он больше не жертва обстоятельств. Мы - два ингредиента, которые наконец-то начали вступать в химическую реакцию.

Я работаю до самого вечера. Спина ноет, руки кажутся налитыми свинцом, но это приятная усталость. Это запах победы, который на этот раз не имеет ничего общего с подавлением противника. Это победа над собственной ограничен-

ностью.

Когда солнце начинает садиться, окрашивая фреску в багровые тона, Глеб подходит ко мне с двумя бумажными стаканчиками кофе.

- Я ходил в кофейню за углом, - говорит он, протягивая мне стакан. - Знаю, вы предпочитаете свой собственный кофе, но... сочтите это жестом доброй воли.

Я принимаю стакан. Пластик обжигает пальцы. Я делаю глоток - кофе дешевый, пережаренный, с привкусом пережженного сахара. Но сейчас он кажется мне вкуснее самого дорогого эспрессо.

- Спасибо, Глеб.

Мы стоим в полумраке зала. На стенах лежат длинные тени. Фреска в этом свете кажется объемной, живой. Пекарь все так же вынимает хлеб, читатель все так же погружен в книгу. А мы стоим между ними - два человека, которые только что обнаружили, что их личная война была лишь повторением старого, очень старого сценария.

- Мой отец всегда говорил, что книги - это единственная стабильность, - нарушает тишину Глеб. - Он ошибался. Стабильность - это то, что мы находим под обломками своих иллюзий. Вы разрушили мою иллюзию о неприкосновенности этого места. И я... я благодарен вам за это.

Я смотрю на него. В его глазах отражается свет уличных фонарей. Он больше не кажется мне книжным червем. Он кажется человеком, который долго был в спячке и теперь му-

чительно, медленно просыпается.

- Мой отец никогда не смотрел назад, Глеб. Он всегда бежал вперед, к новым долгам и новым провалам. Я всю жизнь пыталась остановиться, закрепиться, пустить корни. Я думала, что аренда и договор - это и есть корни. Но сегодня я поняла, что корни - это то, что остается, когда ты счищаешь все лишнее.

Я ставлю пустой стакан на подоконник. Мое тело требует отдыха, но мозг продолжает работать, выстраивая новые траектории. Мы еще будем спорить. Мы еще будем бесить друг друга. Его медлительность будет доводить меня до белого каления, а моя страсть к контролю будет душить его. Но теперь у нас есть общая точка отсчета.

- Завтра придет электрик, - говорю я, направляясь к выходу. - Нам нужно хорошее освещение для этой стены. Никаких пыльных ламп. Только направленный свет.

- Согласен, - кивает он. - Я подготовлю список необходимых материалов для реставрации. У меня есть связи в историческом обществе.

Я выхожу на улицу. Вечерний воздух кажется невероятно свежим после пыли и запаха горелой краски. Я сажусь в машину, мои руки на руле слегка подрагивают от перенапряжения. Но это хорошая дрожь.

Я смотрю на витрину Букиниста. Она все еще выглядит жалко, но теперь я знаю, что внутри нее скрыто сокровище. И это сокровище - не только старая фреска. Это возможность

начать все сначала, не оглядываясь на тени прошлого.

Температура кипения пройдена. Процесс пошел. И я точно знаю, что в конце концов, этот рецепт окажется идеальным. Потому что в нем теперь есть не только химия и математика, но и что-то еще. Что-то, что я пока не могу назвать, но уже чувствую каждой клеткой своего тренированного, готового к новым рывкам тела.

Я завожу мотор. Вибрация машины успокаивает. Первая атака превратилась в альянс. И я готова к следующему этапу. Потому что в этом марафоне я не просто бегу к финишу. Я создаю свою собственную дистанцию.

И Глеб... Глеб теперь тоже в игре. Он еще не знает, насколько сильно изменится его жизнь, но его плечи сегодня стали чуть ровнее. И это уже победа.

Я трогаюсь с места. В зеркале заднего вида отражается свет из окон магазина. Там, в глубине, среди пыльных полок и теней прошлого, теперь горит огонь. Настоящий огонь, который не разрушает, а согревает.

Я улыбаюсь своему отражению. Завтра будет новый день, новые споры и новые слои краски. Но сегодня я засну спокойно. Потому что под слоем моей собственной брони я тоже нашла что-то живое. И это живое требует, чтобы его кормили. Не только сахаром, но и смыслом.

Мой внутренний тренер молчит. Он доволен таймингом. Мы уложились в график. Мы нашли больше, чем искали. И это самое главное в любом производстве - когда результат

превосходит ожидания.

Я еду домой, и ритм города совпадает с ритмом моего сердца. Сто двадцать ударов в минуту. Идеальный темп для долгого забега. Забега, который только начинается.

Глава 5 закончена, но книга нашей истории только открывается на самой интересной странице. И я намерена дочитать ее до конца. Вместе с тем, кто теперь знает мои истинные ингредиенты.

Температура карамели стабильна. Мы не сгорели. Мы закалились. И теперь мы готовы к тому, чтобы стать чем-то большим, чем просто соседи по арендованной площади. Мы - часть одной фрески. И это осознание греет меня лучше любого строительного фена.

Я паркуюсь у своего дома. Мои мышцы блаженно расслабляются. Я чувствую каждую связку, каждый сантиметр своей кожи. Я чувствую жизнь. И это лучшее, что я когда-либо готовила.

Завтра будет свет. Завтра будет джаз. И завтра мы продолжим счищать старую краску с наших душ, пока не доберемся до самой сути. До того самого света, который объединяет пекаря и читателя.

Я выхожу из машины и смотрю на звезды. Они сегодня кажутся ярче. Или это просто я начала видеть лучше сквозь пыль прожитых лет? В любом случае, я в игре. И это моя лучшая игра.

ГЛАВА 6: ТЕНЬ ОТЦА

Утро началось с того, что реальность дала мне под дых. Вчерашние звезды и джаз испарились, оставив после себя только липкий налет на подоконнике и гул в голове, характерный для передозировки надеждой. Я стояла в подсобке, зажата между стеллажом с мешками муки и старым холодильником, который вибрировал в такт моей левой икре. Мышцы после вчерашнего подвига с очисткой стен ныли, напоминая о каждом неверном движении. Тело - это честный бухгалтер, оно всегда выставляет счет за энтузиазм.

Телефон на металлическом столе завибрировал. Звук был неприятный, дребезжащий, как будто внутри аппарата застряла злая муха. На экране высветилось имя, которое я не видела уже полгода. Отец.

Мой биологический спонсор всех моих детских кошмаров. Человек-пузырь, человек-стартап, человек, чья жизнь состоит из поиска идеальной схемы обогащения, в которой почему-то всегда не хватает десяти тысяч рублей до миллиона. В локтевой ямке запульсировало. Это мой личный индикатор опасности: когда сосуды начинают биться о кожу, значит, пора закрывать люки.

- Да, - сказала я, прижав трубку плечом. Руки я уже успела окунуть в ледяную воду, чтобы привести чувства в рабочее состояние.

- Таисия, дочка, ты не представляешь, какой это шанс, - голос в трубке был бодрым, слишком бодрым для восьми утра. В нем слышался этот специфический энтузиазм торгового представителя, который пытается продать тебе пылесос в разгар пожара. - Я нашел выход на партию конфискованного оборудования для майнинга. Там маржа триста процентов. Мне нужно всего лишь небольшое плечо. Временная ликвидность.

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором возникла картинка из девяносто восьмого года: мы сидим на коробках в пустой квартире в Самаре, потому что папа инвестировал наши шторы и диван в партию чудо-фильтров для воды, которые очищали только кошельки покупателей. Потом был двухтысячный и его идея с выращиванием вешенок в подвале, которая закончилась плесенью во всех наших вещах.

- Какое плечо, пап? - мой голос звучал сухо, как пересушенный бисквит, который крошится при первом же прикосновении. - У меня нет плеч. У меня есть только спина, на которой я тащу аренду и долги по оборудованию.

- Тая, ты всегда была слишком приземленной. В этом твоя проблема. Ты копаешься в своей муке, пока мир делает состояния на воздухе. Мне нужно двести тысяч. На неделю. Я отдам триста. Клянусь памятью твоей матери.

- Не смей, - я почувствовала, как челюстные мышцы свело судорогой. - Не трогай маму. Ее память - это единственное, что ты еще не заложил в ломбард. Денег нет. И не будет.

- Ты же хозяйка заведения! У тебя касса, оборотка! - его тон сменился с заискивающего на обвиняющий. Это был классический переход, я знала его по нотам. Глиссандо от жертвы к агрессору. - Я твой отец. Я дал тебе жизнь.

- Ты дал мне привычку спать на чемоданах и вздрагивать от каждого стука в дверь, - я нажала кнопку отбоя.

Пальцы дрожали. Я мгновенно заблокировала номер. Ритм сбился. Внутри меня все звенело, как плохо закрепленная деталь в миксере. Мне нужно было заземлиться. Физика процесса всегда спасает, когда химия мозга дает сбой. Я схватила медную миску - она тяжелая, холодная, с идеальной адгезией для белков.

Белки. Мне нужны были белки. Меренга - это высшая форма контроля над хаосом. Ты берешь прозрачную, сопливую субстанцию и превращаешь ее в жесткую архитектуру. Я разбила шесть яиц, методично отделяя желтки. Один неловкий жест, одна капля жира - и структура не сложится. Это как доверие: разрушается мгновенно, восстановить невозможно.

Я не стала включать электрический миксер. Мне нужно было чувствовать сопротивление. Я взяла ручной венчик. Первый цикл: медленные, размашистые движения. Насыщаем массу кислородом. Лопатка, трицепс, запястье. Я чувствовала, как сустав в плече щелкает при каждом обороте.

Раз. Два. Раз. Два.

Если я дам слабину, я снова окажусь в фургоне. Мне де-

сять лет, за окном дождь, а папа весело рассказывает, что мы едем навстречу приключениям, хотя на самом деле мы просто бежим от судебных приставов. Безопасность - это не стены. Это когда у тебя есть право сказать "нет" и не оказаться при этом на улице. Моя аренда, мой договор с Глебом, мои счета - это мои баррикады.

В дверном проеме подсобки возникла тень. Я не оборачивалась, я знала эту статику. Глеб стоял там, прислонившись к косяку, и его присутствие ощущалось как падение атмосферного давления перед штормом. Он молчал, и это было его любимым оружием. Он заставлял пространство вокруг себя сжиматься, пока ты не начинал задыхаться от собственного шума.

- Вы совершаете избыточное количество движений, Таисия Николаевна, - его голос разрезал тишину подсобки, как острый нож режет холодное масло. Медленно, с противным скрипом. - С точки зрения физики - это крайне неэффективная трата кинетической энергии.

Я не сбавила темп. Наоборот, я начала взбивать быстрее. Белки начали мутнеть, превращаясь в легкую пену. Мое предплечье уже горело. Молочная кислота в мышцах - это единственное, что помогало не думать о звонке отца.

- Эффективность - это не всегда про физику, Глеб, - я бросила это через плечо, не прерывая ритма. - Иногда это про то, чтобы не сойти с ума. Вы же предпочитаете свои пыльные фолианты живому общению. Считайте, что это мой способ

читать классику.

- Классика не требует такого остервенения, - он сделал шаг в подсобку. Я кожей почувствовала запах старой бумаги и дорогого одеколона, который пах так, будто им пользовались в последний раз в девятнадцатом веке. - Вы выглядите так, будто пытаетесь взбить этот белок до состояния гранитного монумента. Меренга должна быть воздушной, а не высеченной из камня вашей ярости.

- Откуда вы знаете, какой должна быть меренга? - я остановилась на секунду, чтобы вытереть пот со лба тыльной стороной ладони. Рука дрожала. Это был нехороший знак, потеря контроля над мелкой моторикой.

- Я умею читать, - Глеб подошел ближе, рассматривая содержимое моей миски с таким видом, будто изучал редкий вид плесени. - В библиотеке моего отца были книги не только по юриспруденции и философии. Были и поварские книги французских мастеров. Там процесс описывался как медитация, а не как акт возмездия.

- Мой отец тоже много чего описывал, - я снова взялась за венчик. Ускорение. Теперь движения стали короткими, хлесткими. - Например, как стать миллионером за неделю. Или как убедить дочь, что жизнь в бегах - это увлекательный квест. У каждого своя медитация, Глеб. Моя - это усталость.

Он замолчал. Я видела краем глаза, как он сцепил пальцы за спиной. Его плечи под серым джемпером были напряжены. Он стоял слишком близко для человека, который декла-

рирует отстраненность. Его тень падала на мой стол, смешиваясь с тенью от стеллажа.

- Ваш отец звонил? - спросил он вдруг. Голос стал тише, и в нем промелькнуло что-то, что я не смогла идентифицировать. Не сочувствие, нет. Скорее, узнавание.

Я замерла. Венчик застрял в густеющей массе.

- Откуда вы...

- У вас специфическое выражение лица, - перебил он, не давая мне закончить. - Лицо человека, который только что задраил люки и готовится к длительной осаде. Мой отец выглядел так последние десять лет своей жизни. Каждый раз, когда почтальон приносил письма от определенных людей. Или когда звонил телефон.

Я посмотрела на него прямо. В его глазах было то самое "законсервированное горе", о котором я думала раньше. Он не просто циник, он - хранитель руин. Он охраняет свою тишину так же яростно, как я - свои рецепты. Мы оба построили крепости, просто у него они из книг, а у меня - из теста.

- Он просил денег, - сказала я, удивляясь собственной откровенности. Наверное, это из-за того, что мышцы были слишком забиты, чтобы держать еще и эмоциональную оборону. - Очередная великая идея. Триста процентов прибыли. Плечо. Ликвидность. Слова, которые в моем детстве означали, что завтра у нас отберут телевизор.

Глеб кивнул. Медленно, почти торжественно.

- Слова - это самый дешевый товар, Таисия. Те, кто ими

разбрасывается, обычно не имеют за душой ничего, кроме сквозняка. Мой отец потерял все, потому что поверил в слова одной женщины. Она говорила о партнерстве, о любви, о великом будущем. В итоге он остался с долгами и библиотекой, которую она не успела вывезти, потому что та была слишком тяжелой.

- И вы теперь охраняете эти книги как священный грааль?
- я иронично изогнула бровь, хотя внутри все сжималось.

- Я охраняю предсказуемость, - отчеканил он. - В книгах финал не меняется от того, сколько раз вы их перечитываете. Анна Каренина всегда бросается под поезд. Гамлет всегда умирает. Это успокаивает. В отличие от живых людей, которые могут позвонить в восемь утра и разрушить ваш день одним предложением о майнинге.

Я вернулась к меренге. Белки уже превратились в плотную, гляцевую массу. Я подняла венчик - на нем застыл "птичий клюв". Идеальный пик. Технически - безупречно. Эмоционально - я чувствовала себя как выжатый лимон, из которого вынули не только сок, но и цедру.

- Знаете, Глеб, - я начала переключать массу в кондитерский мешок, - ваша предсказуемость - это просто другая форма страха. Вы боитесь шума, потому что боитесь, что он заставит вас что-то почувствовать. Но жизнь - это шум. Это запах гари, когда ты зазевался, это рассыпавшаяся мука, это звонки от идиотов-родственников. Если вы все это выключите, вы просто станете одним из персонажей на своих пол-

ках. Пыльным и неподвижным.

Он ничего не ответил. Просто развернулся и вышел из подсобки своим бесшумным шагом, который всегда вызывал у меня раздражение. Я осталась одна с мешком меренги и гудящим предплечьем.

Следующие два часа я работала как автомат. Отсадить гнезда на противень. Температура - сто градусов. Конвекция - минимум. Время - девяносто минут. Каждый десерт должен быть одинаковым. Никаких отклонений. Никакого хаоса. В кондитерском деле нет места для "творческого порыва", если этот порыв не подкреплён знанием химии.

Я чувствовала, как гнев постепенно уходит, замещаясь привычной рабочей пустотой. Это хорошее состояние. В нём нет боли, есть только траектории. Достать противень, переставить на решетку, проверить дно - оно должно быть сухим и звонким при постукивании.

Ближе к полудню я вышла в торговый зал. Солнце заливало помещение, высвечивая каждую пылинку в воздухе. Глеб сидел за своим столом, обложенный счетами и какими-то юридическими документами. Он не поднял головы, когда я прошла мимо, чтобы поправить вывеску на входе.

На моем рабочем столе, прямо поверх блокнота с заказами, лежала книга. Старая, в потрепанном кожаном переплете. Без закладки, но со вложенным листком бумаги.

Я подошла и прочитала название: "Обуздание аффектов и гигиена духа". Автор - какой-то немецкий философ девят-

надцатого века, чье имя было невозможно выговорить без риска сломать язык.

Я открыла ее там, где лежал листок. На полях тонким, каллиграфическим почерком Глеба было написано: "Гнев - это плохой ингредиент для того, что предназначено для радости. На странице 142 описан метод дыхания, который эффективнее ручного взбивания белков. С уважением, Г.В."

Я фыркнула. Вот же зануда. Невероятный, патентованный, эталонный зануда.

Я посмотрела на него. Он продолжал писать, не меняя позы. Его спина была прямой, как линейный край, плечи опущены, пальцы уверенно держали ручку. Но я заметила, как напряглась жилка на его виске. Он ждал моей реакции. Его цинизм был всего лишь тонкой глазурью на очень сложном и хрупком десерте.

Я взяла книгу и подошла к его столу. Мои шаги по свежeweымытому полу звучали вызывающе громко.

- Вы думаете, что дыхательные упражнения заменят мне двести тысяч, которые мой отец не получит? - я положила книгу на край его стола.

Глеб поднял на меня глаза. В них не было иронии, только странная, холодная усталость.

- Я думаю, что двести тысяч - это цена, которую вы платите за свою свободу от него. А книга - это бесплатное приложение к этой свободе. Можете не благодарить.

- Я и не собиралась, - я развернулась, чувствуя, как внутри

что-то щелкнуло. Не так, как сустав в плече, а по-другому. Как будто деталь, которая долго болталась, наконец-то встала в паз.

Я вернулась в подсобку и посмотрела на заблокированный номер отца. Впервые за многие годы мне не было стыдно за то, что я сказала "нет". Моя независимость - это не способ спрятаться. Это способ выжить.

Я взяла венчик и начала мыть его под струей горячей воды. Металл блестел. Вода обжигала пальцы, но я не отстранялась. Мне нужно было это физическое ощущение реальности.

Глеб был прав в одном: гнев - плохой ингредиент. Но он ошибался в другом. Моя ярость не была направлена на меренгу. Она была топливом. Я пережгла остатки своего детского страха в этой медной миске. И теперь, когда печь остыла, внутри осталась только чистая, сухая структура.

Я вышла в зал и, не глядя на Глеба, открыла ноутбук. Нужно было заказать новую партию миндальной муки. Цены выросли на семь процентов. Это была проблема, которую можно было решить цифрами и логикой. В отличие от звонков из прошлого.

- Глеб Валентинович, - позвала я, не отрываясь от экрана.
- Да, Таисия Николаевна?
- Ваша книга... она на немецком. Вы серьезно думали, что я буду читать Канта в оригинале между выпечкой круассанов и проверкой счетов?

Я услышала, как он впервые за все время нашего знакомства издал звук, похожий на короткий смешок. Это было похоже на треск сухого дерева в камине.

- Там есть перевод на латынь в сносках. Я полагал, что для кондитера вашего уровня это не составит труда.

- Идите к черту, Глеб, - сказала я почти ласково.

- Обязательно. Но только после того, как мы закончим сверку по коммунальным платежам.

Я улыбнулась в экран. Мои мышцы наконец-то расслабились. Ритм выровнялся. Я была на своем месте, в своей крепости, и даже тень отца не смогла пробить эти стены. Потому что стены строятся не только из кирпича и договоров. Они строятся из умения вовремя взбить белки и вовремя послать к черту тех, кто пытается превратить твою жизнь в свой очередной стартап.

Температура карамели была под контролем. Моя жизнь - тоже. По крайней мере, на ближайшие девяносто минут, пока в духовке сохнет меренга. И этого было вполне достаточно.

Я чувствовала каждое движение воздуха в помещении. Запах ванили, смешанный с запахом старой бумаги. Это был странный аккорд, но он больше не казался мне фальшивым. Мы с Глебом были как два разных ингредиента, которые по отдельности кажутся несъедобными - горький шоколад и острый перец. Но при правильном тайминге и температуре они могут создать нечто стоящее.

Главное - не перегреть. И не давать слабину.

Я нажала кнопку "оплатить заказ" и почувствовала, как по телу разливается приятная тяжесть выполненного долга. Моя спина была прямой. Мои руки больше не дрожали.

Вечер обещал быть долгим, скучным и наполненным цифрами. И это было лучшее, о чем я могла мечтать после утреннего звонка. В мире хаоса скука - это высшая форма роскоши. И я намерена была насладиться ею сполна, даже если для этого придется выучить пару фраз на латыни из книги этого невозможного человека, который сидит напротив и делает вид, что книги важнее жизни.

Я знала правду. Он тоже боялся. И этот страх делал его живым. Гораздо более живым, чем он хотел казаться.

Я встала, подошла к витрине и выставила на полку первую партию меренг. Они были идеально белыми, легкими и холодными на ощупь.

- Попробуйте, Глеб, - я протянула ему одну на салфетке. - Это вкус чистой ярости, очищенной от примесей и стабилизированной сахаром.

Он медленно отложил ручку, посмотрел на десерт, потом на меня. Его пальцы коснулись моих, когда он брал меренгу. Секундный контакт, похожий на статический разряд. Его кожа была прохладной и сухой.

Он откусил кусочек. Тишина в зале стала почти осязаемой. Я видела, как он медленно пережевывает, как двигаются мышцы на его скулах.

- Слишком много сахара, - сказал он, но не отложил остаток, а доел его до конца. - Но текстура... текстура безупречна. Как юридически грамотно составленный контракт. Ни одной лишней запятой.

- Это лучший комплимент, который я когда-либо слышала, - я развернулась и пошла обратно к своему столу.

Мы продолжали работать в тишине, но теперь эта тишина была другой. Она не давила. Она поддерживала нас, как правильно взбитый белок поддерживает форму самого хрупкого торта. Тень моего отца все еще где-то бродила, ища очередную жертву для своих великих идей, но здесь, в этом пыльном и пахнущем выпечкой пространстве, у него не было шансов.

Я чувствовала свою силу в каждом вдохе. В каждой забитой мышце. В праве собственности на этот день, на эту муку и на это "нет", которое я наконец-то научилась произносить без дрожи в голосе.

Жизнь не стала проще. Она просто стала понятнее. Как рецепт, который ты наконец-то выучил наизусть и теперь можешь воспроизвести с закрытыми глазами, чувствуя ингредиенты кончиками пальцев.

Я посмотрела на Глеба. Он снова углубился в свои бумаги, но его плечи больше не были такими напряженными. Возможно, сахар все-таки сделал свое дело. Или, может быть, дело было не в сахаре, а в том, что иногда нужно просто позволить кому-то увидеть свою тень, чтобы она перестала ка-

заться такой огромной.

Я открыла свой блокнот и записала новый рецепт. "Меренга Глеба. Ингредиенты: белок, сахар, тишина и немного старой бумаги. Взбивать до тех пор, пока прошлое не перестанет иметь значение".

Это был хороший рецепт. Самый лучший из всех, что я когда-либо создавала. И я знала, что завтра, когда я приду сюда снова, я буду еще сильнее. Потому что теперь я знала: моя крепость выдержит любой шторм. Даже если этот шторм звонит по телефону в восемь утра.

Я продолжала работать, чувствуя, как время течет сквозь меня, медленное и густое, как карамель при правильной температуре. И в этом движении, в этом бесконечном цикле создания и контроля, я наконец-то нашла то, что мой отец искал всю жизнь в своих аферах.

Я нашла покой. Физический, осязаемый покой в середине рабочего дня. И это стоило гораздо больше, чем любые триста процентов прибыли.

Я посмотрела на книгу на столе. "Обуздание аффектов". Может быть, вечером я все-таки открою ее. Не ради Канта. А ради того, чтобы понять, какие еще призраки живут в этой библиотеке и как они научились так красиво молчать.

Моя мышечная память подсказывала мне: впереди еще много работы. Нужно будет перекрасить стеллажи, заменить проводку и, возможно, научить Глеба отличать настоящий шоколад от суррогата. Это будет битва. Но теперь я знала,

что у меня достаточно выносливости для этого марафона.

Я в игре. И правила теперь устанавливаю я.

За окном начал накрапывать дождь, серые капли расчертили стекло на неровные сегменты. Но внутри было тепло. Печь работала, белки были взбиты, а счета - оплачены. Это и была моя личная гигиена духа. Моя победа над тенью отца, которая наконец-то стала просто тенью. Маленьким серым пятном на фоне моей ярко освещенной кухни.

Я улыбнулась своим мыслям, чувствуя, как напряжение окончательно покидает тело, оставляя лишь приятную, рабочую усталость. Я была готова к следующей главе. Без страха, без долгов и с идеальным таймингом.

Жизнь - это не статика. Это процесс. И пока я контролирую этот процесс, я существую.

Я взяла еще одну меренгу и съела ее сама. Она была идеальной. Хрупкой снаружи и нежной внутри. Как я сама, если честно признаться хотя бы себе. Но об этом Глебу знать совсем не обязательно. Пусть думает, что я сделана из гранита и муки высшего сорта. Так нам обоим будет спокойнее.

Я вернулась к работе. Впереди было еще много заказов. И каждый из них должен был стать безупречным. Потому что в моем мире нет места для просроченных ингредиентов и лишних движений. Только четкость. Только ритм. Только жизнь в ее самом чистом, концентрированном виде.

ГЛАВА 7: СЕНСОРНАЯ ВОЙНА

В пять утра мир пахнет предвкушением и остывающим бетоном. Это мое время, мой ритм, мой личный старт в забеге, где финиш всегда отодвигается. Я захожу в зал, и подошвы моих кроссовок издают короткий, сухой звук на паркете - чик, чик. Это звук готовности. Мои плечи опущены, лопатки сведены, таз чуть подан вперед. Правильная стойка - это половина успеха в любом деле, будь то жим штанги или замес теста на закваске. Сегодня я решила сменить тактику. Хватит играть в тихие игры. Если Глеб хочет войны, он получит ее на молекулярном уровне.

Закваска - это живое существо, капризное и властное. Она не терпит суеты, как и мой бывший тренер по легкой атлетике. Он всегда говорил: Тася, если ты дергаешься на старте, ты уже проиграла пять метров. Я не дергаюсь. Я достаю из холодильника ведро с тестом, которое вызревало там двенадцать часов. Оно дышит. Оно наполнено пузырьками углекислого газа, как легкие пловца перед погружением. Я чувствую его вес, его инерцию. Это честный продукт. В нем нет ничего, кроме муки, воды, соли и времени. Три грамма соли на сто граммов муки - это мой закон. Нарушишь пропорцию - и вся конструкция рухнет, как карточный домик моего отца, когда он решил вложиться в акции сомнительной фермы по разведению страусов.

Я включаю печи. Гул разогревающихся тэнов - это музыка. Я слышу, как расширяется металл, как оживает пространство. Моя кухня, врезанная в тело этого пыльного книжного склепа, кажется здесь инородным объектом, вроде титанового импланта в старом суставе. Глеб еще спит где-то там, наверху или в глубине своих лабиринтов. Он думает, что тишина - это его союзник. Глупец. Тишина - это просто отсутствие информации, а я собираюсь заполнить этот вакуум так, что у него заложит уши.

Я начинаю формовку. Руки помнят каждое движение. Растянуть, сложить, повернуть. Тесто сопротивляется, оно упругое, как мышца после хорошей разминки. Я не борюсь с ним, я договариваюсь. Если приложить слишком много силы, структура порвется. Если слишком мало - хлеб выйдет плоским и скучным, как те аннотации к книгам, которые Глеб вечно перекладывает с места на место. Я кладу заготовки в корзинки для расстойки. Ровные ряды, идеальный тайминг. В этом и есть смысл моей жизни - контролировать хаос, превращая его в хрустящую корочку.

Через сорок минут воздух в зале начинает меняться. Сначала это тонкий, едва уловимый аромат йогурта и свежескошенной травы. Потом он тяжелеет, становится плотным, золотистым. Это запах карамелизации сахаров, запах жизни. Он просачивается сквозь щели в стеллажах, окутывает корешки Пруста и Достоевского, впитывается в пыльные шторы. Я открываю печь, и меня обдает жаром. Триста градусов

- это не шутка. Моя кожа мгновенно становится сухой, сердце берет чуть более быстрый темп, подстраиваясь под температуру среды. Я пересаживаю хлеб на под.

Запах становится агрессивным. Он больше не просит разрешения, он забирает территорию. Это запах дома, которого у меня никогда не было. Запах стабильности, за которую я плачу своей спиной и стертymi в кровь ладонями. Я вижу, как первые солнечные лучи пробиваются сквозь высокие окна, подсвечивая пылинки. Но теперь это не просто пыль. Это золотая взвесь в океане аромата.

Дверь в глубине зала открывается с сухим скрипом. Я не оборачиваюсь. Я знаю его походку - тяжелую, неуверенную, словно он боится наступить на собственные мысли. Глеб замирает на пороге. Я чувствую его взгляд на своей пояснице. Мои мышцы напрягаются, я жду выстрела.

- Вы превращаете мою библиотеку в пекарню низшего пошиба, Таисия, - его голос звучит так, будто он проглотил горсть сухих опилок.

Я поворачиваюсь, вытирая руки о фартук. Мое лицо горит от печного жара, я чувствую себя живой и опасной. Глеб стоит в своем неизменном сером джемпере, волосы всклокочены, глаза щурятся от света и этого густого, съедобного воздуха.

- Это запах прибыли, Глеб. Или вы предпочитаете аромат тлена и короедов? Посмотрите на часы. Через десять минут здесь будут люди. И они придут не за первым изданием Кан-

та. Они придут на этот запах.

- Запах - это насилие, - он делает шаг вперед, и я замечаю, как дрожат его пальцы. - Вы вторгаетесь в пространство, предназначенное для рефлексии, и наполняете его физиологическими позывами. Это вульгарно.

- Вульгарно - это когда бизнес не приносит денег, а владелец делает вид, что он выше этого. Хлеб - это база. Без базы ваша рефлексия - это просто голодный бред.

Глеб ничего не отвечает. Он разворачивается и уходит. Я победно усмехаюсь, вынимая первую партию. Буханки поют - это треск остывающей корки, тонкий, как звон хрусталия. Это лучший звук на свете. Я выкладываю их на витрину, и в этот момент колокольчик над дверью оживает.

Первая клиентка - женщина в строгом пальто, с лицом человека, который не спал три года. Она замирает на пороге, вдыхает и вдруг закрывает глаза. На ее лице появляется странная, почти детская улыбка.

- Боже, - шепчет она. - Я просто шла мимо в офис. Что это?

- Это закваска, стопроцентная рожь и немного магии, - я уже упаковываю хлеб в крафт. - Возьмите, пока теплый.

Она протягивает карту, ее руки расслабляются. Это моя маленькая победа. Я продаю не еду, я продаю кратковременную амнезию. На пять минут она забудет о дедлайнах и разводе. Но моя триумфальная музыка обрывается на середине ноты.

Из глубины зала, оттуда, где Глеб держит свои самые ценные и самые бесполезные фолианты, пополз сизый, едкий дым. Это был не запах гари, нет. Это было нечто гораздо хуже. Сладковатый, приторный, удушливый аромат индийских благовоний. Наг Чампа в ее самом дешевом и концентрированном исполнении.

Запах хлеба столкнулся с этим восточным кошмаром прямо посреди зала. Это была физическая схватка. Золотистая карамель против жженого сандала и мускуса. Женщина у витрины сморщилась и закашлялась.

- Что это за вонь? - она прикрыла нос ладонью.

- Извините, - я почувствовала, как во мне закипает холодная ярость. Это было похоже на то, как если бы кто-то подставил мне подножку на последнем круге. - Технические неполадки.

Женщина выбежала из магазина, даже не забрав сдачу. Я бросила крафтовый пакет на прилавок и быстрым шагом направилась в сторону Глеба. Дым становился гуще. Он висел в воздухе серыми пластами, превращая уютную кофейню в притон для неудачливых эзотериков.

Глеб стоял возле стеллажа с античной литературой. Перед ним на медном блюде дымились три палочки благовоний. Он смотрел на них с выражением глубокого, почти религиозного удовлетворения.

- Ты что творишь? - я не заметила, как перешла на ты. В моем мире, когда кто-то портит твой продукт, правила эти-

кета аннулируются. - Ты же убиваешь весь запах! Клиенты убегают!

Он медленно перевел на меня взгляд. Его лицо было спокойным, как маска из папье-маше.

- Я восстанавливаю баланс, Таисия. Если вы решили устроить здесь атаку на обоняние, я имею право на контрмеры. Это благовония из ашрама в Ришикеше. Они очищают пространство от низменных вибраций.

- Твои вибрации пахнут как общественный туалет, в котором пытались скрыть следы преступления с помощью дешевого освежителя! - я сорвалась на крик. Мое тело требовало действия. Я чувствовала, как напряглись бицепсы, как пальцы сами собой сжались в кулаки. - Убери это немедленно.

- Это частная собственность, - он произнес это так медленно, что мне захотелось его встряхнуть. - И по договору аренды, который я изучил весьма тщательно, вы не имеете права диктовать мне, какие ароматические средства я могу использовать в своей части помещения.

Я сделала глубокий вдох, но вместо кислорода получила порцию сандалового дыма. Мои легкие протестующе сжались. Это была война на уничтожение. Он знал, что запах хлеба - мой главный маркетинговый инструмент. Без него я просто еще одна девчонка с духовкой в арендованном углу.

- Ладно, - я прищурилась. - Хочешь войны ароматов? Будет тебе война.

Я вернулась на кухню. Мой мозг работал как процес-

сор, просчитывая варианты. Благовония перебиваются чем-то более резким и стойким. Чем-то, что не вызывает аппетита, но заставляет слезиться глаза. Уксус? Слишком просто. Чеснок? Слишком по-домашнему. Мне нужно было что-то технологичное.

Я достала из шкафа бутылку с концентрированным чистящим средством для печей. Щелочь, хлор и какая-то едкая химия, которая разъедает жир за секунды. Я налила немного в пульверизатор и начала опрыскивать пол возле границы наших зон. Запах хлорки ударил в нос, смешиваясь с индийской вонью. Теперь зал пах как смесь заброшенного храма и инфекционного отделения больницы.

Клиенты, которые пытались зайти, замирали на пороге, менялись в лице и испарялись быстрее, чем дым от палочек Глеба. Мы стояли друг против друга - я со шваброй и пульверизатором, он со своим медным блюдцем. Два идиота в окружении книг и нераспроданного хлеба.

- Вы разрушаете собственную репутацию, - заметил Глеб, прикрывая рот платком. - Кто придет пить кофе в атмосферу хлорного завода?

- Тот же, кто придет читать стихи в газовую камеру, которую ты тут устроил, - огрызнулась я. - Мои потери - это твои потери, Глеб. Ты ведь тоже не получаешь аренду, если я прогорю. Твой отец, наверное, гордился бы таким деловым подходом.

Его лицо на мгновение дернулось. Это была запрещенная

зона, я знала. Упоминание его отца всегда действовало как удар под дых. Он побледнел, и его глаза за стеклами очков стали колючими.

- Не смейте поминать моего отца. Вы ничего о нем не знаете. Вы - временное явление в этом доме. Шум, который скоро стихнет.

- Шум - это ты, Глеб. Ты как помехи в радиозфире. Ничего не создаешь, только мешаешь другим.

Я развернулась и ушла в подсобку, чтобы не видеть его. Мое тело дрожало от адреналина. Это было ненормально. Я никогда не позволяла эмоциям влиять на производственный процесс. Мой отец всегда говорил: Тася, когда злишься, считай до десяти и проверяй баланс. Я досчитала до ста. Баланс был отрицательным.

В подсобке было душно. Я присела на мешок с мукой, чувствуя, как гудят ноги. Весь мой план по захвату рынка с помощью свежего хлеба трещал по швам из-за одного упрямого книголюба. Я посмотрела на стену, за которой, по моим расчетам, находилась лестница на второй этаж. Но лестницы там не было. Там был тупик, заваленный старыми коробками.

Странно. Я живу здесь уже неделю и до сих пор не поняла, как Глеб попадает в свои жилые помещения. Он просто появляется и исчезает. Как плесень.

Я встала и начала отодвигать коробки. Мне нужно было отвлечься, переключить внимание с ярости на исследование.

Моя мышечная память подсказывала, что за этим нагромождением картона есть пустота. Я толкнула тяжелый стеллаж, который, как мне казалось, был прикручен к стене. Он поддался с неожиданной легкостью.

За стеллажом оказалась узкая, почти незаметная дверь, выкрашенная в тот же пыльно-серый цвет, что и стены. Ни ручки, ни замка - просто ровная поверхность. Я нажала на одну сторону, и дверь бесшумно открылась внутрь.

Мое сердце сбилось с ритма. Это было не любопытство, это был инстинкт выживания. Чтобы победить врага, нужно знать, где он спит. Я шагнула в темноту.

Это была каморка. Другого слова не подобрать. Пространство три на три метра, без окон. Единственным источником света была тусклая лампочка под потолком, которая включалась от датчика движения.

Я замерла. Здесь пахло старой бумагой, холодным чаем и одиночеством. Таким густым и концентрированным, что его можно было резать ножом. В углу стояла узкая железная кровать, застеленная армейским одеялом. Никаких подушек - просто валик под голову. Рядом - низкий столик, заваленный книгами и какими-то чертежами. На стене висела единственная фотография в простой деревянной раме.

Я подошла ближе. На фото был мужчина средних лет, очень похожий на Глеба, но с более мягкими чертами лица. Он стоял на фоне этой самой библиотеки, улыбаясь и обнимая за плечи женщину. Женщина была красивой, с темными

глазами и хищным изгибом губ. Она смотрела не в камеру, а куда-то в сторону, словно уже планировала свой побег.

Это был Глеб-старший. И, судя по всему, та самая женщина, которая разрушила его жизнь.

Я огляделась. В этой комнате не было ни одной личной вещи, кроме фото. Ни одежды, ни чашки, ни зубной щетки. Все было вычищено, стерилизовано. Это не было жильем. Это была камера. Глеб не просто работал здесь, он запер себя в этом склепе, окружив стенами из книг, которые никто не читал.

На столе лежал раскрытый блокнот. Я знала, что читать чужие записи - это дно, но моя рука сама потянулась к нему. В конце концов, на войне все средства хороши.

Записи были сделаны мелким, бисерным почерком. Даты, цифры, названия книг. И короткие комментарии на полях.

12 октября. Долг по налогам за третий квартал. Если не продам первое издание Маркса, закроют счета.

15 октября. Таисия. Она пахнет дрожжами и самоуверенностью. Она громкая. Она занимает слишком много места. Она напоминает мне мать в те дни, когда та решала, что нам нужно сменить интерьер перед тем, как уйти навсегда.

20 октября. Она печет хлеб. Запах проникает под кожу. Трудно дышать. Кажется, что если я вдохну этот запах слишком глубоко, я забуду, зачем я здесь. Забуду о верности отцу. Хлеб - это ловушка.

Я отложила блокнот. Мои пальцы были холодными. Все

это время я видела в нем надменного сноба, который ненавидит прогресс. А на самом деле он просто напуганный мальчишка, который пытается удержать обломки кораблекрушения. Мой запах хлеба для него был не просто вонью, он был угрозой его саморазрешению. Он боялся почувствовать себя живым, потому что жизнь для него была синонимом предательства.

Я почувствовала странный укол в районе солнечного сплетения. Это не была жалость. Жалость - это для слабых. Это было узнавание. Я ведь тоже забаррикадировалась. Только моими кирпичами были мешки с мукой и графики поставок. Мы оба были заперты в своих травмах, просто я выбрала экспансию, а он - глухую оборону.

Скрип половицы за спиной заставил меня подпрыгнуть. Я резко обернулась, едва не сбив стопку книг. Глеб стоял в дверном проеме. В тусклом свете лампочки он казался призраком. Его лицо было бледным, а глаза - абсолютно пустыми.

- Вы не должны были сюда заходить, - сказал он тихим, лишенным эмоций голосом.

- Дверь была открыта, - соврала я, чувствуя, как краска заливает шею. - Я искала источник сквозняка.

- Вы искали мои слабости, Таисия. Вы ведь так привыкли побеждать. Оценить противника, найти брешь в защите и нанести удар. Очень спортивный подход.

Он вошел в комнату, и пространство мгновенно сузилось.

Мы оказались в опасной близости. Я чувствовала исходящий от него холод, а он, должно быть, чувствовал мой жар. Я все еще была пропитана запахом печи и хлорки.

- Почему ты здесь живешь? - я прямо посмотрела ему в глаза. - У тебя есть квартира. Я видела адрес в договоре.

- Там слишком много тишины, - он подошел к столу и закрыл блокнот. Его движения были медленными, почти торжественными. - А здесь тишина заполнена смыслом. Здесь я храню то, что осталось от моего отца. Его мечту. А вы превращаете ее в закусочную.

- Мечта твоего отца была в том, чтобы книги жили, а не гнили в темноте! - я сделала шаг к нему, вторгаясь в его личное пространство. - Ты не хранишь его память, Глеб. Ты ее бальзамируешь. И себя заодно. Ты превратился в экспонат собственного музея неудач.

- Как вы смеете... - он начал было, но я не дала ему закончить.

- Я смею, потому что я плачу за этот воздух! И я не позволю тебе отравлять его своими комплексами и этими вонючими палочками. Твой отец проиграл, да. Мой отец тоже проигрывал раз в неделю. Но это не значит, что мы должны поселиться на кладбище их надежд.

Глеб вдруг усмехнулся. Это была неприятная, горькая усмешка.

- Вы так уверены в своей правоте. Ваша энергия... она утомительна. Вы как бульдозер, который пытается вспахать

клумбу с розами.

- Розы завяли, Глеб. Им нужен навоз и вода, а не твои медитации над прахом.

Мы молчали несколько секунд. Я слышала его дыхание - неровное, прерывистое. Он был на грани. Я видела, как напряглась жилка на его шее. В этот момент он не был циничным арендодателем. Он был просто человеком, у которого отнимали его последний приют.

- Уходите, - сказал он наконец. - Забирайте свой хлеб, свою хлорку и уходите из моей комнаты.

- Я уйду. Но завтра я снова буду печь. И если ты зажжешь хотя бы одну палочку, я включу промышленную вытяжку на полную мощность. Она ревет как турбина самолета. Твоя тишина закончится навсегда.

Я вышла из каморки, не оборачиваясь. Вернувшись в зал, я увидела, что дым от благовоний почти рассеялся, но запах хлорки все еще висел в воздухе тяжелым саваном. На витрине лежал мой хлеб - идеальный, золотистый, но теперь он казался мне чем-то вроде оружия, а не еды.

Я подошла к окну и прижала лоб к холодному стеклу. Мои пальцы все еще дрожали. Это была не просто ссора. Это был тектонический сдвиг. Я увидела изнанку его мира, и эта изнанка была пугающе похожа на мою собственную, если убрать из нее блеск нержавеющей стали и запах ванили.

Весь остаток дня прошел как в тумане. Клиентов было мало - запах химии отпугивал людей лучше любой вывески

"Закрыто". Я механически выдавала кофе, упаковывала десерты, но мои мысли постоянно возвращались к той камерке за стеллажами.

Глеб не выходил до самого вечера. Зал погрузился в сумерки. Я уже собиралась закрывать смену, когда услышала шаги. Он подошел к прилавку. На нем было пальто, он явно собирался уходить.

- Завтра, - сказал он, не глядя на меня. - Завтра я не буду жечь благовония.

Я замерла с тряпкой в руке.

- И? - спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

- Но вы... вы перестанете лить эту гадость на пол. Это портит паркет девятнадцатого века.

- Договорились, - я кивнула. - Паркет жалко.

Он постоял еще секунду, словно хотел что-то добавить, но потом просто кивнул и вышел в прохладный вечерний воздух.

Я осталась одна в пустом зале. Запах хлеба вернулся, теперь он был слабым, но чистым. Я подошла к стеллажу с античной литературой. На медном блюде лежала кучка серого пепла. Я смахнула его ладонью и вдруг заметила, что одна из книг на полке стоит криво.

Это был томик стихов на французском. Я выпрямила его и почувствовала под пальцами что-то гладкое. Между страницами лежал старый конверт. Бумага была желтой и ломкой.

Я оглянулась на дверь, хотя знала, что Глеб ушел. Мое лю-

бопытство, мой вечный двигатель, снова заработало на полных оборотах. Я достала конверт. На нем не было адреса, только одно имя, написанное тем самым бисерным почерком, который я видела в блокноте: Глебу.

Это было письмо от отца. Или для отца.

Я вертела конверт в руках, чувствуя его вес. Это был еще один ингредиент в этой сложной смеси, которую я называла своей новой жизнью. Моя мышечная память подсказывала: не открывай, это не твой забег. Но мой внутренний критик, тот самый, что требовал идеального тайминга, шептал: это ключ.

Я положила конверт в карман фартука.

Жизнь - это действительно не статика. Это процесс брожения. Иногда он идет по плану, а иногда закваска перекипает и все взрывается. Но сейчас, в тишине закрытого кафе, я чувствовала, что мы с Глебом только что прошли точку невозврата.

Я подошла к витрине и взяла последнюю буханку хлеба. Она была уже холодной, но все еще пахла домом. Тем самым домом, который я пыталась построить из муки и упорства. Я отломил кусок и начала жевать. Вкус был честным. Мука, вода, соль. И немного горечи от того, что я только что узнала.

Я выключила свет. Зал погрузился в темноту, и только уличные фонари отбрасывали длинные тени от книжных полок. Эти тени казались мне пальцами, которые пытаются удержать уходящее время.

Я вышла на улицу, заперла дверь на два оборота и вдохнула ночной воздух. Завтра будет новый день, новая партия теста и новая битва. Но теперь я знала, что за стеной из книг живет человек, который боится запаха свежего хлеба больше, чем банкротства.

И это знание делало меня сильнее. Или слабее. Я еще не решила.

Мои шаги по ночному тротуару звучали четко. Чик, чик. Ритм был восстановлен. Но где-то в глубине души я понимала, что этот ритм уже никогда не будет прежним. Потому что в моем идеально выверенном мире появилось что-то, что нельзя было взвесить на кухонных весах.

Это было чувство причастности к чужой боли. Самый опасный ингредиент для того, кто привык побеждать в одиночку.

Я дошла до угла и обернулась. Окна библиотеки были темными. Глеб где-то там, в своей камере, возможно, снова считал долги или перечитывал свои записи. А у меня в кармане лежал желтый конверт, который мог изменить правила игры.

Я улыбнулась. Война ароматов закончилась, но настоящая война за это пространство и за то, что в нем осталось живого, только начиналась. И я была готова. Моя спина была прямой, мой шаг - твердым.

Потому что пока я контролирую процесс, я существую. Даже если этот процесс начинает пахнуть не только хлебом,

но и старыми письмами.

Я пошла к метро, чувствуя, как в кармане шуршит бумага. Секунда промедления - и карамель сгорит. Я не собиралась медлить. Я собиралась дойти до финала, чего бы мне это ни стоило. Даже если ценой будет разрушение моей собственной брони.

В конце концов, чтобы испечь хороший хлеб, нужно сначала разбить зерно. Наверное, с людьми происходит то же самое.

Я спустилась в подземку, и запах метро - смесь озона, пыли и металла - показался мне удивительно простым и понятным. Здесь не было места для рефлексии. Здесь было только движение вперед.

И я двигалась. С идеальным таймингом. Прямо в эпицентр чужой истории, которая медленно становилась моей.

Впереди был долгий вечер. Мне нужно было подготовить закваску на завтра. И мне нужно было решить, что делать с письмом. Но это была уже задача для Таисии, которая умеет работать с температурой и временем. А сейчас я просто шла, чувствуя, как мышцы приятно ноют от усталости, а в голове складывается план новой выпечки.

Завтра я добавлю в хлеб розмарин. Он пахнет памятью и лесом. Посмотрим, как Глеб справится с этим.

Я зашла в вагон и прислонилась к дверям. Мое отражение в темном стекле выглядело спокойным. Но я знала: внутри меня уже началось брожение. И остановить его было невоз-

можно.

Жизнь - это не статика. Это процесс. И сегодня я сделала свой ход.

Я закрыла глаза, и перед ними снова возникла та каморка. Узкая кровать, стопка книг и фотография женщины, которая ушла. Я почувствовала, как во мне поднимается странная волна - не то гнев, не то сочувствие. Это было как неправильная осанка: неудобно, но ты уже привык.

Я выпрямилась. Контроль. Это все, что у меня есть.

Но конверт в кармане казался горячим. Словно он был только что из печи. И я знала, что не смогу уснуть, пока не узнаю, что внутри. Это был мой личный допинг - любопытство, смешанное со страхом.

Поезд дернулся и понесся в темноту туннеля. Я ехала домой, зная, что завтра все будет иначе. Потому что сенсорная война закончилась, а на ее месте выросло что-то гораздо более сложное.

И это что-то пахло не хлебом и не благовониями. Оно пахло правдой. А правда, как известно, самый горький ингредиент в любом рецепте.

Но я всегда любила темный шоколад. Так что я справлюсь.

Я вышла на своей станции,

ГЛАВА 8: ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ

Я вышла на своей станции, и холодный воздух октябрьского вечера тут же ударил под дых, заставляя мышцы пресса рефлексивно сократиться. Это был хороший спазм, правильный, как перед стартом на короткую дистанцию. Я потянулась к карману куртки, чтобы проверить входящие - привычка, доведенная до автоматизма, как проверка температуры духовки перед тем, как закинуть туда противень с бисквитом. И вот тут внутри что-то щелкнуло. Пустота. Ткань кармана была плоской, холодной, без привычного тяжелого прямоугольника смартфона.

Черт.

Я остановилась посреди потока людей, которые обтекали меня, как густой сироп обтекает ложку. В голове тут же включился калькулятор рисков. Смартфон остался в магазине, на прилавке, под грудой накладных от поставщика муки. Оставить его там на ночь означало потерять контроль над завтрашним утром. А контроль для меня - это единственная твердая валюта. Если я не увижу подтверждение доставки сливок в шесть утра, вся логистика посыпется, как плохо собранный крокембуш.

Я развернулась на сто восемьдесят градусов, едва не сбив

женщину с огромным пакетом из супермаркета. Мои ноги, привыкшие к многочасовым сменам у плиты и утренним пробежкам по набережной, сами нашли нужный ритм. Короткий шаг, жесткая постановка стопы, дыхание через нос. Назад, к книжному магазину Глеба, в это пыльное царство статики и архивного запаха, который так диссонировал с моим миром свежего хлеба и лимонной цедры.

Город в это время суток напоминал мне плохо вымешанное тесто - комки тьмы, вкрапления ярких неоновых вывесок, обрывки чужих разговоров. Я шла быстро, чувствуя, как под кожей начинает циркулировать адреналин. В этом была ирония: я так стремилась сбежать из этой лавки, от тяжелого взгляда Глеба и его вечного недовольства моей экспансией, что теперь мое возвращение казалось дезертирством наоборот.

Когда я подошла к дверям магазина, окна были темными, кроме одного - маленького, в глубине каморки, которую Глеб называл своим кабинетом. Дверь, на удивление, оказалась не заперта на все засовы. Этот человек, который так трясся над каждой юридической запятой в нашем договоре аренды, оставил вход открытым. Видимо, его вера в святость книжных полок была сильнее здравого смысла. Или он просто забыл, поглощенный своим вечным процессом консервации прошлого.

Я вошла тихо, стараясь не скрипеть половицами. Воздух здесь был другим - тяжелым, неподвижным, со вкусом ста-

рой бумаги и клея. Мой нос, привыкший различать доли процента жирности в масле, тут же зафиксировал отсутствие жизни. Здесь ничего не пеклось, не бродило, не поднималось. Здесь все застыло в вечном ожидании конца.

Я прошла мимо стеллажей, где мои новые вывески Кофейня Таисии выглядели как яркие заплатки на старом, побитом молью пальто. Мой телефон действительно лежал там, где я его оставила - на углу прилавка, тускло мерцая уведомлением о пропущенном звонке. Я уже протянула руку, чтобы забрать его и исчезнуть, когда из глубины помещения донесся странный звук. Шорох, методичный и ритмичный, как работа профессионального миксера на низких оборотах.

Я замерла. Тело само перешло в режим ожидания, как у хищника или у повара, который ждет, когда закипит карамель. Секунда промедления - и сгорит. Секунда неосторожности - и ты обнаружен. Я сделала шаг в сторону тени, которую отбрасывал шкаф с антикварными изданиями, и заглянула в приоткрытую дверь каморки Глеба.

То, что я увидела, не вписывалось в мой образ Глеба как упрямого бюрократа и старого зануды. Он сидел под низко опущенной лампой, и ее желтый круг света выхватывал только его руки и небольшой кусок стола. На столе лежала книга - вернее, то, что от нее осталось. Растрепанный переплет, выпадающие листы, стертая позолота на корешке.

Глеб работал. И это не была работа администратора или продавца. Это был процесс, который я узнала бы из тысячи.

Это была реставрация. Его движения были точными, выверенными до миллиметра. Он держал в руке тонкий скальпель, которым едва касался края страницы, счищая старый клей. Его пальцы, длинные и сухие, двигались с той же грацией, с какой я наношу тончайшие полоски айсинга на свадебный торт. Никакой лишней суеты. Никакого дрожания.

Я почувствовала, как во мне просыпается профессиональное уважение, то самое, которое не зависит от личных симпатий. Он чувствовал материал. Он знал предел прочности этой старой, изъеденной временем бумаги. Он не просто чинил книгу, он восстанавливал ее структуру, ее скелет. В этом была своя физика, своя химия, очень похожая на мою. Если передержать тесто - оно станет резиновым. Если пережать эту страницу - она рассыплется в пыль.

Я наблюдала за ним, и мой внутренний критик, обычно орущий голосом тренера по легкой атлетике, вдруг замолчал. Глеб не был пассивным. Он был сосредоточен на ином виде энергии. Пока я бежала вперед, захватывая пространство, он укреплял тылы, удерживая то, что готово было исчезнуть. Его спина была напряжена, плечи приподняты - типичная поза человека, который отдает всего себя процессу. Я знала, как после такой работы болят мышцы между лопаток. Я знала, как затекает шея.

Он взял кисточку, обмакнул ее в какой-то раствор и начал наносить его на корешок. Запахло чем-то химическим и одновременно органическим. Его лицо, наполовину скрытое

тенью, казалось сейчас не сердитым, а каким-то... прозрачным. В нем проступила та самая уязвимость, которую он так тщательно прятал за сложными предложениями и циничными замечаниями.

И тут он заговорил.

Голос был тихим, почти шепотом, но в тишине пустого магазина он прозвучал как гром.

- Потерпи, Вера. Еще немного. Ты же знаешь, я не дам тебе рассыпаться.

Я похолодела. Моя мышечная память тут же выдала реакцию - я вжалась в стену, стараясь не дышать. Глеб разговаривал с книгой. Или не с книгой? Он называл ее именем женщины. Тем самым именем, которое я видела на старой фотографии в его каморке, когда заходила подписывать дополнительные соглашения к аренде.

- Они все хотят, чтобы ты исчезла, - продолжал он, и в его голосе не было привычного холода. Там была такая густая, концентрированная боль, что я почти почувствовала ее вкус на языке - горький, как пережженный сахар. - Хотят заменить тебя на запах кофе и дешевые булочки. Хотят выветрить твой запах. Но я здесь. Я держу.

Он провел пальцем по обложке так осторожно, словно это была кожа живого человека. Я почувствовала, как по моим рукам поползли мурашки. Это не была просто привязанность к старым вещам. Это была патология, возведенная в ранг религии. Его магазин был не бизнесом, даже не делом

жизни. Это был мавзолей. И я в этом мавзолее была осквернительницей могил со своими витринами и планами по увеличению трафика.

Теперь его неприязнь ко мне обрела четкие контуры. Я была для него не просто шумным арендатором. Я была угрозой его законсервированному горю. Каждый раз, когда я включала кофемашину, ее гул заглушал голоса его призраков. Каждый раз, когда я проветривала помещение, я выдувала остатки той самой Веры, которую он пытался склеить по кусочкам.

Мне стало не по себе. Это было похоже на то, как если бы я случайно забрела в чужую операционную, где хирург пытается реанимировать труп. Моя рациональность требовала немедленно уйти, забрать телефон и забыть об увиденном. Но ноги словно налились свинцом. Статика, которую я так презирала в нем, теперь сковала и меня.

Глеб отложил кисточку и на мгновение закрыл глаза. В этом жесте было столько усталости, что я невольно соотнесла ее со своей. Мы оба были измотаны, только я - бегом, а он - стоянием на месте. Два полюса одного и того же одиночества. Мое одиночество пахло успехом и свежей выпечкой, его - тленом и верностью тому, что давно умерло.

Я медленно начала отступать к выходу. Мои кроссовки, созданные для сцепления с любой поверхностью, на этот раз сработали идеально - бесшумно. Я уже почти достигла прилавка с телефоном, когда одна из полок, та самая, которую

я просила его закрепить еще неделю назад, предательски скрипнула.

В тишине этот звук показался мне воплем.

Глеб мгновенно выпрямился. Его руки, только что такие нежные, превратились в когти. Он обернулся, и в желтом свете лампы его глаза блеснули чем-то диким, почти безумным.

- Кто здесь? - его голос снова стал тем самым инструментом подавления, к которому я привыкла. - Таисия? Это вы?

Скрываться было бессмысленно. Мой камуфляж в виде тени от шкафа не сработал. Я вышла на середину зала, стараясь придать лицу выражение деловой озабоченности. Контроль. Главное - контроль.

- Забыла телефон, - сказала я, и мой голос прозвучал на удивление твердо, хотя внутри все вибрировало, как перетянутая струна. - Извините, что вошла без стука. Дверь была открыта.

Глеб вышел из каморки. Он не суетился, не пытался спрятать книгу или инструменты. Он просто стоял там, в дверном проеме, и смотрел на меня так, словно я была насекомым, которое нарушило стерильность его лаборатории. На его фартуке виднелись пятна клея, и в этом он был чертовски похож на меня в разгар рабочего дня. Только мои пятна были от муки и шоколада.

- Дверь, - повторил он, словно пробуя слово на вкус. - Да. Вероятно. Я потерял счет времени. Это часто случается, ко-

гда занимаешься чем-то настоящим, а не просто... - он обвел рукой зал, - ...производством шума.

- Реставрация - это тоже производство, Глеб, - парировала я, чувствуя, как во мне просыпается привычный азарт спора. - Вы восстанавливаете структуру. Это технология. Не надо делать из этого мистику.

Он усмехнулся. Это была сухая, безрадостная усмешка, которая не затрагивала глаз.

- Технология. Ну конечно. Вы всё мерите категориями процесса и результата. Для вас книга - это объект, для меня - субъект. В этом ваша проблема, Таисия. Вы строите свой мир на арендованной площади, не понимая, что у этого места есть своя память. И эта память сопротивляется вашим сиропам.

Я сделала шаг к нему, сокращая дистанцию. В спорте это называется прессингом.

- Память не платит по счетам, - отрезала я. - И она не чинит крышу. Вы живете в склепе и злитесь на меня за то, что я принесла сюда свет. Я видела, как вы работаете. У вас потрясающая техника. Вы могли бы зарабатывать этим огромные деньги, могли бы спасти этот магазин, если бы не ваше упрямство. Почему вы превращаете профессию в тайный обряд?

Глеб сделал паузу. Он умел это делать - заставлять тишину работать на себя. В эти секунды я слышала, как бьется мое сердце, и это был слишком быстрый ритм. Непрофесси-

ональный.

- Потому что есть вещи, которые не продаются, - тихо сказал он. - Право собственности, о котором вы так печетесь в своих договорах, - это иллюзия. Настоящая собственность - это то, что вы не можете оставить, даже если очень захотите. Это то, что проросло в вас.

Он кивнул в сторону каморки, где под лампой лежала Вера.

- Вы думаете, что я старик, который цепляется за пыль. А я единственный, кто держит оборону против забвения. Ваше будущее, Таисия, это просто гонка по кругу. Вы бежите, чтобы не заметить, как пусто внутри вашего красивого фартука.

Это был удар ниже пояса. Мой внутренний тренер взвыл от ярости. Откуда он знал? Откуда этот человек, запертый в своем бумажном коконе, мог знать о моем страхе остановиться? О том, что вся моя независимость - это просто способ не смотреть в зеркало, когда там нет списка дел на день?

- Мой фартук хотя бы чистый, - огрызнулась я, хватая телефон с прилавка. Металл корпуса был ледяным. - И я не разговариваю с предметами, называя их именами мертвых женщин. Это не верность, Глеб. Это трусость. Вы боитесь живых людей, потому что они хаотичны. Вы боитесь меня, потому что я - это процесс, который вы не можете контролировать.

Я увидела, как дернулся мускул на его щеке. Физиологическая реакция на боль. Я попала в цель, но радости от этого

не почувствовала. Было ощущение, что я только что испортила идеальный десерт, пересолив его из чистой вредности.

- Уходите, - сказал он. Голос стал плоским, как старая бумага. - Забирайте свой шум и уходите. Завтра придет ваша мука, ваши курьеры будут топтать эти полы. Но помните одно: вы здесь гость. Даже если выкупите это здание целиком, вы останетесь здесь гостьей. Потому что у вас нет корней. Только траектория движения.

Я ничего не ответила. Я развернулась и пошла к выходу, чувствуя его взгляд на своей спине. Это было физическое давление, как будто я тащила на себе мешок с цементом. Только когда я вышла на улицу и вдохнула холодный воздух, меня немного отпустило.

Город все так же гудел. Я шла к метро, и мой мозг уже начал привычную работу: так, завтра в 7:00 приемка, проверить счета, позвонить в клининг. Но в глубине сознания, как заноза под ногтем, сидел образ Глеба под лампой. Его руки, касающиеся книги. Его шепот: Потерпи, Вера.

Кто она была? Жена? Сестра? Партнер? И почему его отец, о котором я слышала обрывки сплетен в округе, тоже закончил свою жизнь в тени этого краха?

Я зашла в вагон метро и прислонилась лбом к холодному стеклу. Мое отражение выглядело сосредоточенным и жестким. Идеальная осанка, поджатые губы. Но внутри что-то начало подтаивать. Это было похоже на то, как если бы в тщательно выверенный рецепт кто-то добавил ингредиент, кото-

рый меняет всю химию процесса.

Глеб был прав в одном: я действительно боялась остановки. Для меня статика была синонимом смерти, возвращением в то детство, где мы вечно сидели на чемоданах, потому что отец снова прогорел. Моя одержимость собственностью, арендой, договорами - это была попытка купить себе право не бежать. Но, кажется, я перепутала бегство с развитием.

Я достала конверт, который все еще лежал в моем кармане. Тот самый, из предыдущей главы. Он был немного помят. Я вскрыла его прямо там, в вагоне, под мерный стук колес. Внутри не было юридических документов. Там были письма. Старые, пожелтевшие, написанные тем же каллиграфическим почерком, которым Глеб подписывал счета.

Я начала читать, и мир вокруг начал менять свои очертания. Это были письма женщины к мужчине. Имена были стерты временем и влагой, но ритм фраз... Боже, этот ритм был мне знаком. Это был ритм человека, который тоже что-то строил, что-то создавал, пока другой пытался это сохранить.

Это была история их войны. Войны, которая случилась здесь, в этих стенах, тридцать лет назад. И я вдруг поняла, что мы с Глебом не просто соседи по аренде. Мы - актеры в пьесе, которую за нас уже написали. Он играет роль хранителя руин, а я - роль той, что приносит разрушение под видом прогресса.

Поезд затормозил, и меня качнуло вперед. Я удержала

равновесие - мышечная память не подвела. Но в голове крутилась одна мысль: если этот сценарий уже был сыгран и закончился трагедией, смогу ли я изменить финал?

Я вышла на своей станции. Улица встретила меня тишиной спального района. Я шла домой, и мои шаги по асфальту звучали как метроном. Раз-два, раз-два. Право собственности. Кому на самом деле принадлежит это место? Ему, потому что он помнит? Или мне, потому что я вдыхаю в него жизнь?

Я вспомнила его руки. Такие же точные, как мои. Такие же натруженные. Мы были сделаны из одного теста, просто выпекались при разной температуре. Он - в медленно остывающей печи прошлого, я - в раскаленном горне настоящего.

Дома я не стала включать свет. Я прошла на кухню, открыла шкаф и достала плитку темного шоколада. 85 процентов какао. Самый честный вкус. Горький, вяжущий, оставляющий долгое послевкусие. Я отломил кусочек и прижала его языком к нёбу.

Правда всегда горькая. Глеб любит свою боль больше, чем свою жизнь. А я люблю свою работу больше, чем саму себя. Мы оба - инвалиды контроля. Только он контролирует то, что было, а я - то, что будет.

Я подошла к окну. Где-то там, в нескольких километрах отсюда, Глеб все еще сидел под лампой, склеивая свою веру по кусочкам. А завтра я приду туда, пахнувшая ванилью и амбициями, и мы снова начнем нашу позиционную войну.

Но теперь я знала его секрет. Я видела его руки без перчаток цинизма.

Это не давало мне преимущества. Напротив, это делало меня уязвимой. Потому что теперь, когда я буду требовать починить полку или сменить вывеску, я буду видеть не упрямого старика, а человека, который пытается удержать мир от распада. И мне придется выбирать: раздавить его своей эффективностью или...

Или что?

Я не знала ответа. В моем списке дел на завтра не было пункта Учесть чувства оппонента. Там было только Выручка, Логистика, Тайминг.

Я доела шоколад и почувствовала, как по телу разливается тяжелое тепло. Мышцы наконец расслабились. Я легла в кровать, закрыла глаза и в полусне увидела, как мы с Глебом стоим по разные стороны огромного стола. На столе - книга, похожая на торт, и торт, похожий на книгу. Мы оба тянемся к ним, наши руки встречаются, и в этот момент все здание магазина начинает медленно превращаться в пыль, оставляя нас в пустоте.

Я вздрогнула и открыла глаза. В комнате было тихо. Конверт с письмами лежал на тумбочке, как неразорвавшаяся граната.

Сегодня я сделала свой ход. Но завтра мне придется признать, что в этой игре нет победителей. Есть только те, кто успел вовремя выйти из роли.

Я перевернулась на бок, чувствуя, как сон наконец забирает меня. Последняя мысль была технической: завтра нужно обязательно проверить адгезию клея на новых ценниках. И, возможно, купить Глебу хороший чай. Не потому, что я стала мягче. А потому, что на пустой желудок война идет хуже.

А нам еще долго воевать. Или долго строить что-то новое на этих руинах.

Я закрыла глаза, и ритм моего дыхания совпал с ритмом города за окном. Раз-два. Процесс пошел. И остановить его было уже невозможно.

Эта глава моей жизни пахла темным шоколадом и старым клеем. И, черт возьми, это было самое интересное сочетание из всех, что я когда-либо пробовала.

Я заснула, зная, что завтра в шесть утра мой смартфон, оставленный на зарядке, оживет. И вместе с ним оживет вся эта сложная, запутанная машина моей жизни, где право собственности на счастье не гарантировано ни одним договором аренды.

Но я справлюсь. У меня хорошая выносливость. А правда... правда - это просто еще один ингредиент. Главное - правильно рассчитать дозировку.

Я проснулась за пять минут до будильника. Тело было легким, как хорошо взбитый белок. В голове - кристальная ясность. Вчерашний визит в магазин казался сном, если бы не письма на тумбочке. Я не стала их перечитывать. Я знала

их содержание наизусть, хотя просмотрела лишь мельком. Это была хроника медленного разрушения, и я не собиралась становиться ее частью.

Я натянула кроссовки, вышла на улицу и побежала. Бег - это моя медитация. Мои легкие работали как кузнечные мехи, сердце отбивало четкий ритм. Город просыпался, и я чувствовала себя частью его механизма. Мимо проносились машины, дворники скребли асфальт - все было на своих местах.

Но когда я добежала до магазина, я увидела то, чего никак не ожидала.

На двери висела табличка, написанная от руки. Крупными, размашистыми буквами.

ЗАКРЫТО НА РЕСТАВРАЦИЮ.

Я остановилась, тяжело дыша. Пар вырывался изо рта, как из клапана скороварки. Это был его ход. Его ответ на мое вторжение.

Я подошла ближе и прижалась лбом к холодному стеклу. Внутри было темно. Но я знала, что Глеб там. Сидит в своей каморке, среди своих призраков и клея, и ждет, когда я начну ломиться в дверь.

Я не стала ломиться. Я просто стояла и смотрела на свое отражение в витрине. Там была Таисия, успешная женщина с идеальной осанкой. И где-то за ее плечом, в глубине темного зала, мерцал слабый огонек лампы.

Мышечная память подсказала мне: это сопротивление

среды. И чтобы его преодолеть, мне не нужна сила. Мне нужна температура.

Я развернулась и пошла к своей машине. У меня был план. И в этом плане Глеб со своей Верой был не препятствием, а ключевым ингредиентом.

Потому что настоящий бизнес - это не только цифры. Это еще и химия отношений. А в химии, как известно, самые бурные реакции происходят тогда, когда встречаются два противоположных вещества.

Я улыбнулась. Игра вышла на новый уровень. И теперь это было по-настоящему интересно.

Я села за руль, завела мотор и включила радио. Играла какая-то динамичная мелодия, которая идеально ложилась на мой пульс. Я ехала к поставщикам, зная, что сегодняшний день изменит всё.

Потому что право собственности - это не документ. Это то, на что ты готов претендовать, несмотря на страх и пыль веков. И я была готова.

Контроль вернулся ко мне. Но теперь он был другим. Более гибким. Более живым. Как тесто, которое наконец-то начало подниматься.

Я посмотрела в зеркало заднего вида на удаляющийся магазин. Глеб, старина, ты даже не представляешь, какую кашу мы с тобой заварили. И я не успокоюсь, пока мы не доедим ее до конца.

Даже если она будет очень горькой.

Ведь в конце концов, горечь - это то, что делает вкус по-настоящему глубоким.

Я нажала на газ. Впереди был целый день, полный дел, встреч и запаха свежего хлеба. Мой мир снова был в движении. И это было единственное, что имело значение.

Пока что.

ГЛАВА 9: ПЕРВЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Замок поддался не сразу, он сопротивлялся, как заржавевший сустав старого тяжелоатлета. Я чувствовала это сопротивление всем предплечьем, через металл ключа прямо в лучезапястный канал. В этом здании всё требовало физического усилия, всё было настроено против скорости. Мой внутренний таймер тикал в режиме обратного отсчета: до предполагаемого открытия сорок пять минут, а у меня еще конвектомат не вышел на рабочую температуру и тесто в расстоечном шкафу ведет себя подозрительно лениво. Я вошла в помещение, и запах старой бумаги тут же ударил в нос, смешиваясь с ароматом ванили, который я притащила сюда на волосах и коже. Это была война двух миров: целлюлозный распад против свежей глюкозы.

Я бросила сумку на прилавок, который Глеб вчера демонстративно завалил какими-то томами в кожаных переплетах. Он метил территорию, как старый кот, знающий, что его кресло вот-вот выкинут на помойку. Я сдвинула книги краем подноса, чувствуя, как напрягаются дельтовидные мышцы. Физическая работа - единственное, что давало мне ощущение реальности. Пока мои руки заняты, мой мозг не прокручивает бесконечную ленту новостей из прошлого, где отец пакует чемоданы, а мать плачет в пустую кастрюлю.

Глеб появился через десять минут. Он не вошел, он ма-

териализовался из тени книжных стеллажей, словно один из персонажей своих фолиантов. Его джемпер пах пылью и чем-то горьким, вроде полыни или застарелого одиночества. Он посмотрел на мои выложенные на витрину бриоши так, будто я принесла в храм кусок сырого мяса.

- Таисия, ваше стремление превратить это пристанище духа в филиал кондитерского цеха вызывает у меня глубокую меланхолию, - произнес он, растягивая гласные. Его голос был как патока - густой, медленный и липкий. Он заставлял меня замедляться, а я ненавидела замедляться. Для меня это означало стагнацию, а стагнация в моем мире равнялась смерти.

- Твоя меланхолия не оплатит счета за электричество, Глеб, - я не повернула головы, сосредоточившись на калибровке ценников. - У нас договор. Половина пространства под мои нужды. А мои нужды включают в себя людей, которые едят, а не только созерцают корешки книг, которые никто не открывал с прошлого века.

- Книги не нуждаются в том, чтобы их открывали ежеминутно, - он подошел ближе, и я почувствовала, как между нами сгустилось пространство. Это было как статическое электричество перед грозой. Моя кожа на загоревке отозвалась мелким ознобом. - Они обладают ценностью сами по себе. В отличие от вашего продукта, чей цикл жизни ограничен сутками.

- Именно поэтому я двигаюсь быстрее, - я резко разверну-

лась, едва не задев его локтем. У него были странные глаза - цвета выцветших чернил, в которых застыло какое-то древнее, не принадлежащее этому времени знание. - У меня есть только эти сутки, чтобы превратить муку и масло в деньги. А у тебя вечность, которая пахнет тленом.

Он хотел что-то ответить, я видела, как напряглись его плечи под старой тканью джемпера, как он набрал воздух, чтобы выдать очередную сложносочиненную конструкцию, но в этот момент колокольчик над дверью звякнул. Звук был резким, неподготовленным, он разрезал нашу перепалку, как острый нож режет недопеченный бисквит.

На пороге стояла женщина. Если бы время было человеком, оно выглядело бы именно так. Высокая, с прямой спиной, которую удерживал, кажется, только внутренний стальной корсет, она была одета в пальто цвета голубиноного крыла. На ее голове красовалась шляпка, которая смотрелась бы нелепо на ком угодно другом, но здесь, среди пыльных полок и запаха корицы, она казалась единственно верной деталью.

- Добрый день, - ее голос был сухим, как осенний лист, но в нем слышалась та самая уверенность, которую не купишь за деньги. - Я увидела вывеску. Неужели здесь снова пахнет хлебом?

Я мгновенно переключилась. Тело само приняло нужную позицию: вес на обе ноги, легкий наклон вперед, профессиональная полуулыбка, которая не затрагивает глаза, чтобы не выглядеть навязчивой. Это была мышечная память сервиса,

отточенная годами работы на чужих кухнях.

- Здравствуйте. Да, мы только открылись. Свежие бриоши, краффины с лимонным курдом, - я начала презентацию, но Глеб перебил меня, сделав шаг вперед.

- Мадам, вы находитесь в книжной лавке "Слово", - он произнес это с таким достоинством, будто представлял Эрмитаж. - Мои извинения за этот гастрономический шум. Чем я могу быть вам полезен? Возможно, вас интересует редкое издание мемуаров или поэзия серебряного века?

Дама посмотрела на него поверх очков в тонкой оправе. В ее взгляде было столько иронии, что я невольно почувствовала к ней симпатию. Она не была жертвой его речевых манипуляций.

- Молодой человек, я заходила в эту дверь, когда вас еще не было в проекте, - она прошла вглубь зала, и звук ее каблуков по паркету был четким, как метроном. - Сорок лет назад здесь была лучшая пекарня в этом районе. И книжный шкаф в углу, где мой отец покупал альманахи. Это место всегда было двойственным. Как и сама жизнь.

Я посмотрела на Глеба. Его лицо на мгновение потеряло свою маску превосходства. Он замер, как боксер, пропустивший неожиданный джеб.

- Сорок лет назад? - переспросил он. - Вы что-то путаете. Моя семья владеет этим помещением...

- Ваша семья, - дама остановилась у витрины и внимательно изучила мои булочки, - всегда была склонна к амнезии,

когда дело касалось партнерства. Деточка, дай-ка мне вот ту, с корицей. И посмотри, кажется, у тебя там карамель начинает кристаллизоваться в соуснике, запах изменился на одну октаву.

Я дернулась к плите. Она была права. Профессиональный нюх не подвел ее, хотя она выглядела как типичная посетительница филармонии. Я выключила огонь, сердце застучало быстрее. Эта женщина знала о производстве больше, чем должна была.

- И еще, - она повернулась к Глебу, который все еще стоял соляным столбом, - дайте мне вон тот сборник стихов на верхней полке. В синем переплете. Если мне не изменяет память, там отличные переводы Рильке.

Мы с Глебом столкнулись у кассовой зоны. Это было неловко, как в дешевой комедии, но физически ощутимо. Его бедро прижалось к моему, и я почувствовала жар, исходящий от него, несмотря на его ледяной тон. Мы оба потянулись к кассовому аппарату, который я только вчера установила и который он ненавидел как символ цифрового апокалипсиса.

- Я сам, - прошипел он.

- Ты не знаешь, как пользоваться терминалом, - так же тихо ответила я, пытаюсь оттеснить его плечом. - Отойди, ты создаешь помеху в бизнес-процессе.

- Ваш бизнес-процесс - это вульгарное попираание тишины, - он не двигался. Он был как скала, об которую разбива-

лись мои волны.

Дама наблюдала за нами с легким прищуром.

- Вы так похожи на своих предшественников, - заметила она, выкладывая на прилавок купюру старого образца, которую я не видела уже лет десять, и пару монет. - Те тоже постоянно спорили, кто здесь главный - дух или плоть. В итоге оба проиграли времени.

Я наконец нашла сдачу в пустом денежном ящике. Мои пальцы коснулись пальцев Глеба, когда мы оба попытались вытащить пятирублевую монету, застрявшую в щели. Контакт длился секунду, но по телу прошел импульс, заставивший меня отдернуть руку. Это было похоже на ожог от горячего противня - резкий, неприятный и заставляющий концентрироваться на поврежденном участке.

- Сколько с меня? - спросила женщина.

Я назвала сумму, чувствуя, как голос слегка дрогнул. Глеб в это время заворачивал книгу в крафтовую бумагу с такой тщательностью, будто это был бесценный манускрипт. Его длинные пальцы двигались уверенно, и я поймала себя на мысли, что он был бы отличным кондитером, если бы не его одержимость мертвыми текстами. У него была идеальная мелкая моторика.

- Держите, - он протянул ей сверток. - Рильке требует тишины и хорошего чая.

- И свежей булки, - добавила она, забирая у меня пакет с бриошью. Запах корицы заполнил пространство между на-

ми, вытесняя пыль. - Знаете, а ведь ваши деды когда-то владели этим местом вместе. До того, как разругались из-за какой-то глупости. Кажется, из-за рецепта или из-за долгов. В те времена это было одно и то же.

В зале стало так тихо, что я услышала, как гудит холодильник в подсобке. Я посмотрела на Глеба. Он смотрел на женщину, и его лицо стало бледным, почти прозрачным.

- Что вы имеете в виду? - мой голос прозвучал глухо. - Мой отец никогда не упоминал об этом месте. Он вообще... он занимался другими вещами.

- Твой отец, деточка, всегда бежал от реальности, - женщина направилась к выходу. - А реальность была здесь. В этих стенах. Глеб, спроси у своего отца про письма в коричневой папке. Те, что лежат в сейфе под архивом. Там есть и про Таисию, и про ее семью. Только не читай их на ночь, там слишком много правды для одного вечера.

Колокольчик снова звякнул, и она исчезла, оставив после себя шлейф дорогих духов и горького аромата подгоревшей карамели, который все еще висел в воздухе.

Я стояла, вцепившись пальцами в край прилавка. Мышцы предплечий ныли от напряжения. Вся моя выстроенная система контроля, мой гиперконтроль, который я возводила как баррикаду вокруг своей жизни, вдруг дал трещину. Если то, что она сказала - правда, то мое появление здесь не было случайностью. Это не был просто удачный договор аренды. Это было возвращение в точку сбоя, которую я не осознава-

ла.

Глеб не шевелился. Он смотрел на дверь, и его профиль казался высеченным из камня. Его маска циника дала сбой, я видела, как пульсирует жилка на его шее.

- Ты знал? - спросила я, и мой голос был как надтреснутый фарфор.

- Я знал, что мой отец хранит какие-то документы, - он заговорил медленно, еще медленнее, чем обычно. - Но он всегда говорил, что это мусор. Наследие краха, который не стоит упоминания. Он ненавидел это место, Таисия. Он оставил его мне как наказание, а не как дар.

- Мы как два полуфабриката, - я нервно усмехнулась, чувствуя, как внутри нарастает истерический смех. - Которые не могут сойтись в одном рецепте, потому что ингредиенты изначально были испорчены.

- Метафоры - это мой отдел, - он наконец повернулся ко мне. В его взгляде больше не было холода, там было что-то похожее на узнавание. - Но вы правы. Мы - заложники чужого сценария. И этот сценарий мне категорически не нравится.

Я отошла к окну. Снаружи город жил своей обычной жизнью: машины, спешащие люди, серое небо, которое обещало дождь. Мое тело требовало действия. Мне нужно было что-то делать, чтобы не провалиться в эту воронку прошлого.

- Мне плевать на сценарии, Глеб. У меня есть план производства. У меня есть заказы. И мне нужно выжить. Если ты

собираешься копаться в пыльных папках - делай это в свое время. Мое время стоит дороже.

Я начала яростно протирать витрину, хотя она была идеально чистой. Тряпка двигалась по кругу, мои плечи работали в ритме, который помогал сбрасывать адреналин. Я чувствовала фальшь в каждом его движении, в его молчании, в том, как он стоял, словно ожидая удара. Он напоминал мне отца в те моменты, когда тот понимал, что очередная авантюра провалилась, и просто садился на стул, глядя в одну точку часами. Эта пассивность бесила меня больше всего. Она была как болото, которое затягивает любого, кто решит остановиться рядом.

- Вы боитесь, - внезапно сказал он.

Я остановилась. Тряпка замерла на стекле.

- Чего мне бояться? Просроченных дрожжей?

- Вы боитесь, что ваша независимость, которой вы так кичитесь, - это всего лишь способ убежать от того, что вы не можете контролировать. Вы окружили себя мешками с мукой, как крепостью. Но стены этой крепости съедобны. Они не защитят вас, когда придет настоящее время платить по счетам.

Он подошел ко мне. На этот раз я не отступила. Я чувствовала запах его страха, который он маскировал за сложными словами. Мы стояли слишком близко для двух людей, которые еще вчера были готовы вцепиться друг другу в глотки. Его рост подавлял, но моя статика была лучше. Я была

готова к рывку, он - к долгой обороне.

- Мои стены хотя бы пахнут жизнью, - я посмотрела ему прямо в глаза. - Твои - пахнут смертью и забвением. Ты прячешься за книгами от собственного горя, Глеб. Ты думаешь, что верность семье - это сохранение этой пыли. Но это не верность. Это трусость.

Его лицо исказилось. Это было мгновение, когда маска окончательно сползла. Он схватил меня за запястье, и я почувствовала его пальцы - холодные и жесткие, как старые переплеты.

- Вы ничего не знаете о моей семье, - прошипел он. - И о том, что здесь произошло.

- Так узнай, - я не пыталась вырваться. Я смотрела на то, как его пальцы сжимают мою кожу, оставляя белые пятна. - Иди и найди эту папку. Или ты боишься, что там написано не то, что ты себе придумал?

Он отпустил меня так резко, будто я была раскаленной сковородой. Развернулся и ушел вглубь магазина, туда, где за тяжелыми шторами скрывалась лестница в архив. Я осталась стоять у витрины, чувствуя, как в месте его хватки пульсирует кровь. Мое тело запомнило этот контакт. Это не было агрессией в чистом виде, это было отчаяние, переведенное в физический жест.

Я вернулась к работе. Тесто само себя не раскатает, а начинка не станет идеальной от одних только разговоров о прошлом. Я начала замешивать новую порцию крема. Венчик

двигался в моих руках с частотой промышленного миксера. Я чувствовала каждое движение плечевого сустава, каждую мышцу спины. Это была моя медитация. Когда ты работаешь с продуктом, ты не можешь лгать. Либо ты соблюдаешь технологию, либо результат отправляется в мусорное ведро. С людьми всё было сложнее. У них не было четких рецептурных карт.

Через час, когда первая партия краффинов уже стояла в печи, наполняя воздух ароматом сливочного масла и лимона, Глеб вернулся. В руках он держал папку - ту самую, коричневую, со следами времени и чьих-то грязных пальцев на обложке. Он положил ее на мой рабочий стол, прямо рядом с миской с сахарной пудрой.

- Здесь документы на право собственности от сорок шестого года, - он говорил ровно, но я видела, как дрожат его руки. - И письма. Много писем.

Я вытерла руки о фартук. Мое сердце, которое я привыкла считать надежным мотором, дало сбой. Оно забилось где-то в горле, мешая дышать.

- И что там? - спросила я, боясь подойти ближе.

- Там история о том, как мой дед выкупил долю твоего деда за бесценок, когда тот попал в больницу, - Глеб открыл папку. - Но есть одно "но". Сделка не была завершена официально. Юридически это место до сих пор принадлежит обеим семьям. Все эти годы мы жили на лжи, Таисия. Мой отец знал об этом. Он платил аренду какому-то подставному фон-

ду, который, судя по всему, был основан твоим отцом.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Весь мой мир, построенный на идее, что я сама, с нуля, выгрызаю себе право на это помещение, рухнул. Моя независимость оказалась всего лишь возвращением долга, о котором я не знала. Мой отец, который вечно прогорал, который убегал от долгов, здесь, в этом пыльном месте, вел свою игру.

- Значит, я здесь не арендатор? - я посмотрела на Глеба.

- Ты здесь хозяйка. Такая же, как и я, - он усмехнулся, и в этой усмешке было больше боли, чем иронии. - Мы заперты в этой клетке вместе, Таисия. И теперь нам нужно решить, что с этим делать. Продолжать войну или...

Он не договорил. Колокольчик снова звякнул. На этот раз это был не один посетитель. Группа студентов, привлеченная запахом выпечки, ворвалась в зал, заполняя его шумом, смехом и энергией, которая была совершенно неуместна в этот момент истины.

- Ой, как тут вкусно пахнет! - воскликнула девушка в ярком шарфе. - А можно нам кофе и вот те штуки с кремом?

Я посмотрела на них, потом на Глеба, потом на папку. Мой внутренний тренер требовал вернуться в строй.

- Глеб, - я коснулась его рукава. На этот раз осознанно. - Книжки. Нам нужно продать им книжки. Пока они ждут кофе.

Он посмотрел на меня, и в его глазах что-то изменилось. Лед начал таять, превращаясь в опасную воду.

- Вы невыносимы, Таисия, - сказал он, но в его голосе не

было злобы. - Вы превращаете трагедию в маркетинговый ход.

- Это не маркетинг, Глеб. Это выживание. Иди и покажи им своего Рильке. А я займусь глюкозой.

Он кивнул и направился к студентам. Его походка стала другой - более уверенной, лишенной той старческой медлительности, которую он на себя напускал. Он начал говорить, и его голос зазвучал иначе - не как скучная аннотация, а как приглашение в тайный мир.

Я повернулась к кофемашине. Мои руки работали на автотопилоте: помол, темперовка, пролив. Девять бар давления. Идеальная пенка. Я чувствовала каждый грамм зерна, каждую секунду экстракции. Это был мой ритм. Моя жизнь.

Но теперь в этом ритме появилась новая нота. Странная, пугающая и притягательная одновременно. Мы с Глебом больше не были врагами. Мы были соучастниками преступления, совершенного нашими предками. И эта общая тайна связывала нас крепче любого договора аренды.

Вечером, когда последний посетитель ушел и замок снова сопротивлялся моему усилию, я посмотрела на Глеба. Он стоял у окна, глядя на пустую улицу. Папка лежала на прилавке, как неразорвавшаяся бомба.

- Что мы будем делать завтра? - спросила я.

Он обернулся. В полумраке зала его лицо казалось моложе и мягче.

- Завтра, Таисия, мы будем печь хлеб и читать стихи. Ка-

жется, это единственный способ не сойти с ума в этом городе.

Я кивнула. Мои мышцы ныли от усталости, но это была приятная усталость. Усталость человека, который наконец-то нашел свое место. Даже если это место оказалось заминированным прошлым.

- И убери эти тома с моей витрины, - добавила я, стараясь, чтобы голос звучал привычно сухо. - Они мешают обзору.

- Только если вы перестанете посыпать мои книги сахарной пудрой, - ответил он.

Я вышла на улицу, чувствуя, как холодный воздух наполняет легкие. Мой мир снова был в движении. Но теперь это движение было не бегством. Это был путь к чему-то, что я еще не могла назвать, но что уже чувствовала каждой клеткой своего тела.

Игра вышла на новый уровень. И на этот раз правила писали мы сами. Без учета старых рецептов и чужих долгов.

Я нажала на газ, и звук мотора отозвался во мне чувством странного, почти пугающего освобождения. Впереди была ночь, полная мыслей о коричневой папке и о том, как пахнут руки Глеба - пылью, бумагой и, почему-то, надеждой.

Это была горькая надежда. Но, как я уже знала, именно горечь делает вкус по-настоящему глубоким.

Я ехала домой, зная, что завтрашний день начнется с запаха ванили и звука открываемой книги. И это было лучшее, что могло со мной случиться.

Пока что.

Контроль не вернулся ко мне в прежнем виде. Он трансформировался во что-то другое - в доверие к процессу, который я не могла полностью просчитать. Как тесто, которое поднимается не по таймеру, а потому, что в комнате наконец-то стало тепло.

И это тепло было самым важным ингредиентом, которого мне не хватало все эти годы.

Я припарковалась у дома, посмотрела на свои руки - руки кондитера, руки женщины, которая наконец-то перестала бежать. Они были в муке и мелких царапинах, но они были сильными. Достаточно сильными, чтобы удержать и скалку, и чужую ладонь, если потребуется.

Завтра будет новый день. И мы доедим эту кашу до конца. Вместе.

ГЛАВА 10: АРХИВНЫЙ ПОИСК

Утро началось с того, что я передержала бисквит на тридцать секунд. Для кого-то это ерунда, погрешность, которую можно скрыть кремом или пропиткой, но для меня это был сигнал системного сбоя. Сахар начал карамелизоваться чуть сильнее, чем нужно, край стал на тон темнее положенного золотистого. Я стояла перед открытой духовкой, вдыхая этот запах - слишком сладкий, почти агрессивный - и чувствовала, как внутри меня вибрирует та же самая нота. Избыточность. Перегрев. Мой внутренний таймер, обычно работающий с точностью швейцарского хронографа, начал давать осечки. Это все из-за Глеба. Из-за того, как он вчера посмотрел на мои руки, и из-за того, как я позволила себе об этом думать дольше пяти секунд.

Я упаковала остывшие коржи в пленку так плотно, словно пыталась закатать в пластик собственные мысли. Работа - это всегда вопрос техники. Взвесить, смешать, выпечь, охладить. Никакой магии, только химия и физика. Но в это утро химия была нарушена. Я чувствовала это в икрах - мышцы были забиты, как после марафона, хотя я всего лишь прошла пару километров до кондитерской. Это была статика. Напряжение ожидания, которое всегда хуже самого рывка.

Городская библиотека встретила меня запахом, который я ненавидела с детства - смесью сырой штукатурки, старого

клея и человеческого терпения. В таких местах время не течет, оно застаивается, как вода в заброшенном колодце. Я вошла в вестибюль, и мои кроссовки издали предательский скрип на вытертом линолеуме. Моя спина тут же выпрямилась, лопатки сошлись к позвоночнику. Это была защитная стойка. В детстве, когда отец в очередной раз объявлял, что мы переезжаем, потому что - так надо - и - здесь нам больше не рады -, я принимала именно такую позу. Стать жесткой, как арматура. Если ты не гнешься, тебя сложнее сломать, хотя физика утверждает обратное.

Отдел архивов находился на третьем этаже. Лифт не работал, и я пошла по лестнице, считая ступени. Двадцать четыре до первого пролета, еще двенадцать до площадки. Мое тело требовало нагрузки, оно хотело сжечь тот адреналин, который вырабатывался на пустом месте. Я искала не просто информацию. Я искала почву под ногами. Мой договор аренды, который я считала своей броней, внезапно оказался листом пергамента, который может рассыпаться от одного неловкого движения Глеба. Аренда - это иллюзия собственности. Это право пожить в чужой голове, пока хозяин не решит сделать там ремонт.

В читальном зале было тихо той особенной тишиной, которая бывает в операционных. Свет падал из высоких окон пыльными столбами, в которых лениво плавали частицы прошлого. И там, в самом конце зала, за массивным дубовым столом, я увидела его. Глеб сидел, ссутулившись, его

широкие плечи под старым темно-синим свитером казались слишком громоздкими для этого пространства. Он выглядел как деталь от мощного пресса, которую случайно засунули в механизм старинных часов. Его шея была напряжена, голова чуть наклонена вправо - поза человека, который ожидает удара в спину.

Я подошла ближе, не стараясь идти тише. Скрытность - это для тех, кому есть что терять, а я пришла за своим. Он не обернулся, но я увидела, как дернулась жилка на его виске. Он знал, что это я. Мой ритм шагов, мой запах - ваниль, смешанная с резким дезинфектором для рук - он уже выучил эти ингредиенты.

- Вы преследуете меня, Таисия, или это просто статистическая неизбежность нашего общего проклятия? - произнес он, не поднимая глаз от папки.

Его голос звучал глухо, с той самой медлительностью, которая всегда заставляла меня хотеть его встряхнуть. Он произносил слова так, будто каждое из них было антикварной ценностью, которую жалко выставлять на продажу.

- Это называется - производственная необходимость -, Глеб. Я не могу планировать закупки на квартал, когда не знаю, не превратится ли мое помещение в тыкву или, что хуже, в филиал вашего пыльного склада.

Я отодвинула тяжелый стул напротив него. Звук получился резким, царапающим. Несколько человек за соседними столами синхронно шикнули, но мне было плевать. Я села,

чувствуя, как дерево стола холодит мои ладони. Глеб наконец поднял взгляд. Его глаза были цвета пережженного сахара - темные, с горьким отливом.

- Вы так отчаянно цепляетесь за эти стены, будто они сделаны из золота, а не из крошащегося кирпича девятнадцатого века, - он закрыл папку, положив на нее свои длинные, сухие пальцы. - Зачем вам эта битва? Вы же молодая женщина. Вы могли бы печь свои эклеры в любом современном торговом центре, где нет плесени в подвалах и призраков обманутых вкладчиков.

- В торговых центрах нет истории, Глеб. Там стерильно, как в морге. А здесь... - я запнулась, подыскивая слово, которое не звучало бы слишком сентиментально. - Здесь есть структура. Я вложила в эту кухню больше, чем просто деньги. Я вложила туда свой тайминг. Вы понимаете, что такое настроить технологическую линию в здании, где скачет напряжение и стены дышат? Это как приручить дикое животное. Я не отдам его просто потому, что вам грустно смотреть на солнце.

Глеб усмехнулся. Это была не добрая усмешка, а скорее технический оскал.

- Вам кажется, что контроль над тестом дает вам контроль над реальностью. Это опасное заблуждение. Мой отец тоже думал, что если он идеально выстроит логистику, то его никто не предаст. Но люди - это не мука высшего сорта. У них есть срок годности, который не указан на упаковке. И они

портятся в самый неподходящий момент.

Он кивнул на стопку папок между нами.

- Я ищу здесь подтверждение того, что раздел этого здания в девяносто четвертом был проведен с нарушениями. Если я найду хотя бы одну неверную запятую в акте передачи, ваша - структура - сложится как карточный домик.

- Тогда нам стоит искать вместе, - я потянулась к верхней папке. - Потому что если там есть нарушения, они могут коснуться и вашей части. Вы же не хотите проснуться в один день и узнать, что ваша библиотека юридически принадлежит какому-нибудь офшору на Кипре?

Он промолчал, и это было согласие. Мы сидели в тишине следующие два часа. Это была странная, почти физическая работа. Бумага в архивах была разной: шершавой, тонкой, как папиросная, или плотной и липкой от времени. Я листала страницы, и мои пальцы, привыкшие к текстуре теста, мгновенно улавливали разницу. Я чувствовала фальшь в документах так же, как чувствую избыток соды в креме.

Мои мысли постоянно соскальзывали с юридических терминов на человека напротив. Я видела, как он перелистывает страницы - медленно, почти нежно, словно боится причинить им боль. Его плечи под свитером все еще были каменными. Я представила, как прохожусь по этим мышцам основанием ладони, с силой, как я вымешиваю тугое тесто для хлеба. Ему нужно было расслабиться, иначе он просто треснет. В нем было слишком много накопленного статического

электричества.

- Посмотрите сюда, - вдруг сказал он.

Я придвинулась ближе. Наши плечи почти соприкоснулись, и я почувствовала тепло, исходящее от него. Это было неожиданно - он казался холодным, как лед в промышленном морозильнике, но на деле он буквально горел.

- Вот акт инвентаризации за май девяносто шестого, - Глеб указал на пожелтевший лист. - Видите? Здесь указаны общие коммуникации. Узел учета воды был один на все здание. А теперь посмотрите на план раздела, который подписан через месяц. Узел учета магическим образом исчезает из описания обеих долей.

Я всмотрелась в мелкие цифры и чертежи. Мой глаз, натренированный замечать доли грамма на весах, выхватил несостыковку.

- Его не просто убрали. Его перенесли в приложение номер четыре, которого... - я начала лихорадочно перелистывать папку. - Которого здесь нет.

- Именно, - Глеб откинулся на спинку стула, и я почувствовала, как пространство между нами внезапно расширилось, лишая меня его тепла. - Кто-то аккуратно изъясил страницы, касающиеся раздела инженерных сетей. Без этого приложения невозможно понять, где проходит граница ответственности. Это юридическая серая зона. Идеальное место для того, чтобы устроить рейдерский захват или просто выжить неугодного соседа.

- Вы думаете, это было сделано тогда? В девяностых?

- Или позже, когда кто-то понял, что здание начинает расти в цене. Таисия, вы понимаете, что это значит? Мы с вами сейчас сидим на пороховой бочке. Если приложения нет в городском архиве, значит, оригинал у того, кто хочет диктовать условия.

Я посмотрела на свои руки. На большом пальце была маленькая царапина от края бумаги. Кровь еще не выступила, но кожа уже покраснела.

- Мой отец всегда говорил: если в рецепте не хватает ингредиента, значит, повар хочет скрыть, что блюдо испорчено.

- Ваш отец был мудрым человеком, хотя и, судя по вашим рассказам, не слишком удачливым, - Глеб снова помрачнел.

- Мой отец был другим. Он верил в буквы. В подписи. В печати. Он думал, что если все зафиксировано на бумаге, то мир в безопасности. Он умер, сжимая в руках папку с документами, которые ничего не значили.

Я почувствовала резкий укол жалости, который тут же подавила. Жалость - это плохой консервант, от нее все только быстрее гниет.

- Мы найдем эти страницы, Глеб. Если их нет здесь, они есть где-то еще. В БТИ, в частных архивах, у бывших владельцев. Я не позволю кому-то вычеркнуть меня из моей собственной жизни только потому, что у них есть ластик и отсутствие совести.

- Ваша уверенность почти заразительна, - он посмотрел

на меня с интересом, который впервые не был приправлен цинизмом. - Но вы забываете об одном. Тот, кто забрал эти страницы, скорее всего, следит за этим зданием. И наше с вами внезапное сотрудничество может ему не понравиться.

- Пусть не нравится, - я захлопнула папку. - Я привыкла работать при высоких температурах.

Мы вышли из библиотеки вместе. На улице было прохладно, ветер пах дождем и бензином. Я чувствовала себя так, будто только что закончила сложную смену - тело ныло, но в голове была странная, звенящая ясность. Мы остановились у подножия массивной лестницы.

- Завтра я поеду в управление кадастра, - сказала я, поправляя сумку на плече. - У меня там есть знакомый технолог, который когда-то занимался согласованием пищевых производств. Может, у него остались выходы на старые базы.

Глеб посмотрел на меня сверху вниз. Он был выше, чем я думала. В нем была эта старая, дворянская стать, которая сейчас казалась анахронизмом.

- Будьте осторожны, Таисия. Вы ищете логику там, где правит жадность. Это разные системы координат.

- Я справлюсь, Глеб. Я профессиональный кондитер. Я знаю, как обращаться с тем, что может обжечь.

Я развернулась и пошла к своей машине, чувствуя его взгляд на своей спине. Это было похоже на физическое давление, на груз, который я должна была нести. Мои ноги двигались четко, шаг - вдох, шаг - выдох. Я не оглядывалась.

В моем мире оглядываться - значит потерять темп. А темп сейчас был единственным, что отделяло меня от падения в ту самую пропасть, которой я так боялась.

Вечером я снова была на кухне. Это было мое убежище, мой полигон. Я включила миксер на полную мощность, и его ровный гул вытеснил из головы тишину библиотеки. Я делала заварной крем. Это тонкий процесс: молоко должно быть горячим, но не кипящим, желтки нужно вводить постепенно, постоянно работая венчиком. Если зазеваешься хоть на секунду - крем свернется, превратится в сладкий омлет, и все придется начинать сначала.

Я работала механически, но мое тело помнило каждое движение Глеба в архиве. То, как он поправлял очки. То, как он замирал, когда находил нужную дату. Он был как закваска - сложный, капризный продукт, который требует особого температурного режима. И я, кажется, начала этот режим нащупывать.

Мой внутренний критик, обычно орущий голосом тренера по легкой атлетике, сегодня молчал. Вместо него в голове крутилась фраза Глеба о сроке годности людей. Я думала о своем отце. Он всегда верил, что следующий проект будет - тем самым -. Что следующая квартира станет - домом -. Мы паковали коробки каждые полгода. Моя мышечная память до сих пор хранит ощущение скотча, натянутого на картон. Разрезать, сложить, заклеить. Моя жизнь была серией временных отрезков, и кондитерская стала первой попыткой

остановить этот бег. Закрепиться. Пустить корни в арендованный бетон.

Крем загустел, стал гладким и блестящим. Я сняла сотейник с огня и начала интенсивно мешать его, выбивая лишний воздух. Физическая нагрузка приносила облегчение. Мои трицепсы горели, но это была правильная боль. Понятная.

Внезапно зазвонил телефон. Это был номер, который я не знала, но сердце - нет, не ухнуло вниз, оно просто сбилось с ритма, как мотор, в который попал мусор.

- Да? - я прижала трубку плечом к уху, не переставая мешать крем.

- Таисия, это Глеб.

Его голос в трубке звучал иначе - более низко, с какими-то вибрирующими обертонами.

- Я нашел кое-что еще. Дома. В архиве отца.

Я остановилась. Венчик замер в густой массе.

- И что там?

- Там письмо. От женщины, которая была партнером моего отца. И, кажется, вашей семьи это тоже касается. Она упоминает фамилию... вашу девичью фамилию. Ковальская.

Я почувствовала, как холод пробежал по позвоночнику, как будто кто-то открыл дверь в морозильную камеру прямо за моей спиной. Ковальская. Это фамилия моей матери. Отец сменил ее на свою сразу после свадьбы и никогда не любил вспоминать о тех временах, когда он работал на - больших людей -.

- Глеб, я... мне нужно это увидеть.

- Приходите завтра утром. До открытия вашей лавки. Я буду ждать в библиотеке. В своей библиотеке.

Он повесил трубку, не дожидаясь ответа. Я стояла на кухне, окруженная запахом ванили и тепла, но мне казалось, что я снова на той лестнице в библиотеке, и ступеней под моими ногами больше нет. Только пустота и пыльные столбы света.

Я посмотрела на свой крем. Он начал заветриваться, сверху образовалась тонкая пленка. Испорчено. Я взяла сотейник и одним резким движением вывалила содержимое в мусорное ведро. Сегодня я не могла ничего создать. Сегодня я могла только разрушать.

Ночь прошла в полусне. Мне снились чертежи, на которых стены моей кондитерской превращались в книжные полки, а книги - в мешки с мукой. Глеб стоял в центре этого хаоса и медленно вырывал страницы из моей жизни, а я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, потому что мои мышцы превратились в застывшую карамель.

Я встала в пять утра. Мое тело было разбитым, голова тяжелой, как после плохого вина. Но как только я вошла в душ и включила ледяную воду, контроль начал возвращаться. Холод - лучший стабилизатор. Он сужает сосуды, собирает волю в кулак, заставляет сердце качать кровь быстрее. Я была готова.

Когда я подошла к зданию нашей общей войны, город еще только начинал просыпаться. Туман лежал на асфальте се-

рым одеялом. Дверь в книжный магазин Глеба была приоткрыта. Это было странно - он всегда запирался на все засовы, словно охранял не книги, а золото партии.

Я вошла внутрь. Запах пыли и старой бумаги здесь был еще сильнее. В глубине зала горела одна лампа. Глеб сидел в кресле, его лицо в неверном свете казалось высеченным из камня. Перед ним на низком столике лежало пожелтевшее письмо.

- Вы быстро, - сказал он, не оборачиваясь.

- Я не люблю ждать, когда закипает вода. Рассказывайте.

Я подошла и села на край соседнего кресла. Мое тело было в тонусе, готовое к любому повороту. Глеб протянул мне лист. Почерк был летящим, женским, с острыми углами на буквах -и- и -н-.

- Читайте со второго абзаца, - тихо произнес он.

Я начала читать, и слова кололи глаза, как осколки сахара. - ...Твой Ковальский оказался слишком жадным. Он думал, что если он контролирует поставки, то он контролирует всё. Но он забыл, что здание принадлежит не тому, кто в нем работает, а тому, кто хранит ключи от прошлого. Я забрала документы на узел связи и архивы раздела. Если он не пойдет на условия, он останется с голыми стенами без воды и света. А ты, дорогая мой, останешься со своими книгами, пока они не сгниют от сырости, потому что я перекрою отопление... -

Я дочитала до конца и почувствовала, как у меня мелко дрожат пальцы. Ковальский. Мой отец. Он не просто рабо-

тал здесь, он был частью какой-то грязной игры, о которой я никогда не знала. Вся его - неудача -, все наши переезды - это было бегство. Бегство от этой женщины и от того, что он натворил.

- Мой отец не выдержал этого давления, - Глеб заговорил так тихо, что мне пришлось наклониться к нему. - Он не был бойцом. Он был хранителем. А ваш отец... он, кажется, пытался откусить больше, чем мог проглотить. И в итоге подавились мы все.

Я посмотрела на Глеба. В его глазах я увидела то же самое, что чувствовала сама - усталость от чужих грехов. Мы были заложниками сценария, написанного людьми, которых уже нет. Или которые давно забыли о нашем существовании.

- Это письмо объясняет, почему страниц нет в архиве, - я вернула ему лист. - Она их украла. Чтобы шантажировать моего отца и уничтожить твоего.

- И теперь кто-то делает то же самое, - Глеб поднялся. - Тот, кто прислал мне уведомление о выселении, явно действует по той же схеме. У них есть те самые документы.

Я тоже встала. Напряжение между нами достигло предела. Это не было влечением в привычном понимании - это было узнавание. Два сломанных механизма, которые вдруг нашли общую деталь.

- Значит, мы их найдем, - я сделала шаг к нему. - Глеб, послушай меня. Я не знаю, кем был мой отец на самом деле. Но я знаю, кто я. Я не беженка. И я не позволю прошлому

превратить мою жизнь в просроченный продукт. Мы найдем эту женщину. Или ее наследников. Мы найдем документы.

Глеб посмотрел на меня, и его плечи наконец опустились. На мгновение он показался мне просто человеком, а не памятником собственной скорби.

- Вы сумасшедшая, Таисия. У вас кондитерская в осаде, а вы собираетесь воевать с призраками девяностых.

- В кондитерском деле есть такое понятие - стабилизация -, - я слегка улыбнулась, и это была самая искренняя улыбка за последние месяцы. - Чтобы десерт держал форму, ему нужно время и правильные условия. Мы просто создаем эти условия. Вместе.

Он долго молчал, глядя на письмо. А потом протянул мне руку. Его ладонь была сухой и горячей. Когда я коснулась ее, по моему телу прошла волна, похожая на ту, что бывает, когда после долгого бега ты наконец останавливаешься и чувствуешь, как кровь приливает к мышцам. Это была не слабость. Это была новая форма силы.

- Хорошо, - сказал он. - Вместе. Но если мы проиграем, вы научите меня печь те самые эклеры. Чтобы мне было чем заняться в изгнании.

- Мы не проиграем, Глеб. У меня идеальный тайминг.

Я вышла из его магазина, и солнце наконец пробилось сквозь туман. Город вокруг казался другим - не декорацией для моего одиночества, а полем боя, на котором у меня наконец-то появился союзник. Мои плечи были расслаблены,

шаг стал легким. Я знала, что впереди еще много работы, много грязи и, возможно, новых разочарований. Но сейчас, в эту секунду, я чувствовала себя абсолютно живой.

Я шла к своей кондитерской, и в голове уже выстраивался новый рецепт. Не только для теста, но и для всей моей жизни. И в этом рецепте наконец-то появились правильные ингредиенты. Горькие, острые, сложные - но именно они делают вкус по-настоящему глубоким.

Я открыла дверь своего заведения. Запах ванили окутал меня, как старый добрый друг. Но сегодня он не был щитом. Сегодня он был знаменем. Я надела фартук, затянула узел на пояснице так туго, что почувствовала опору в позвоночнике.

Работа началась. И на этот раз я точно знала, что делаю. Контроль не вернулся - он трансформировался в нечто большее. В доверие к процессу, который я больше не пыталась просчитать до секунды. Потому что иногда, чтобы получить идеальный результат, нужно просто позволить огню делать свою работу.

И я была готова гореть. Вместе с Глебом, против всего мира, за право называть это место своим домом. За право перестать паковать коробки.

Завтра будет новый день. И мы доедим эту кашу до конца. Теперь я в этом не сомневалась.

ГЛАВА 11: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА

В четыре утра мир пахнет не росой и надеждами, а сырой мукой и остывающим камнем печей. Это мой любимый час. Час, когда тайминг еще не начал свой обратный отсчет, когда я нахожусь в позиции низкого старта. Мои бицепсы помнят вес каждого мешка сахара, а пальцы на автомате проверяют текстуру пралине. В кондитерском деле нет места сантиметрам. Есть только температура, влажность и натяжение клейковины. Если ты чувствуешь тесто, ты чувствуешь правду. Все остальное - белый шум, который создают люди, чтобы оправдать свою лень.

Глеб спал в своей каморке за стеллажами, и его присутствие в моем цехе ощущалось как инородный предмет в отлаженном механизме. Знаете, как бывает, когда в тестомес попадает косточка от вишни? Скрежет, рывок, и вся партия летит в мусор. Он был этой косточкой. Моя правая лопатка ныла - старая травма еще со времен юниорской сборной, когда я перепахала на тренировке. Тело - это честный прибор. Оно никогда не врет, в отличие от юридических договоров и витиеватых фраз Глеба.

Я проверяла заготовки для муссовых тортов. Зеркальная глазурь должна быть ровно тридцать пять градусов. Ни гра-

дусом больше, иначе она сползет, обнажив пористую плоть десерта. Ни градусом меньше, иначе ляжет некрасивыми комками. Контроль. Это то, на чем держится мой мир. Мой отец всегда говорил, что порядок - это иллюзия для слабых, но он закончил жизнь в съемной однушке, заваленной лотерейными билетами. Я выбрала другой путь. Мои полки пронумерованы, мои счета оплачены за месяц вперед, мой фартук накрахмален так, что об его край можно порезаться.

Вентиляция гудела в привычном ритме. Я потянулась за сотейником, и в этот момент звук изменился. Это не был хлопок. Это был стон металла, который устал сопротивляться давлению. Знакомый звук для тех, кто годами живет в зданиях с сомнительной родословной. Труба под потолком, та самая, что шла вдоль стены с книжными полками Глеба, лопнула с таким изяществом, словно это было запланированное шоу.

Сначала пошел пар. Плотный, обжигающий, он мгновенно превратил кухню в турецкую баню. А потом ударила струя. Горячая вода, рыжая от ржавчины и старых обид этого дома, хлынула прямо на нижние полки, где Глеб вчера расставил свои сокровища. Те самые прижизненные издания, о которых он говорил с таким придыханием, будто это были не стопки бумаги, а мощи святых.

Первая мысль была технической: электричество. Я рванула к щитку, чувствуя, как кроссовки скользят по мгновенно намокшему кафелю. Мышцы бедер напряглись, удержи-

вая равновесие. Щелчок рубильника - и цех погрузился в полумрак, освещаемый только аварийным фонарем. Вторая мысль: книги.

Я не люблю книги так, как их любит Глеб. Для меня это носители информации, часто избыточной. Но я знаю, что такое потерять базу. Я помню, как мы уезжали из очередной квартиры в три часа ночи, и отец выбрасывал мои учебники и старые фотографии в мусоропровод, потому что в багажнике не хватало места для его "очень важных чертежей". Потеря собственности - это ампутация части личности.

Я бросилась к полкам. Вода хлестала под углом, рикошета от стены. Горячие капли обжигали шею, но я не чувствовала боли, только привычный азарт выживания. Я схватила свой тяжелый холщовый фартук, сорвала его с крючка и накрыла им верхний ряд книг, прижимаясь всем телом к стеллажу. Горячая вода пропитала футболку на спине за секунду. Кожа зашипела, мозг послал сигнал о термическом ожоге, но я только плотнее вжалась в дерево.

- Глеб! Глеб, черт тебя дери, проснись! - закричала я, чувствуя, как пар забивается в легкие.

Мои руки дрожали от напряжения. Удержать эту массу воды своим телом было невозможно, но я пыталась создать своего рода козырек. Вода стекала по моим локтям, заливалась за шиворот. Я чувствовала, как под моими ладонями намокает корешок какой-то древней книги. Кожанный переплет, шершавый, как ладонь старика. В этот момент я нена-

видела Глеба за его медлительность, за его любовь к хламу, за то, что он заставил меня снова защищать чужие руины.

Он появился через вечность. На самом деле прошло секунд десять. Он выскочил из своей каморки в одних тренировочных штанах, взъерошенный, потерянный. Его взгляд метнулся от меня к залитым полкам. В полумраке его глаза казались огромными черными дырами.

- Вентиль! В подсобке, за бойлером! - рявкнула я. Мой голос сорвался на хрип. - Быстро, Глеб!

Он не стал задавать вопросов. Впервые его аристократическая медлительность испарилась. Он рванул в подсобку, и я услышала грохот опрокинутого ведра. Я продолжала стоять, вцепившись в полки. Вода уже не просто текла, она пульсировала. Каждый толчок отзывался в моих костях. Я думала о том, что глазурь в сотейнике уже наверняка испорчена. Температурный режим нарушен. Весь сегодняшний день - в мусор. Весь мой контроль - псу под хвост.

Раздался металлический скрежет, потом звук удара, и струя начала слабеть. Сначала она превратилась в ленивый душ, а потом в редкую капель. Глеб вернулся, тяжело дыша. Его плечи, которые обычно казались слишком узкими для этого мира, сейчас выглядели широкими и напряженными. Он подошел ко мне и замер.

- Отойди, - сказал он. Его голос был лишен привычного сарказма. Это был голос человека, который только что увидел аварию на скоростном шоссе.

Я отлепилась от стеллажа. Мокрая одежда прилипла к телу, как вторая кожа. Я чувствовала, как по спине ползет холод - вода начала остывать. Фартук, тяжелый от влаги, упал на пол с глухим звуком.

- Книги... - выдохнула я, кивнув на полки. - Я закрыла, сколько смогла. Нижние... нижним конц.

Глеб проигнорировал книги. Он подошел вплотную и схватил меня за плечи. Его пальцы были холодными и сухими.

- Ты обожглась, - он не спрашивал, он констатировал факт, глядя на мою покрасневшую шею и плечо.

- Ерунда. Производственная травма. У меня карамель на руки выливалась, это пободрее будет, - я попыталась отшутиться, но челюсть начала мелко дрожать. Это был не холод, это был адреналиновый откат.

- Посмотри на меня, - потребовал он.

Я подняла глаза. Впервые за все время нашего знакомства в его взгляде не было этой дистанции, этого "я читаю вас как дешевый детектив". Там был страх. И это был не страх за первое издание Бродского. Это был страх за меня. Это осознание ударило сильнее, чем струя горячей воды.

- У тебя есть мазь? Пантенол или что-то подобное? - он говорил быстро, отрывисто.

- В аптечке, над мойкой. Но сначала книги. Глеб, их надо промокнуть, иначе бумага вздуется. Если мы сейчас...

- К черту книги, Таисия. Сядь.

Он буквально силой усадил меня на высокий табурет. Я хотела сопротивляться, хотела вскочить и начать ликвидировать последствия, потому что для меня порядок - это единственное лекарство от хаоса. Если я сейчас не вытру пол, если не спасу то, что можно спасти, мир развалится. Но Глеб навис надо мной, пресекая любые попытки к бегству.

Он принес аптечку. Его руки все еще дрожали, когда он открывал тюбик, но движения были точными. Когда он коснулся моей шеи прохладным гелем, я непроизвольно вздрогнула. Мышечная память сработала на защиту, я напряглась, готовая отразить удар, но почувствовала только бережное, почти невесомое прикосновение.

- Зачем ты это сделала? - спросил он, глядя на то, как мазь впитывается в мою кожу. - Ты могла просто отойти. Это просто бумага.

- Для тебя это не просто бумага, - я закрыла глаза, чувствуя, как запах лекарства смешивается с ароматом ванили, который навсегда въелся в эти стены. - Я знаю, каково это, когда у тебя отнимают последнее. Даже если это старые пыльные тома. Ты держишься за них как за якорь. Если якорь оторвется, тебя унесет в открытое море, а там... там нет ничего, кроме долгов и чужих ожиданий.

Он замолчал. Тишина в цехе стала осязаемой. Только редкие капли воды падали в пустые сотейники. Кап. Кап. Кап. Это был ритм разрушения, который мы оба понимали слишком хорошо.

- Мой отец... - Глеб начал фразу и осекся. Он отошел к полкам, глядя на мокрые корешки. - Он всегда говорил, что вещи надежнее людей. Вещи не уходят, если их не выгнать. Они не меняют своего мнения. Они не предадут ради лучшей доли. Когда его партнерша забрала все деньги и уехала в штаты, он остался в пустом офисе, где были только папки с документами и книги. Он читал их по кругу три года, пока не умер. Я ненавидел эти книги. Но когда его не стало, я понял, что это единственное, что связывает меня с реальностью, где он был счастлив.

Я смотрела на его спину. Поджарый, с острыми лопатками, он казался сейчас очень хрупким. Его цинизм был всего лишь глазурью - тонкой, блестящей оболочкой, которая скрывала мягкую, легко разрушающуюся основу. Мы были похожи больше, чем я хотела признавать. Два человека, забаррикадировавшихся в своих крепостях: я - из мешков с мукой, он - из книжных стеллажей.

- Мы их спасем, - сказала я, вставая с табурета. Боль в плече стала тупой и терпимой. - Не все, но большинство. У меня есть профессиональный осушитель воздуха для шоколадной комнаты. Если мы сейчас переложим их пергаментом и включим его на полную мощность, есть шанс.

Глеб обернулся. В его глазах промелькнула тень улыбки - горькой, но настоящей.

- Ты всегда решаешь проблемы через технологические процессы?

- А как еще? Эмоции не чинят трубы и не сушат бумагу. Эмоции только увеличивают энтропию.

Мы работали следующие три часа. Это был странный танец. Мы не разговаривали, но двигались в унисон. Я приносила рулоны пекарской бумаги, Глеб осторожно прокладывал листы между страниц. Мы работали быстро, как на конвейере. Мои пальцы, привыкшие к деликатной работе с декором, действовали уверенно. Я видела, как он смотрит на мои руки - на коротко подстриженные ногти, на ожог, на уверенные жесты.

В какой-то момент наши руки соприкоснулись над томом Диккенса. Его кожа была холодной, моя - горячей. Это был температурный шок в миниатюре. Я не отдернула руку. Я посмотрела на него, и на мгновение мне показалось, что время остановилось. Не было ни лопнувшей трубы, ни долгов, ни этой дурацкой войны за помещение. Был только этот момент - соленый вкус пота на губах, запах мокрой бумаги и ощущение, что я не одна в этом цехе.

- Таисия, - тихо произнес он. Его голос больше не звучал как аннотация к книге. Он звучал как признание. - Почему ты так боишься остановиться?

- Потому что если я остановлюсь, я услышу тишину, - ответила я, не отрывая взгляда от его глаз. - А в тишине приходят вопросы, на которые у меня нет ответов. Кто я без этого фартука? Зачем я бегу? Куда делись те десять лет, которые я провела у плиты?

- Ты - это не твоя вырочка, - Глеб сделал шаг ближе. От него пахло старой библиотекой и чем-то еще - мужским, резким, настоящим. - И не твои идеальные торты.

- А кто тогда? Покажи мне этого человека, потому что я его не видела с десятилетнего возраста.

Он протянул руку и убрал выбившуюся прядь моих волос за ухо. Его пальцы задержались на моей щеке. Это было физическое сопротивление среды, которое я не хотела преодолеть. Мое тело, вечно готовое к рывку, вдруг расслабилось. Статика сменилась какой-то новой, пугающей текучестью.

- Мы найдем его, - сказал он. - Среди этих мокрых страниц и разбитых планов.

В этот момент в подсобке что-то снова зашумело, и мы вздрогнули, разрывая контакт. Магия момента рассыпалась, как неудачное безе. Снова включился режим выживания.

- Надо доделать книги, - я отвела взгляд, чувствуя, как щеки горят вовсе не от пара. - Скоро утро. Придут поставщики, нужно будет объяснять, почему у нас тут филиал Венеции.

- Я сам поговорю с ними, - Глеб вернулся к полкам. - И с владельцем здания тоже. Эту трубу должны были заменить еще в прошлом году. Я найду их договор техобслуживания и заставлю их оплатить ремонт. И твои убытки.

- Ты? Заставишь? - я не смогла сдержать иронии. - Ты же ненавидишь конфликты. Ты предпочитаешь сидеть в углу с книжкой и делать вид, что тебя это не касается.

- Значит, пришло время выйти из угла, - он посмотрел на

меня через плечо. В его взгляде появилась жесткость, которую я раньше не замечала. - Иногда, чтобы сохранить свой мир, нужно научиться воевать за чужой.

Я ничего не ответила. Я просто продолжала резать пергамент. Но внутри что-то изменилось. Тот самый внутренний критик, который обычно кричал голосом строгого тренера "Быстрее! Идеальнее!", вдруг замолчал. На его месте появилось странное, непривычное чувство защищенности.

Мы закончили, когда первые лучи солнца пробились сквозь мутные окна кухни. Свет был безжалостным. Он высветил потеки на стенах, лужи на полу и наши измученные лица. Мы сидели на полу, привалившись к остывшей печи, и смотрели на ряды книг, проложенных бумагой. Они выглядели как раненые птицы с перебинтованными крыльями.

- Знаешь, - подал голос Глеб после долгого молчания, - я ведь правда думал, что ты просто шум. Энергичная, амбициозная женщина, которая хочет закатать все в пластик и залить сиропом.

- А я думала, что ты - памятник самому себе. Пыльный, бесполезный и очень гордый своей неподвижностью.

- И что теперь?

- Теперь у нас общая катастрофа, - я посмотрела на свои руки. Они были грязными, в разводах ржавчины и мази. - А общие катастрофы сближают лучше, чем общие интересы. Это база, Глеб. Если люди вместе выгребали дерьмо, они уже не смогут делать вид, что не знакомы.

Он тихо рассмеялся. Это был первый раз, когда я слышала его смех - не саркастичный смешок, а нормальный человеческий звук.

- Твои метафоры как всегда изысканны, Таисия.

- Какие есть. Я не училась в Оксфорде. Я училась на кухне, где если ты не назовешь вещи своими именами, ты получишь ожог или штраф.

Я попыталась встать, но ноги затекли. Глеб тут же протянул мне руку. Я оперлась на нее, чувствуя силу его мышц. Он не был слабым. Он просто долго не видел смысла в том, чтобы быть сильным.

- Иди поспи, - сказал он. - Я приберу здесь.

- Ты? Приберешь? Глеб, ты даже не знаешь, где лежит швабра.

- Я найду. Это не квантовая физика. К тому же, я должен тебе за спасение моей "религии".

Я посмотрела на него - босого, в мокрых штанах, с размазанной сажей на лбу. Он выглядел как человек, который впервые за долгое время вышел из своей скорлупы. И этот вид мне нравился гораздо больше, чем его образ высокомерного букиниста.

- Швабра в шкафу справа от мойки. Тряпки там же. И не вздумай включать печи, пока я не проверю проводку.

- Слушаюсь, шеф, - он шутливо салютовал мне.

Я пошла к лестнице, чувствуя каждую мышцу своего тела. Спина ныла, ожог пульсировал, но в голове было на удивле-

ние ясно. Технологическая катастрофа произошла, контроль был потерян, но мир не рухнул. Наоборот, он обрел новые очертания.

Я поднялась в свою комнату, скинула мокрую одежду и залезла под одеяло. Перед глазами все еще стоял Глеб, прижимающий аптечку к груди. Я думала о том, что иногда труба должна лопнуть, чтобы сорвать маски. Чтобы показать, что под слоем цинизма и трудоголизма живут два напуганных ребенка, которые просто хотят, чтобы их не бросали в три часа ночи с чемоданами на обочине.

Я засыпала под звуки швабры, скребущей по кафелю вниз. Это был лучший звук, который я слышала за последние годы. Это был звук того, что я больше не одна в этой битве.

Проснулась я от запаха кофе. Не того растворимого мусора, который обычно пила на бегу, а настоящего, крепкого кофе с нотками шоколада. Я открыла глаза и не сразу поняла, где нахожусь. Солнце заливало комнату, и в воздухе танцевали пылинки.

Я спустилась вниз. Кухня сияла. Глеб не просто вытер воду, он отдраил пол так, как я сама бы не сделала. Книжки стояли на столах, обдуваемые осушителем. Сам Глеб сидел у окна с двумя чашками.

- Доброе утро, - сказал он, не оборачиваясь. - Я взял на себя смелость воспользоваться твоей кофемашиной. Надеюсь, я не нарушил никакие технологические карты?

- Сносно, - я подошла и взяла чашку. Кофе был идеаль-

ным. - Где ты научился так варить?

- Отец был фанатом правильной обжарки. Еще одна вещь, которую я у него перенял.

Я села напротив него. Мы молча пили кофе, глядя на улицу, где уже началась обычная городская суэта. Машины, люди, шум. Но здесь, внутри нашего маленького, пострадавшего от наводнения мира, было тихо.

- Таисия, я нашел те письма, - вдруг сказал он, глядя в свою чашку.

- Какие письма?

- Те, что были в стене. Я нашел их вчера, когда двигал стеллажи, еще до аварии. Я не хотел тебе говорить, думал использовать как рычаг в суде.

Я почувствовала, как внутри все сжалось. Снова "рычаги", снова война.

- И что там? - мой голос прозвучал суше, чем мне хотелось бы.

- Там переписка прежних владельцев этого места. Сороковые годы. Похоже, здесь всегда была кондитерская. И книжная лавка. Они были партнерами. И любовниками. Но дело не в этом.

Он достал из кармана пожелтевший конверт и положил его на стол между нами.

- Там сказано, что здание никогда не продавалось по частям. Был договор о совместном владении, который нельзя расторгнуть в одностороннем порядке. Мой отец и твой

арендодатель... они оба знали об этом. Но они предпочли скрыть этот факт, чтобы играть в свои игры.

Я смотрела на конверт, не решаясь прикоснуться.

- То есть, мы оба имеем право здесь находиться? - медленно спросила я.

- Больше того. Мы обязаны здесь находиться вместе, если хотим сохранить это место. По отдельности мы никто. Юридически мы связаны этим домом крепче, чем брачными узами.

Я откинулась на спинку стула. Ирония судьбы была такой плотной, что ее можно было резать ножом. Мы воевали за территорию, которая изначально требовала союза. Мой гиперконтроль и его пассивная оборона были двумя сторонами одной медали - страха потерять то, что нам никогда полностью не принадлежало.

- И что ты предлагаешь? - спросила я, чувствуя, как пульс учащается.

Глеб посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде не было издевки. Только странная, пугающая честность.

- Я предлагаю перестать чинить то, что не сломано, и начать строить на обломках. У тебя есть рецепт идеального теста, у меня есть понимание того, как это упаковать в историю. Давай попробуем не уничтожать друг друга хотя бы одну неделю.

Я смотрела на его руку, лежащую на столе. Длинные пальцы, след от чернил на указательном. Моя рука, с покраснев-

шим следом от ожога, лежала рядом. Между нами было расстояние в несколько сантиметров, но сейчас оно казалось преодолимым.

- Неделя - это долгий срок для кондитерского изделия, - сказала я, и мои губы сами собой растянулись в улыбке. - У него выйдет срок годности.

- Тогда нам придется постоянно обновлять ингредиенты, - ответил он, и его пальцы коснулись моих.

Это не было похоже на сцену из романа. Это было похоже на удачное завершение сложного технологического процесса. Когда все ингредиенты смешаны в правильной пропорции, температура выверена до градуса, и ты понимаешь - продукт получится качественным.

Я не убрала руку. Я почувствовала мышечную память этого момента. Это было то самое чувство опоры, которое я искала всю жизнь в списках дел и банковских счетах. Но опора оказалась не в цифрах, а в тепле чужой ладони.

- Ладно, Глеб. Неделя. Но если ты хоть раз назовешь мой бизнес шумом...

- То ты заставишь меня съесть килограмм мастики. Я помню.

Мы сидели в залитой солнцем кухне, среди мокрых книг и запаха кофе. Впереди было много работы: ремонт трубы, сушка архивов, объяснения с юристами. Но впервые за долгое время мне не хотелось паковать коробки. Я была дома. И, кажется, я была не одна.

Контроль не вернулся. Но он больше и не был нужен. Иногда, чтобы получить идеальный результат, нужно просто позволить огню делать свою работу. И я была готова гореть. Вместе с Глебом, против всего мира, за наше право быть здесь.

Я посмотрела на свои руки. Ожог почти не болел. Это была просто метка - напоминание о том, что жизнь иногда ломает наши планы, чтобы дать нам что-то настоящее. Что-то, что нельзя купить, арендовать или прописать в договоре.

- Глеб? - позвала я.

- Да?

- Швабру все-таки верни на место. Порядок в цехе - это святое.

Он засмеялся, и на этот раз я засмеялась вместе с ним. Наша война закончилась технологической катастрофой, которая стала нашим началом. И в этом рецепте наконец-то появились правильные ингредиенты. Горькие, острые, сложные - но именно они делают вкус по-настоящему глубоким.

Я знала, что завтра будет новый день. И мы доедим эту кашу до конца. Теперь я в этом не сомневалась. Потому что иногда, чтобы построить что-то вечное, нужно сначала до основания промокнуть под ржавым дождем из лопнувшей трубы.

ГЛАВА 12: СУШКА ЧУВСТВ

Когда смех окончательно выветрился из легких, оставив после себя только саднящее чувство в ребрах и привкус железной окалины во рту, реальность обрушилась на нас со скоростью падающего стеллажа. Вода больше не хлестала, мы перекрыли этот безумный фонтан, но ущерб был осязаемым, тяжелым и липким. Зал библиотеки выглядел как поле боя, на котором проиграли абсолютно все. Воздух стал тяжелым, перенасыщенным влагой, как в тропической оранжерее перед грозой, только вместо аромата орхидей здесь пахло старой бумагой, пылью, которая копилась десятилетиями, и сырым бетоном. Это был запах поражения.

Я посмотрела на Глеба. Он стоял посреди лужи, его старый джемпер потемнел от воды и обвис, делая его плечи еще более острыми и беззащитными. Он смотрел на полки, где корешки книг разбухли и выгнулись, будто пытаюсь вырваться из своих кожаных и коленкорových оков. В его взгляде не было ярости, только какая-то вымороженная, сухая пустота. Такая бывает, когда человек долго ждет катастрофы, и когда она наконец случается, он испытывает не шок, а странное, извращенное облегчение. Ну вот, пришло. Теперь не надо бояться.

- Нам нужно их вынимать, - сказала я, и мой голос прозвучал слишком резко в этой тишине, как удар ножа по раз-

делочной доске. - Глеб, слышишь? Если мы оставим их так до утра, завтра ты будешь выбрасывать не страницы, а куски плесени.

Он медленно повернул голову. Его глаза за стеклами очков казались огромными и какими-то детскими.

- Их тут тысячи, Таисия. Тысячи. Это невозможно.

Я почувствовала, как внутри меня включается режим аварийного управления. Мой внутренний тренер, тот самый, что заставлял меня делать еще десять отжиманий, когда руки уже превращались в вареную лапшу, рявкнул: Соберись, Таи. Время пошло. Температура карамели растет. Секунда - и будет гарь.

- Невозможно - это когда у тебя мука закончилась в три часа ночи перед заказом на сто тортов, - отрезала я. - А это просто объем работы. Технологический процесс. Слушай меня. Неси все салфетки, полотенца, туалетную бумагу, что у тебя есть. Все сухие тряпки. Я сейчас принесу из цеха рулоны бумажных полотенец и пергамент. Будем прокладывать страницы.

Я не ждала его ответа. Развернулась на пятках, чувствуя, как хлопает вода в кроссовках. Мои мышцы были в тонусе, тело привычно сгруппировалось для рывка. Я оценивала пространство как траекторию: отсюда до кухни, захватить подносы, вернуться, начать с нижних полок. Для меня это был не хаос, это была производственная линия, которая встала из-за сбоя оборудования. И я была тем единственным

инженером, который знал, как запустить конвейер.

Через десять минут мы сидели на полу в большой комнате, где было чуть суше. Я притащила огромную упаковку бумажных салфеток - мой стратегический запас для кондитерской. Глеб принес стопку каких-то старых льняных простыней, аккуратно порванных на лоскуты. Его движения были медленными, заторможенными. Он брал книгу так, будто это была раненая птица, которая может умереть от любого прикосновения.

- Быстрее, - скомандовала я, раскрывая первый том. - Не надо на них дышать, Глеб. Просто открываешь страницу через каждые десять-пятнадцать листов и вкладываешь салфетку. Вот так. Ритм, нам нужен ритм.

Я работала со скоростью профессионального упаковщика. Хлопок - страница, шелест - салфетка, хлопок - страница. Мои руки двигались по заученной дуге. В кондитерском деле руки живут отдельно от головы. Пока ты думаешь о налогах или о том, почему твоя жизнь похожа на плохо сбитый крем, пальцы идеально отсаживают макароны. Один за другим. Одинаковый размер, одинаковое давление. Сейчас я отсаживала спасение для его прошлого.

- Зачем ты это делаешь? - спросил он через полчаса. Его голос был тихим, он едва пробивался сквозь шорох бумаги.

Я не подняла глаз. Мой трицепс начал поднывать - знакомая, почти приятная боль.

- Потому что я ненавижу порченые продукты, - ответила

я. - И просроченные обязательства. Ты сдал мне помещение, в котором произошла авария. Я ликвидирую последствия. Считай, что это клининг, включенный в стоимость аренды.

- Ты врешь, - он остановился, держа в руках какой-то пожелтевший фолиант. - Ты делаешь это не из-за аренды. Ты просто не умеешь останавливаться. Ты как заведенная машина. Тебе страшно, что если ты перестанешь двигать руками, мир вокруг тебя рассыплется.

Я замерла на секунду. Салфетка в моих пальцах зашуршала. Его слова попали точно в нерв, как игла в забитую мышцу. Он считал меня. Просканировал своим циничным, книжным взглядом и нашел ту самую трещину в моем фундаменте, которую я так тщательно замазывала слоями глазури и трудоголизма. Да, Глеб, мне страшно. Мне до смерти страшно, что тишина сожрет меня живьем, если я не буду заполнять ее грохотом миксера или вот этим дурацким шелестом. Но я никогда не скажу тебе этого вслух.

- Меньше психоанализа, больше дела, - бросила я, возвращаясь к работе. - У нас еще пять полок. И чай сделай. Крепкий. С сахаром. Мне нужны углеводы.

Он поднялся, его колени хрустнули так громко, что я поморщилась. Глеб двигался как старик, хотя ему не было и сорока. Это была не физическая старость, а какая-то внутренняя статика. Он застрял в этом доме, в этих запахах, в этой пыли, как муха в янтаре. И он боялся любого движения, потому что движение разрушает янтарь.

Пока его не было, я продолжала работать. Вокруг меня росли горы использованных салфеток. Они впитывали влагу, становясь серыми и тяжелыми. Я смотрела на корешки книг. Латынь, немецкий, старая орфография. Для Глеба это были не просто предметы, это были его крепостные стены. Он забаррикадировался ими от реальности, где женщины предаются, партнеры обманывают, а отцы ломаются. Мой отец не ломался - он просто исчезал, растворялся в воздухе вместе с деньгами, оставляя нас с матерью в очередной съемной квартире с голыми стенами. Наверное, поэтому я так цепляюсь за право собственности. Мне нужны стены, которые не исчезнут.

Глеб вернулся с двумя огромными кружками. Одна была со сколом на ручке, старая, с каким-то выцветшим рисунком. Он поставил ее прямо на пол рядом со мной.

- Пей, - сказал он. - Там столько сахара, что у тебя может случиться диабетическая кома. Все как ты просила.

Я сделала глоток. Чай был обжигающим и невероятно терпким. Настоящий чифир. Но именно это мне было нужно. Тепло поползло по пищеводу, расслабляя сжатый комок в желудке.

- Спасибо, - буркнула я.

Он сел напротив, на то же место. Теперь между нами была не просто гора мокрых книг, а какая-то странная зона перемирия. Тишина больше не была колючей. Она стала плотной, как хорошо вымешанное тесто, которое отдыхает перед

выпечкой. Мы работали молча еще около часа. Я чувствовала, как мои плечи затекают. Статика - это самое сложное. В спорте тебя учат, что статическая нагрузка изматывает быстрее динамической. Держать планку сложнее, чем бежать стометровку. Сейчас мы оба держали планку.

Я наблюдала за его руками. У Глеба были длинные пальцы, тонкие, почти прозрачные. Он не был похож на человека, который может что-то починить или построить, но в том, как он касался страниц, была какая-то странная, почти хирургическая точность. Он не просто сушил бумагу, он ее лечил.

- Мой отец верил, что книга - это единственный способ обмануть время, - вдруг сказал он, не глядя на меня. - Он говорил, что люди умирают, империи рушатся, а типографская краска остается. Он собирал эту библиотеку как архив человеческих заблуждений. И когда его... когда его предали, он ушел сюда. В эти комнаты. Он перестал разговаривать с живыми людьми, потому что они не соответствовали качеству печати.

- И ты решил продолжить его дело? - я отложила законченную книгу и взяла следующую. - Стать хранителем склепа?

Глеб горько усмехнулся.

- Я просто не знал, что можно иначе. Когда ты растешь в тени великого горя, ты невольно начинаешь считать это горе своим наследством. Как фамильное серебро, которое слишком дорогое, чтобы им пользоваться, но слишком тяжелое,

чтобы его выбросить.

- Это глупо, Глеб. Горе - это не наследство. Это шлак. Его нужно вычищать из системы, иначе он забьет все фильтры. Мой отец тоже... он не был великим, он был просто неудачником. Он вечно гнался за каким-то призрачным кушем. Мы переезжали двенадцать раз. Двенадцать раз я собирала свои вещи в картонные коробки и гадала, будет ли в новой школе кто-то, кто не назовет меня нищенкой. Для него жизнь была игрой в рулетку, а для меня она стала бесконечным списком дел, которые нужно выполнить, чтобы не оказаться на улице. Твои книги - это твои коробки. Ты просто боишься их распаковать.

Он замолчал. Я видела, как напряглись его челюсти. Я снова была слишком резкой, слишком техничной. Я оценивала его жизнь как испорченный рецепт: слишком много горечи, недостаточно связующего вещества. Но Глеб не огрызнулся. Он просто продолжал вкладывать салфетки, медленно, ритмично.

- Твоя энергия, Таисия... она пугает, - произнес он наконец. - Ты заходишь в пространство и перекраиваешь его под себя. Вывески, запахи, этот твой цех. Ты как лесной пожар. После тебя ничего не остается прежним. Я смотрел на тебя и видел угрозу. Мне казалось, что ты сотрешь эту пыль вместе со мной.

- Пыль нужно стирать, Глеб. В пыли заводятся клещи.

- Но в пыли и история. Ты же не понимаешь ценности па-

утины.

- Я понимаю ценность свежего воздуха, - я почувствовала, как во мне поднимается привычное раздражение, но оно было не злым, а каким-то... бодрящим. - Твоя паутина - это просто отсутствие уборки. Ты называешь это верностью памяти, а я называю это ленью жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.